Игорь Азерин

Иван и Ясмина

Издание второе –
электронное дополненное

УДК 82 (3)
ББК 84 (4 Рос)
А 35

Игорь Азерин
Иван и Ясмина
роман

Азерин, И.

ISBN 978-5-9907-027-5-2

А 35 Иван и Ясмина/ Игорь Азерин– Пятигорск: Бёркхаус, 2016. – 317 с.

«Иван и Ясмина» – это история двух молодых людей, разделённых национальностью, вероисповеданием, мировоззрением. В ней есть тайные свидания и драки, внутренняя борьба и решимость, страсть и циничный расчёт. Вы познакомитесь с настоящими фактами из жизни мусульманского общества и Кавказа, о которых не принято рассказывать чужакам. Но, наряду с серьёзными размышлениями и трагическими обстоятельствами в повествовании, вы найдёте немало иронии и шуток

УДК 82 (3)

ББК 84 (4 Рос)

ISBN 978-5-9907-027-5-2

© Бёркхаус, 2016

©Игорь Азерин

ОТ АВТОРА

«…Так делает перо,
скользя по глади
расчерченной тетради,
не зная про
судьбу своей строки,
где мудрость, ересь
смешались, но доверясь
толчкам руки,
в чьих пальцах бьётся речь
вполне немая,
не пыль с цветка снимая,
но тяжесть с плеч»
Иосиф Бродский, «Бабочка».

Когда они познакомились, он учился на пятом курсе, а она на втором… Иван и Ясмина.

Он русский. Видный парень – тёмные волосы, узкий разрез зелёных глаз, чуть выступающие скулы и резко очерченный подбородок, немного толстые губы. Широкий в кости, не Геркулес, но весьма прилично сложенный. Занимается боевым самбо, да не просто занимается, а имеет победы на городских соревнованиях. Учится хорошо и учёба даётся ему легко.

Она даргинка. Глаза карие, большие, с влажной радужкой, отражающей наш мир в серебристом блеске. Волосы тёмно-каштановые, немного вьющиеся – густые, как у большинства кавказских женщин. Черные ухоженные брови, высокий белый лоб. Лицо светлое, скорее бледное, даже на щёках нет и следа румянца, присущего славянкам и женщинам

дальневосточной Азии. Курносая, что является верным признаком острого ума и доброго нрава. Губы чётко очерченные, тёмные, припухлые – говорящие о страстной натуре их обладательницы.

Мой изысканный читатель, Вы готовы узнать захватывающую историю отношений этой пары? О! это совершенно необычная история. Что же, если Вы готовы погрузиться в мир страстей и холодного расчёта, то начнём, пожалуй.

ГЛАВА ПЕРВАЯ, ПОЛУДРАМАТИЧЕСКАЯ

«Пусть не обольщает тебя свобода действий на земле тех, кто не уверовал»

Коран, сура «Семейство Имрана».

Ясмина заметила его, ещё учась на первом курсе. Он с другими парнями упражнялся на турнике и брусьях. Они, видимо, соревновались на спор. Среди парней были два даргинца, её знакомые, двоюродные братья Ильяс и Хамид. Были там и другие кавказцы, некоторых она уже знала. Происходило это зимой. В Иване сразу можно было узнать русского, потому что он упражнялся с голым торсом. Кавказцы все были в майках или рубашках. Закон ислама не приветствует оголения тела при посторонних и без нужды. Даже осетин Заур, крупный рыжеволосый парень, был в футболке, хотя он, как и большинство осетинов, православный. Но, наверное, кавказское воспитание не позволяло ему обнажить крепкий торс. А Иван нисколько не чувствовал себя смущённым. Видимо, он снял с себя рубашку и майку, чтобы показать своё русское удальство на лёгком морозце.

Она приметила его. Он отличался от других русских. От большинства из них. Спокойный, уверенный в себе, по-мужски привлекательный. Он понравился Ясмине как человек. Как о мужчине она о нём сначала совершенно не думала. Мусульманские порядки, в которых она воспитывалась, понуждали её думать о русских мужчинах, как о чём-то грязном, безобразном, чуждом. Связь с русским мужчиной представляется как противоестественная,

извращённая, всё равно, что с животным. Ясмина, как и другие девочки в мусульманских семьях, воспитывалась так, чтобы не было симпатии к русскому. Не потому что русский, а потому что не мусульманин. Просто русские являются олицетворением немусульманского, неверного, греховного, нечистого. Вот если русский стал мусульманином, то всякая связь с ним, включая и плотскую, но в рамках дозволенного священным писанием, переходит в ранг допустимой. И хотя связь девушки с инородцем, не поощряется у любого народа, имеющего к себе уважение, всё же такое случается не слишком редко, но что касается брака с иноверцем или безбожником, то тут мусульманское общество строго до жестокости. Поэтому воспитание Ясмины позволяло думать об Иване, как о приятном человеке, без пола, без народности. Но это только на поверхности. Только то, что дозволяло сознание. А в глубине её личности были затронуты более мощные силы, более основательные, движущие человечеством, как единым организмом, уже многие тысячи лет. Ведь заметила же она его, ведь думала о нём.

В тот раз она просто прошла мимо со своими подружками. Парни их увидели и что-то приветственно прокричали. Одна из подружек коротко им ответила. Девушки некоторое время говорили об этих парнях, но об Иване никто не обмолвился. Ясмина тоже о нём почти сразу забыла, включившись в весёлый пересуд подружек. Потом она замечала его ещё много раз. Замечала, но никогда не подавала виду, что как-то выделяет его среди других парней. Спустя некоторое время, кто-то сказал ей, что его зовут Иван. Она не

спрашивала о нём, но названное имя говорило, что он русский, что иноверец. Он для неё запрещён.

Ясмина была помолвлена. Помолвили её совсем недавно, после окончания школы. Жениха звали Мусой, ему было двадцать пять лет, и он был в разводе. Сам, будучи даргинцем, он выбрал себе жену из семьи кумыка и агулки. Родители его нехотя согласились на этот брак. А он распался меньше чем через два года. Говорили, якобы они не сошлись характерами. Он был деревенским парнем, немного ограниченным, упёртым, а она – городской, развитой. В семье говорили на русском, и она не хотела учить язык мужа, да ещё воспитывать на нём ребёнка. Молодая мать не без серьёзных оснований полагала, что ребёнку будет сложно определиться в двух языках, и это повлечёт отставание в развитии речи и, как следствие, в умственном развитии. Муса же с упорством барана продолжал обращаться к малышу на своём родном языке. Вроде бы именно это послужило основной причиной для развода, но не единственной. Он начал её бить, из-за этого родственники разделились и стали ссориться, после чего продолжение совместной жизни стало невозможным.

Ясмина согласилась на помолвку по настоянию родителей. Принуждения не было, но её сумели убедить, что помолвка необходима и это было одним из условий учёбы в университете, в Москве. Все ей говорили, и она сама понимала, что её может украсть какой-нибудь абрек. Помолвка не даёт гарантии, но это серьёзная защита. Да и на девушку накладывает ограничения. Сама она, рассчитывала, что в скором времени для неё найдётся более достойный вариант замужества, но и к возможности брака с Мусой она отнеслась со всей серьёзностью. Как говорится, от

добра добра не ищут. Зная историю предыдущего брака Мусы, Ясмина лишь потребовала честного слова, что он никогда не поднимет на неё руку. Кроме того, родители пообещали ей отменить помолвку, если жених поведёт себя неподобающим образом или появится лучшее предложение.

В Москве она жила у родственников. Это была семья двоюродного дяди по материнской линии. Семья состояла из пяти человек: родители и трое детей, все младше Ясмины. В четырёхкомнатной квартире гостья разделяла комнату с двумя троюродными сёстрами; старшая из них оканчивала школу, а младшая только недавно начала учиться. Одну из комнат занимал троюродный брат, шестнадцати лет, а ещё в одном помещении располагались родители. Четвёртая комната представляла собой гостиную. Муса, разумеется, жил отдельно, снимая комнату. В Москву он приехал на два года раньше Ясмины, и работал в ресторане своих родственников по отцовской линии.

И вот, проходит какое-то время, и сестра в телефонном разговоре говорит Ясмине, что у Мусы налаживаются отношения с бывшей женой. У их малыша были некоторые сложности со здоровьем. Мать привезла его в Москву лечить, и Муса сразу подключился ей в помощь. А до этого он с ней судиться хотел, чтобы отобрать ребёнка. Но теперь бывшие супруги сблизились на почве совместной заботы о здоровье сына. Однако Ясмине он ничего этого не говорил, и она узнала обо всём от своей сестры. Такое развитие событий её, ясное дело, не устраивало. Она пыталась с ним говорить, но он уклонялся. Быть «одной из» женщин своего будущего мужа она не желала. У них дошло даже до ссоры.

А потом, когда Ясмина пришла к своему помолвленному, он начал её домогаться. Мол, всё равно будешь моей женой, так что никто не узнает. Он был пьян, к слову. Тогда Ясмина поняла, что Мусу она никогда не полюбит. Она может привыкнуть к нему, может смириться, может заботиться о нём, но глубокого, всеобъемлющего чувства к нему у неё никогда не возникнет. Она осадила своего жениха, и поспешила уйти. После он позвонил и сказал, что это была проверка. В гневе она желала ему смерти, но ничего не предприняла, и происшедшее осталось тайной для всех. Ясмине очень хотелось учиться. Ей нравилась её студенческая жизнь в Москве, сравнительно независимая, свободная. И училась она с удовольствием и лёгкостью. Но её учёба вдалеке от родителей стала возможна лишь благодаря помолвке.

Проходит ещё время и ей сообщают, что бывшие супруги сходятся. Оба пошли на определённые уступки, да и родственники сблизились и стали поддерживать молодых. И наконец, Муса и его родичи отменили помолвку с Ясминой. Это случилось в те дни, когда девушка была в Махачкале, на каникулах. Родители после этого не хотели её отпускать обратно в Москву. Ох и сложно же было уговорить их! Но всё же договорились, что она закончит хотя бы второй курс. Подспорьем ей было также то, что она занималась в студии народного танца, и её, в составе ансамбля, нередко приглашали участвовать в каких-то мероприятиях, проводимых дагестанским представительством в Москве и диаспорой. Может быть, кто-то из влиятельных московских даргинцев обратит на неё свой взор?

Отца Ясмины зовут Салимом. Так вот, Салим попросил московских родичей, присматривать за

своей дочерью и те согласились, правда, с определёнными оговорками. Таким образом, Ясмина вновь возвратилась в Москву и занялась учёбой с удвоенной энергией. Именно после возвращения произошли события, кои и стали основой данной повести. Случилось следующее…

Среди однокурсниц и подруг Ясмины была девушка по имени Оля. Она занималась бальными танцами. Так же она участвовала в институтской самодеятельности, а в детские и подростковые годы она пела в церковном хоре и некоторое время занималась народными танцами. Круглолицая, румяная девушка с русыми волосами; жизнерадостная, порядочная. Она сошлась с девчонками из круга Ясмины. Они, в отличие от многих других девушек, держались от парней на расстоянии, не сквернословили, не курили, не употребляли спиртного. У них были свои интересы и строгие правила поведения. В один из дней у Оли были соревнования по бальным танцам, и она попросила подруг поддержать её в качестве болельщиц. Соревнования проводились в середине дня и надо было уйти с занятий пораньше, после одной из пар, причём, следовало поспешить. Подруги согласились. Оля сказала, что их подвезёт её знакомый, а после соревнований так же отвезёт их, куда ему скажут. И что же? Оказалось, что этот знакомый и есть Иван!

Оля была из Вологды, и Иван, чьи родители переехали в Москву из этого города, и который каждый год гостил в этом городе у бабушек и дедушек, хорошо её знал. Оля жила по соседству с одной из его бабушек. С Иваном у неё были дружеские отношения. Отношения земляков и людей неплохо знакомых с детства – не более. Учтивый юноша Ваня и порядочная

девушка Оля. Впрочем, вполне возможно Оля имела виды на этого парня. Но это только предположение.

Иван ждал Олю и её подруг в своём семиместном додже Джорни, серебристого цвета. Он вышел и открыл двери машины для девушек. Расселись и поехали. Оля представила своих подруг: Лана, Зарина, Даша, Меси, Ясмина.

Ясмина… Он поглядывал в зеркало заднего вида и мог видеть её. Она смотрела в окно. Когда остановились, он выскочил, чтобы подать руку девушкам, в первую очередь, Ясмине, но она вышла в другую дверь. Потом они все пошли к залу, в который стекался народ. Иван шёл позади, а всех вела Оля. У гардероба Иван попытался помочь Ясмине снять пальто, успел в последний момент… Она сказала: «Спасибо. Не надо» – и на короткий миг подняла взгляд на уровень его подбородка. И всё. Он понял, что может быть не стоит стараться вот так, на виду у всех, проявлять своё ухаживание. Она ведь девушка другой культуры, другого мира. Это может повредить ей или оттолкнуть от него.

После окончания соревнований он снова вёз девушек. Было уже темно. Он вглядывался в глубину салона, где временами освещалось лицо Ясмины и её большие глаза откликались сиянием. Но она не смотрела на него. Не подняла на него глаз и когда вышла из машины. Иван ждал её взгляда. Это было для него ново и совершенно необычно. Ваня привык ловить на себе взгляд девушек. Он привык к разглядыванию, к интересу. Его даже утомлял этот интерес европеизированных порченных девок. Как только не смотрели на него? Бесстыже, требовательно; с наглым любованием, как на жеребца или дорогую машину; смотрели с вызовом, прямо; смотрели

заигрывая; смотрели расстреливая, чтобы сделать из него трофей-чучело. И он привык отвечать, подавляя собственным взглядом или не замечать вовсе эти легкодоступные тела с бесстыжими глазами. Но не было ещё такого, чтобы искать и ждать девичьего взгляда. Эта кавказская девушка своим потупленным взором требовала от него больше, чем все красавицы вместе взятые, которые когда-либо смотрели на него. Её взгляда надо было добиваться. Её видимая покорность и непритворная стыдливость были куда-более привлекательнее и весомее интереса распущенных юниц. Чтобы она взглянула, нужно было постараться. Нужно было быть достойным мужчиной. За её внимание надо было бороться.

А она чувствовала его интерес. С этого дня Ясмина не могла забыть Ивана. Даже если бы хотела, не смогла бы. Он всё время напоминал о себе. Шёл, вдруг, навстречу по коридору учебного корпуса; стоял у входа в универ и глядел на неё; или подходил к их девичьей компании и предлагал подвезти всех; наблюдал из какого-нибудь окна, как Ясмина с подругами прогуливается по университетскому скверу. Она, конечно, замечала Ивана, но старалась не смотреть на него.

Иван хотел бы подойти и поговорить с ней, но догадывался, что даже простая беседа с ним на людях может опорочить девушку в глазах её земляков. Потому он воздерживался от явного сближения и искал возможности поговорить с ней без свидетелей. Однако это оказалось почти невозможным: Ясмина не оставалась одна. Она была либо с подругами, либо кто-то из родственников привозил её перед учёбой или увозил после. Он улыбался ей издалека, несколько

раз здоровался с ней, но у него не было возможности поговорить с ней без свидетелей.

Иван попытался узнать что-нибудь о Ясмине через Олю. Она, как и остальные подруги Ясмины, уже заметила Ванин интерес, и в их кругу это стало поводом для шуток и едких замечаний. Ване она сообщила лишь, что Ясмина помолвлена, и если он попытается сблизиться с ней, то им грозят серьёзные неприятности. Ясмина, между тем, до сих пор никому не сообщила, что её помолвка разорвана. Во-первых, так было безопаснее, а во-вторых, ей не очень-то хотелось быть в чужих глазах девушкой, от которой отказался жених, ведь она, фактически, оказалось запасным вариантом. Она, – а не Муса, как ей представлялось.

Ивана не особо расстроило знание того, что Ясмина помолвлена. В то время как для аборигена Кавказской возвышенности (за исключением самых отчаянных сорвиголов) помолвка делала девушку запретной, для аборигена Средне-Русской равнины помолвка представлялась заневоливанием несчастной и бесправной девушки, осуществлённой её родителями в сговоре с родителями её будущего жениха-эксплуататора. По крайней мере, Ивану так хотелось представлять положение "несчастных" девушек Кавказа – и он так представлял. Правила людского общежития, традиции, которые на Кавказе упорядочивают жизнь и ограничивают волю и притязания отдельной личности, казались ему ограничениями, угнетающими свободу выбора. Поэтому факт помолвки казался ему не только незначительным, но и требующим пересмотра. Европейская догматика в воспитании... наверное?

Таким образом, Иван не потерял желания сблизиться и завладеть сердцем Ясмины, но не исчезало и опасение того, что он может навредить ей, и их навсегда разлучат. Попытавшись ещё некоторое время остаться с Ясминой наедине и поняв тщетность этих попыток, он вновь обратился к Оле. Да, Оля была своя, русская, и к тому же порядочная девушка. Наверное, ей можно довериться. Он попросил Олю передать Ясмине записку, и сделать это без свидетелей. Оля медленно опустила взгляд, так же медленно взяла записку и, покачав головой, снова посмотрела Ване в глаза. Пристально глядя, она произнесла: «Всё бесполезно».

Девушка передала записку Ясмине. Та спросила: «От кого?». Оля опустила свои грустные глаза и ответила: «Ты знаешь». После этого отвернулась, чтобы удалиться, но кавказская подруга резко сказала: «Стой!». Она развернула записку и прочитала её про себя. Иван сообщал, что хотел бы встретиться с ней наедине, для разговора. Он будет ждать в своей машине – и указывал место возле универа, у хозяйственной пристройки, обычно безлюдное и прикрытое деревьями и кустарником. Он будет там ожидать её в последующие дни. Ясмина прочитала, скомкала бумагу и бросила к своим ногам.

«Передай ему, – сказала она подруге, – нет! и никогда! И ты, если хочешь со мной дальше дружить, больше никогда мне о нём не говори и ничего от него не передавай! Слышишь? Никогда и ничего!». Оля передала Ивану два слова, предназначенные ему, и попросила больше не обращаться к ней за посредничеством в сердечных делах.

Если бы Ваня был глуп и слаб, то был бы во власти обстоятельств, и всякое обстоятельство, всякая

чужая просьба или мнение, всякое слово баламутили бы его естество и бросали из стороны в сторону. Но Иван был умён и крепок духом, он умел держаться собственного пути и выстраивать приоритеты. Поэтому он не изменил свои намерения в отношении Ясмины. Он по-прежнему старался быть у неё на виду, искал возможность остаться с нею наедине, а после занятий ждал её в условленном месте. Твёрдость намерений, настойчивость формируют желанное будущее.

Что такое история, мой мудрый читатель?

История, это совокупность узловых событий проявления природной стихии, личной воли вожаков – и нити последствий, объединяющей эти события.

То, что Иван продолжал гнуть свою линию, имело последствия. Ясмина заметила, что он, как и прежде, где-то рядом, на виду. Дня через два она решила проверить, ждёт ли он её в условленном месте? Она оставила подруг и прошла на некотором отдалении от Ивана, ожидавшего её в машине. Он её заметил и вышел навстречу. Она резко остановилась и, развернувшись, пошла прочь. Ваня смотрел ей вслед, не окликая, не двигаясь.

Этот случай добавил Ивану твёрдости, а Ясмину поверг в неловкость, в положение неоднозначности. Чтобы выйти из создавшейся ситуации, она написала Ивану короткое письмо. Вот его содержание:

«Моя вера и традиции моего народа не позволяют мне даже объясняться с Вами, не говоря уже о чём-то большем. Только моё сочувствие и доброе родительское воспитание дают мне право написать Вам несколько слов, и только лишь для того, чтобы Вы раз и навсегда поняли, что между нами невозможны никакие отношения. Прошу Вас, оставьте меня в покое. Вычеркните меня из своей жизни и

забудьте. Даже нынешнее Ваше внимание ко мне несёт опасность для нас обоих. Это самая настоящая смертельная опасность. Если Вы не боитесь за себя, то пожалейте хотя бы меня и моих близких родственников. Если хотите чтобы у меня сохранилось сочувствие и уважение к Вам, то больше никогда не появляйтесь в моей жизни».

Ясмина очень старалась, чтобы язык её короткого послания получился понятным и русским по духу. Она листала сочинения Пушкина и Бунина, перечитывая большие отрывки из них. Кажется, ей удалось мастерски выразить свою мысль. Мой высокообразованный читатель, возвратитесь к краткому посланию Ясмины и прочтите его ещё раз. Разве оно не поражает своей ясностью и чётким (хотя и несколько старомодным) стилем? Не зря, в семье и вообще в кругу близких и знакомых, Ясмина с детства считалась умственно одарённой девочкой, весьма и весьма развитой. В самом деле, удивительный образчик русской словесности в исполнении даргинской девушки. Впрочем, автор полагает, что более всего читателя интересует не стиль, а смысл послания. Продолжим...

Письмо Ясмина не стала ни через кого передавать. Она сама пошла в корпус, где шли последние, перед защитой дипломных проектов, занятия пятого курса, дождалась, когда Иван выйдет из аудитории, подошла к нему, и без единого слова протянула прозрачную папку с несколькими чистыми листами, и приложенному к ним рукописным посланием. Иван взял папку, а Ясмина повернулась и ушла, так и не сказав ни слова.

Иван хотя и был впечатлён, но не нашёл в письме девушки мотивов личного неприятия и отторжения

его. Было лишь подчинение неким условностям. Но ведь Ваня не был в подчинении тех же условностей. Они казались ему посторонней помехой. Он жил в другой реальности. А что касается опасности... Ваня считал, что ведёт себя осторожно и девушку не компрометирует, даже по правилам её народа. А на ревность и соперничество её земляков он готов был ответить. У себя, там, пусть живут по своим законам, полагал он, а тут он будет жить по своим правилам. Уважение к чужому уставу и осторожность он, конечно, будет проявлять, но от своих намерений не отступит. Хотя намерения у Вани до сего момента были неопределённые. Только теперь, прочитав письмо, он немного задумался о том, что нужно девушке и что он может ей дать? Именно, что "немного задумался". А прежде он был и вовсе исключительно во власти своего желания.

А Ясмина, хоть и была настроена решительно, разочаровалась бы в Иване, если бы он отступился от неё, прочитав письмо. Поэтому она испытала радостное чувство и прилив сил, когда увидела его утром у центрального входа в университет. Он, как и прежде, глядел на неё с едва заметной улыбкой. Душевный подъём у неё, однако, вскоре сменился упадком сил и раздражительностью. Наверное, это случилось вследствие того, что ничего не происходило, никаких решительных действий не было. Напряжение присутствовало, а движения к разрядке не виделось. Что этот русский собирается делать? Он так и будет вертеться вокруг да около и дебильно улыбаться? А может быть он задумал какую-то глупость? Опасную глупость? Вообще, каковы его цели, как далеко он намерен пойти? Будь на месте русского Ивана один из своих парней, то она была бы на девяносто девять

процентов уверена, что он хочет жениться, и для женитьбы уже имеется какая-то материальная основа и поддержка родственников. Есть правила адата и правила ислама, которые воспитывают в человеке ответственность, а нарушителя этих правил ждёт кара от рук решительных и ответственных людей. Но большинство русских живут безответственно, не соблюдая законов совести и религиозных правил. Может быть и этот Ваня готов лишь забрать год-два из цветущих лет её жизни, а потом найдёт ей замену? Скажет: «Я полюбил другую», или: «У нас разные характеры», или: «У нас мало общего». И за любой его отговоркой будет желание сбросить тебя как обузу, пойти налегке по новому жизненному пути. И он будет удивляться, почему это тебе, так же как ему, не хочется начать жизнь заново?

В напряжении и неопределённости прошли несколько дней, и наконец, Ясмина решилась. Она сказала подругам, чтобы они шли домой без неё – ей надо поговорить с преподавателем математики, – а позже за ней заедет дядя. После занятий она выждала некоторое время, и направилась к тому месту, где её много дней подряд ждал Иван. Он заметил её в боковом зеркале, но в этот раз не стал выходить навстречу. Лишь когда Ясмина стала обходить машину, он потянулся к пассажирской двери, чтобы открыть её. Девушка резкими движениями вскочила в автомобиль и захлопнула за собой дверь. После этого она впервые взглянула Ивану прямо в глаза. Только этот взгляд его не порадовал. Она спросила:

– Ну, что ты хочешь?

Иван ухмыльнулся:

– А я думал, как бы нам на "ты" перейти?

Но Ясмина не сбилась с боевого настроя:

– Зачем ты следишь за мной? Чего ты хочешь?

А Ваня не знал, что сказать. Сколько он тут провёл времени, в ожидании этой девушки, а ответить на её простые вопросы не может. Нет ни нужных слов, ни мыслей.

–Ты знаешь, кто я? – вопрошала девушка, перенося внимание парня с его неоформленных желаний на свою личность.

– Ясмина. Студентка, отличница, танцовщица, наконец…

– Я даргинка! – прервала она его. – Я мусульманка. Понял, да?

Ваня сделал движение плечом, как бы говоря «Ну и что?». Он не находил слов, но не сводил глаз со строгого лица Ясмины.

– У нас свои законы. Ты же не мусульманин?

– Нет, – он опустил взгляд. – Но я хотел сначала поговорить с тобой о другом.

– Я не знаю, о чём ты хотел говорить, но для меня это важно. Если для тебя это не важно, то нам не о чем говорить, – она протянула руку к двери, видимо, собираясь уйти.

– Важно, – сказал Иван. Он испугался, что она сейчас уйдёт, и всё будет кончено. – Но сначала я хотел про другое. Не только это. Но по порядку…

– У нас порядок такой, – снова она перебила его, – вера, нация, семья, а потом уже другое. А у вас так, да? Сначала "хочу", а потом всё остальное?

– Я хотел поговорить о нас, а не спорить по философским вопросам, не обобщать…

– Вот видишь? Я тебе сказала, какой у нас порядок, а ты снова о себе, – она на мгновение замолчала, и вновь заговорила уже несколько мягче. –

Может быть, когда у тебя будет такой же порядок, ты сможешь понять меня. Тогда нам будет, о чём говорить. А сейчас ты только усложняешь мне жизнь. Я с Кавказа. Тебе что, ваших девушек мало? Любая тебе даст то, что ты хочешь. Нам не о чем говорить. Больше не ходи за мной.

После этих слов Ясмина вышла из машины и скорым шагом направилась прочь. Иван посидел несколько секунд, затем выскочил из авто и крикнул вслед Ясмине: «Ты же не знаешь, чего я хочу. Давай обсудим наши личные отношения. А вера и нация без нас не умрут». Она, не останавливаясь, обернулась и сказала: «Да, вера и нация умирают прямо в нас».

Какие удивительные слова! Какая поразительная мысль! «Вера и нация умирают в нас». Мой бесценный читатель, автор был бы счастлив завершить данное повествование этими словами, но наша история не заканчивается вышеописанным бытовым столкновением консерватизма и либерализма. Поэтому, проследим дальнейшее развитие событий...

Иван чувствовал безысходность. Действия таили в себе неведомую опасность, а бездействие опускало его до человека второго сорта. Кроме того, на носу защита дипломного проекта, а у него все мысли о Ясмине. Иван решил сосредоточиться на написании дипломной работы. Это занятие давалось ему без особых трудностей, так как подходил к учёбе серьёзно. Лекции для его курса в университете закончились, поэтому он мог долго не появляться там. При всём этом, изгнать из ума мысли о Ясмине он не мог. Мысли то и дело, хоть на мгновение, возвращались к ней. Постоянное подавление этих мыслей приводило к тому, что время от времени на Ивана обрушивалось

чувство тоски и одиночества, да такой силы, что хоть волком вой.

Ясминочка тоже переживала. Пусть выглядела она недавно неприступной и уверенной – она всё же девушка. Как только Ванин курс вышел на финишную прямую, а он сам перестал «дебильно» улыбаться Ясмине из каждого окна, у неё обозначились проблемы с сердцем. Оно стало работать с перебоями. Идёт Ясминочка по коридору и вдруг, чу! знакомый силуэт в мужской компании – Иван!.. Сердце замирает. Проходит мгновение, силуэт двинулся… и стал незнакомым, чужим… Обозналась! В ту же секунду в груди ощущается сильный толчок. Потом всё приходит в норму: тук-тук, тук-тук, тук-тук. Или вот: Ясмина идёт с подругами, а со стороны приближается большая серебристая машина… оп! – и сердце опять остановилось. Вообще, всё остановилось – время, люди, планета… двигается только эта машина, да в Кремле кто-то продолжает пахать на галере. Но вот авто приближается… Нет, это не та модель, в которой Ясмина обнажила недавно перед молодым человеком философские проблемы. И водитель не того пола. Сердце запускается… тук-тук, тук-тук… всё вокруг оживает. Вот такие сердечные проблемы.

Тем временем весна вступала в свои права. О своих правах задумывалась и Ясмина. Конечно, воспитание, традиции, вера – это всё жило в ней, эти понятия были частью её существа. В то же время, вокруг была другая жизнь. Пусть эта жизнь была во многом беспорядочной, было в ней много грязного, пошлого, вредного, но ведь существовало и другое: искренность, верность, доброта. Каким-то чудом, многие люди оставались порядочными, честными. И тут находились девушки, над которыми не довлели

строгие законы предков и религии, но они не кидались в распутство, бесчестие, не потакали низменным желаниям. И этим порядочным девушкам, похоже, хотелось того же, что и Ясмине – любимого и любящего человека (одного и на всю жизнь), детей от него, семейный достаток. И разница между ней и ими была в том, что они могли делать свой выбор самостоятельно, с правом на ошибку и без вековых условностей, а её оберегали от ошибок, и хотя давали возможность соглашаться или не соглашаться, но по сути это было лишь право приспособиться к неизбежному.

Видя, как другие девчонки свободно общаются с парнями, не нарушая при этом границ приличия, ей тоже хотелось радости общения. Ясмине желалось не столько дополнительной свободы, сколько доверия. Не такая уж она пропащая, чтобы по рукам пойти. Она задумывалась, почему у неё вообще появилось влечение к Ивану, человеку чужой культуры, чужой расы? Почему она позволила нежному чувству укрепиться? И приходила к выводу, что он соответствует её идеалу. Она всегда хотела, чтобы её жених был светлой внешности, спортивным, смелым, чтобы был из зажиточной семьи. И Иван соответствовал её чаяниям. Он ездил на своей машине, причём на неплохой машине. Русская подруга Оля рассказывала, что его семья имеет хороший достаток. Он был спортивным. В отличие от других русских парней не чурался кавказцев и готов был с ними дружить и соперничать, что тоже говорит в его пользу. Ко всему этому он обладал мужской привлекательностью. Он не был разгильдяем, бабником, бездарем. Что-то она сама подметила, а некоторые сведения о нём пришли к ней от третьих

лиц. Ну, разве это не мечта девушки? Разве это плохая пара для Ясмины?

Что является преградой? Вероисповедание. Но Ясмина не была набожной, а тем более, фанатичной. Она была слишком развита, чтобы религиозный догмат, появившийся в песчаном оазисе Аравии полторы тысячи лет назад, переносить в современность без карантина мысли. Понесёт ли потерю Всевышний, если её жизнь счастливо устроится с человеком другой веры? Разве не в его силах сделать её детей мусульманами? Она ведь никогда не станет препятствовать этому – Ясмина ни разу не допустила такой мысли. А вот общество, в котором она выросла, действительно понесёт потерю. Общество на протяжении веков укрепляло своё единство и волю соблюдением традиций и правил общежития, держало себя в строгости, воспитывало девочек в моральной чистоте и по исламским законам, готовя для собственных мужчин, для своего круга и своего будущего. Разве может она нанести вред Аллаху? Разве он уязвим? Нет! Он может её наказать в любой момент, он не дал бы ей появиться на свет, если бы она несла угрозу, он мог выстроить её жизнь по-другому. А её родовое общество может её потерять и боится этого.

Именно общество, в лице соплеменников, соседей, родственников, знакомых, не хочет потерять свою прекрасную юную частичку. Общество готово забить её камнями с именем Всемилостивого на устах, или, в лучшем случае, унизить оскорблениями, но не позволит забрать её даром другому обществу, чужому и незаслуживающего того. В людском отношении видела Ясмина основную преграду для себя. И тут перед ней открывалась двоякость – или оставаться в

родовом обществе, и тогда придётся придавить свою личную свободу, подчинившись вековым устоям, или стать частью постхристианского европеизированного мира, в котором правила выбираешь сам, но остаёшься в одиночестве. Первый вариант привлекает предсказуемостью отношений и общей безопасностью, а второй – личной свободой и мизерной ответственностью. Что выберет Ясмина?

Иван, который более недели не появлялся в университете, таки приехал в альма-матер. Походил туда-сюда, почитал объявления, зашёл в библиотеку, посмотрел расписание занятий разных курсов, побыл на спортивной площадке и, наконец, направился к главному выходу. И получилось так, что совершенно случайно… Нет, а что? Бывают в жизни совпадения. Совершенно случайно, примерно в то же время кончились лекции у второго курса. Примерно с такой же долей случайности он задержался на выходе: встретил двух приятелей, и остановился поговорить. В итоге, обстоятельства стеклись и вылились в неизбежное: он увидел Ясмину, Ясминочка наша увидела Ивана. Взгляды их встретились. Сказать о Ванином взгляде особо нечего. Так… стрельнул пацан холостым дуплетом. А вот Ясмина… энергетика во взгляде Ясминки была… мама, не горюй. Таким взглядом можно студенческий проездной размагнитить. В общем, разрядила она в него всё, что у неё в душе скопилось. Иван, и без того ставший чувствительным в последнее время, прямо запылал весь. Стоит он, пылая, и глаз не сводит с симпатии своей.

Между ними было шагов пятнадцать, но он видел Ясмину так, словно она была рядом. Всё он мог заметить: её чистый белый лоб; видел совсем

маленькую родинку чуть ниже морщинки у глаза, ближе к виску; видел каждую волосинку её красивых чёрных бровей, и каждую ресничку, и каждую искорку её сияющих глаз. Он подался телом вперёд и смотрел не моргая. Вот до неё десять шагов, восемь, семь... вот она прошла мимо. Она смотрела на него, гордо приподняв подбородок, и только поравнявшись с ним, отвернулась и опустила взгляд. Ваня забыл о своих приятелях, а те удивлённо наблюдали за ним. Когда Ясмина выходила на улицу, то оглянулась. Она шла с подругами, но пропустила их вперёд и, придерживая за собой стеклянную дверь, посмотрела куда-то в сторону от Ивана. На секунду задержала взгляд, и на лице её отчётливо отобразилась тревога. Она мельком взглянула на Ивана, отпустила за собой дверь и вышла из здания. Иван тоже почувствовал тревогу и поспешил вслед за девушкой, стараясь не потерять её из вида. Ясмина и её подруги, взявшись за руки, быстро удалялись – она их тянула вперёд. Впереди, в полусотне шагов, к ним приближалась машина, которая должна была увезти Ясмину.

И тут Ивана толкнули – сильно, грубо. Рядом с ним стоял Магомед, студент третьего курса, а рядом трое его друзей. Его обычно звали Магой, а всю их компанию – бродягами. Иван виделся с ними иногда на спортплощадке или в зале. Мага и его друзья держались обособленно, вели себя вызывающе. Их считали нациками. Иван знал лишь, что Мага из Дагестана, аварец по народности, занимался прежде вольной борьбой и бывал под следствием. Уважения среди других кавказцев он не имел, хотя студенты младших курсов его побаивались. И вот, этот петух бесхвостый толкает Ваню и спрашивает: «Что-то не так?». И по всему видно, что он готов начать драку. Не

начал пока, лишь потому, что сосредотачивался на Ванином подбородке, чтобы ударить точно и сильно. Сколько времени ему надо было ещё для сосредоточения: две, три секунды? Иван не дал ему ни секунды. Он очень хорошо знал повадки таких абреков, чтобы отдавать инициативу. Впрочем, Ваня действовал сейчас неосознанно. Он вскипел от ярости, услышав наглый вопрос, взглянув в злые глаза дебошира, распознав в том готовность к нападению. Ярость – лучший ответ бесспорному хамству.

Иван ударил куда-то в середину лица противника. Удар пришёлся в скулу – тяжёлый, но скользящий. Тут же схватил Магу за рукав и воротник, чтобы бросить его на землю через бедро. Противник не поддался, отскочил, но в следующий миг Иван удачно сделал подсечку и абрек повалился на землю. Он падал боком, но на руку, успев сгруппироваться. Иван налетел на него сверху, прижимая к асфальту и нанося удары в голову. Но уже включились в драку дружки Магомеда. Иван машинально мотнул головой, уворачиваясь от удара ноги, но всё же в него попали, и металлическая петля ботинка, через которую продевается шнурок, рассекла ему лоб, над левой бровью. Сверху на него налегли, захватывая шею, ударили ногой под рёбра… Куртка, стянутая к голове, смягчала удары. Ивану удалось захватить шею, ускользавшего из-под него Магомеда, но воспользоваться этим положением с выигрышем он уже не мог – всё-таки четверо против одного. Хотя и досталось Ивану крепко, но до жестокого избиения не дошло. Подключились приятели Ивана, знакомые однокурсники, один из охранников, дежуривший у турникетов, и ещё несколько посторонних. В течение минуты эти люди развели Ивана и хулиганов.

За дракой наблюдала Ясмина. С надрывом сердца. Она знала, что причина в ней. Не далее как вчера, к ней подошёл Магомед в сопровождении своих друзей и сказал: «Сестра, мне сказали, что какой-то "ванюша" к тебе пристаёт. Будь спокойна: я его накажу». «Это ты успокойся, – ответила она ему резко. – У меня есть защита. И от таких, как ты, тоже». Улыбка с долей презрения наползла на лицо Магомеда, а его глаза скользнули по фигуре Ясмины, задерживаясь на тех местах, которые порядочные девушки скрывают от чужих глаз. Это был вызов и оскорбление. Он сказал: «Мы следим за тобой, сестра». Ясмина знала, почему к ней подошёл этот башибузук. Её подруга, аварка Меседу, или, как её звали в девичьем кругу, Меси, зналась с ним. Значит, через неё Магомед проведал об интересе Ивана к Ясмине. Может быть, до неё доползли слухи и о разручении Ясмины с женихом? Тогда ей, как девушке свободной от брачных обязательств и защиты жениха, может грозить опасность. Тот же Мага может попытаться выкрасть её. Положение усложнялось.

За ней в этот день приехала тётя. Она видела стычку, когда остановилась на несколько секунд перед центральным входом, чтобы забрать Ясмину и её подружек. От неё не укрылось, насколько бледным и испуганным было лицо племянницы. Она спрашивала: «Почему там драка?», и: «Вы их знаете?», но Ясмина молчала, качая головой, пожимая плечами и отворачивая лицо, а две её подруги, что сели в машину с ней, явно пытались не сболтнуть лишнего. По тому, как они иногда украдкой поглядывали на Ясмину, тоже можно было заподозрить неладное. Тётя, разумеется, заподозрила, потому что она и её семья несли ответственность за племянницу. Когда девушки вышли,

где им было нужно, она стала требовать, чтобы Ясмина всё ей рассказала. И она рассказала об Иване, правда без важных подробностей. Тётя не была в растерянности. Она знала, что надо делать, потому что в тот момент слушала только голос крови.

Ивану наложили три шва. Также у него была разбита губа. Конечно, у его родных появилось беспокойство и вопросы к нему. Драться ему приходилось не раз и нечто подобное с ним случалось прежде, но сейчас близкие почувствовали в нём надрыв, напряжение. А ему и в самом деле было тягостно. И он находился на пороге решения. Если недавно ему ещё приходила в голову мысль, что Ясмина из другого мира и лучше забыть о ней, то теперь он уже не мог оступиться. Теперь Иван готов был умереть, но биться за Ясмину до конца. Лишь сейчас он стал осознавать, что налаживание с ней отношений, близкое знакомство – это лишь первый шаг. Но каков будет следующий шаг? Для чего он делает усилия? Впервые он со всей серьёзностью задумался о семье, о детях. Прежде он избегал таких размышлений, потому что считал, что они с Ясминой слишком разные. Иногда его разыгравшееся воображение рисовало картины близости с этой девушкой – это он допускал, – но ежедневный быт, семейные отношения с этой кавказской красавицей до сего мгновения не укладывались в его шаблоны. И вот теперь он стал задумываться, как строить долгосрочные отношения в семье, как строить отношения с родственниками, как устраивать обыденность? Лишь теперь до него стал доходить смысл вопроса, заданного ему Ясминой: «Чего ты хочешь?».

У Ивана время от времени появлялись девушки. Их было несколько, с тех пор как он впервые познал женщину. С одной девушкой он довольно долго встречался, но постепенно их отношения стали скучными, не приносящими удовольствия душе. Много его сил уходило на спорт, его мысли поглощала и учёба, но всё же обходиться без близости с женщиной молодой сильный организм не может – это противоестественно. А отказа он, по сути, не знал. Не очень умные, неуверенные в себе, невоспитанные женщины испокон века добивались интереса мужчин не своими человеческими достоинствами, а физическими особенностями своего пола, доступностью. Только удержать при себе зрелого и умного мужчину этим невозможно. Доступность девушек нашего европеизированного общества, их нетребовательность, немного растлила даже Ивана, не сильно падкого на женскую плоть. Вступая с ними в отношения, он не имел перед ними обязательств, не чувствовал ответственности. Ответственность и обязательства – два показателя взрослости человека, индикаторы сложившейся личности. Прежде он проявлял свою взрослость в занятиях спортом, в учёбе, в отношении к близким, а теперь мог проявить и в отношении достойной его представительницы прекрасного пола.

В тот день Иван много чего передумал. И отходил ко сну он с новыми мыслями о Ясмине. А утром следующего дня у него началась другая жизнь. Теперь у него была цель взрослого человека – семья. Ближе к полудню у него состоялся разговор с отцом. Тот был на работе, и Иван поехал к нему, в офис. Рассказал о Ясмине, поведал о намерениях, попросил поддержки. Отец был озадачен. Родители, конечно, осторожно

подталкивали Ваню к мысли о женитьбе, и ожидали от него определённых действий по окончании учёбы в университете, но выбор сына оказался неожиданным, странным. Кроме того, отец не мог понять, на что рассчитывает Иван? Ясмина ведь откровенно дала понять, что он ей не пара. Да ещё нужно было получить согласие родителей девушки, что отцу резонно казалось делом почти несбыточным. Однако, каковы бы не были предполагаемые трудности, он пообещал сыну поддержку, сказал только, что свои намерения Иван должен обсудить со всей семьёй. Сын пообещал, что так и сделает, но позже, вечером.

Ванина семья – родители, Иван и его младшая сестра – проживала в собственном доме в Подмосковье, в нескольких километрах от кольцевой автодороги. Двухэтажный кирпичный дом с высокой мансардой на участке в тридцать шесть соток. У Ивана был ещё старший брат, но тот жил со своей семьёй отдельно. А кроме того, года два назад в родительском доме постоянно стала жить бабушка, мать Андрея Михайловича – Ваниного отца. Для Ивана уже была куплена квартира на Юго-Востоке Москвы. Пока она сдавалась внаём. Родители предполагали отремонтировать её до свадьбы сына, и передать в его полное распоряжение. Были у родителей намётки, чем ещё помочь молодым, что подарить невесте. По сути, будущее его семьи было уже хорошо обеспеченным. Правда, он намеревался уменьшить долю родительского вклада за счёт собственного вложения: у него была бизнес-идея, которую он хотел осуществить с двумя близкими друзьями. Как видим, мой предприимчивый читатель, Иван был завидным женихом. Разве не пара для прекрасно воспитанной кавказской красавицы?

Однако, наше повествование будет неполным без рассказа о становления семьи Ивана и семьи Ясмины. Мой уважаемый читатель, позвольте увести вас в недалёкое прошлое. А по ходу, познакомить с другими людьми, так или иначе причастными к повести наших главных героев и добавивших в неё свою толику чувств и личного колорита.

Итак…

ГЛАВА ВТОРАЯ, ЭКСКУРСИРУЮЩАЯ В ПРОШЛОЕ

«Все расы равны и обладают одинаковыми способностями»

Н. Миклухо-Маклай.

Имя её отца Сали´м, как вы уже знаете. Маму Ясмины зовут Халидо´й. Салим в молодости был офицером Советской армии. Прослужил, правда, недолго – успел только «старлея» получить. А служил он в танковых войсках.

Случилось так, что один из солдат во время обслуживания техники в полковых боксах что-то резко нажал или отпустил в танке, при работающем двигателе. Солдат был из чужого взвода, с командиром которого Салим в этот момент разговаривал. Танк рванулся, врезался в опору мостового крана, и сорвал её с болтов. Та сдвинулась и вмяла правую ногу Салима в бочку с машинным маслом. Его тут же отвезли в войсковую медсанчасть. Врачи ногу обезболили, зафиксировали шиной, подштопали и рекомендовали полковому начальству немедленно отправить старлея в окружной госпиталь или в областную больницу – только там хирурги могли полноценно поработать с травмированной ногой. Но командир части медлил. Он ждал со дня на день своего назначения в штаб округа. Не хотелось полковнику, чтобы ЧП, связанное с несоблюдением норм безопасности, помешало бы ему. И всё же широкой огласки избежать всё равно не удалось, а время для нормального восстановления измятой и раздробленной конечности Салима было потеряно. Старлея ещё несколько месяцев лечили, перевели в

хороший подмосковный госпиталь, однако он остался калекой… и его комиссовали.

Возвратился Салим в родной Дербент, но прожив там совсем недолго, решил уехать. В Дербенте его не устраивала работа, перспективы, да и само течение жизни. Он поселился в столице Дагестана Махачкале у дяди, брата своей матери. Дядя ему помог пристроиться, но посоветовал получить хорошее гражданское образование, и обещал тогда найти своему племяннику серьёзную должность. Поэтому примерно через год Салим поехал в Москву и поступил в главный университет страны. Так, хромая на правую ногу, но добиваясь очевидных успехов в учёбе, он окончил курс и приехал в родной дом – погостить и кое в чём помочь по хозяйству родителям.

Родительский дом располагался на одной из широких улиц окраины Дербента. Одноэтажный, но большой, с пристройками кухни, гостевой, сарая, курятника и ещё чего-то чрезвычайно уместного в полусельской местности. Вот тогда-то он и приметил Халиду, расцветшую как персиковое дерево по весне. Она теперь постоянно проживала у тётушки в Махачкале, и училась там на врача. А родилась она и прожила почти всю свою, пока короткую, жизнь через два дома от двора Салима – соседями они были. И в связи с этим, хотелось бы рассказать об одном случае из их прошлого.

В Дагестане в очередной раз произошло землетрясение. Для тех мест это явление довольно заурядное, но обычно трясёт едва заметно. В тот раз же были довольно сильные толчки. Загудело, тряхнуло, кое-где трещины появились. Халида была маленькая совсем, а Салим учился в одном из средних классов. И вот он возился во дворе со своим велосипедом, когда

вдруг заметил, что в мире наступила почти полная тишина. Куры все собрались в курятнике и временами тревожно поквохтывали, гуси сгрудились в углу своего загона. Ни воробья, ни прочей птицы слышно не было. И скотина будто вымерла – не слышно в округе её обычного мычания и блеяния. Только люди продолжали свою немного шумную и, в целом, полезную деятельность. Лишь только обнаружил Салим странность природы, как она дала ему ощутимого пинка в копчик. Земля ухнула и встрепенулась. Так как он чинил велик сидя попой на земле, то получил ощущения непосредственно в тело. В ту же секунду поднялся гвалт и гул. Мимо него, и через вечно открытую калитку, на улицу пронеслись куры, всё вокруг ожило. Закричала и выбежала из кухни мать. За руку она держала младшего брата Салима. Весь народ стал выбегать из построек. На улице в это время началось интенсивное движение приручённой человеком фауны. Причём фауна двигалась разнонаправленно и громогласно. Только собаки оставались у своих дворов – поглядывая на хозяев, они облаивали участников беспорядочного уличного движения (хотя для приезжих, уличное движение в Дагестане всегда кажется беспорядочным, даже когда природная стихия не буйствует).

И вот, среди фауны, с громким воплем, вниз по улице промчалась маленькая девчушка, в трусиках, и в короткой сиреневой маечке. Это и была будущая махачкалинская студентка-медик Халида. Бедная малышка испугалась и выбежала со двора ещё до того, как взрослые успели её хватиться. А на улице ведь живность, которая заикой может сделать ребёнка: гусаки могут ущипнуть до крови и крылом побить сильно; индюки в бешенстве могут до полусмерти

затоптать и заклевать. Любой скот в такую минуту может причинить вред ребёнку. Или мотоциклист какой-нибудь сумасшедший может задавить маленькое дитя. Салим, увидев ребёнка, кинулся на улицу, догнал девочку и принёс её к себе во двор. К тому времени ещё один толчок был, но слабее первого. Вскоре прибежала испуганная мать Халиды. Оказывается, она вышла со двора, чтобы зайти к одной из соседок, вот малышка, видимо, и побежала за ней. Женщина долго рассказывала соседям о пережитом ужасе, о том, как носилась по улице в поисках дочурки… боялась, что цыгане её украдут. Потом уже соседи долго пересказывали друг другу, в каком ужасе была мать маленькой Халиды и что цыгане уже почти украли ребёнка, воспользовавшись грозным явлением природы. Говорили и о том, что Салим проявил себя как настоящий мужчина. Ввиду такого мнения о нём в соседствующем народе, Салим не возгордился, нос не задрал, но приобрёл душевную связь со спасённой девочкой.

Шли дни, маленькой Халиде показывали пальцем на Салима и говорили: «Смотри, вон идёт мальчик, который тебя спас». В праздники и семейные торжества её просили отнести сладости и прочие угощения соседям, и обязательно упоминали Салима. Так в сердечке маленькой девочки постепенно поселилось доброе чувство к соседскому мальчишке. Сначала-то она пугалась всякого воспоминания о том дне, и Салим вызывал у неё страх, сопутствующий тем воспоминаниям. Но время, которое может вылечить даже от тяжёлой жизни, излечило и страх девочки. По крайней мере, он уже не проявлялся в плаче, и в попытках убежать с глаз долой от этих противных взрослых, напоминающих о минуте ужаса. Через пару

лет Салима отправили в военное училище, он стал появляться в Дербенте лишь два-три раза в год, и маленькая Халида постепенно забыла и о нём, и о землетрясении. Он стал взрослым, а она всё ещё оставалось ребёнком. Так начиналась совместная история жизни Салима и Халиды, родителей Ясмины.

И вот Салим приехал домой из Москвы, встретил уже взрослую Халиду и…

Эй, давайте скажем это слово вместе! Раз, два, три: влю-бил- ся! Получилось вместе со мной, произнести? Не знаете? Нет? Ну, всё равно я похвалю вас, мой весёлый читатель. Вы молодчина. Я вас похвалил, – а вы похвалите автора перед своими друзьями и родственниками. Договорились? Итак…

В жизни не всё столь чудесно, как в авантюрных романах, из-за вполне осязаемых трудностей. Была запятая и в отношениях Салима и Халиды. Халида была обручена. Обручена с одним м… хм… Салим говорил с «болваном». Давайте, и мы будем придерживаться его Дербентской терминологии. Тот парень действительно был болваном, и Салим правильно его так обзывал (и другие тоже). Почему? На три года старше Халиды… В глазах автора этот факт не характеризует его с плохой стороны, но возможно, кто-то из читателей и в этом найдёт повод недолюбливать болвана. Так вот… В милицию попадал много раз. Два раза его из института гнали. Отец его дал добрым людям немало денег, чтобы те стали ещё добрее, и оставили поганца учиться. Потом чуть в тюрьму не угодил – опять пришлось бате откупаться за спиногрыза. Было ещё множество прочих неприятностей, причинённых болваном как близким, так и чужим людям, по ходу его бестолкового существования. Понятное дело, Халида с ужасом

думала о том, что судьбой ей предназначено посвятить жизнь этому абреку. Временами, этот ужас затмевал даже тот, что она пережила во время землетрясения.

Родители девушки неоднозначно оценивали растущий хулиганский рейтинг жениха. Отцы обручённых дружили и хотели породниться. Мать Халиды, когда этот хулиган ещё не раскрыл во всей полноте свой разбойничий образ, была сторонницей брака дочери с ним. Однако позже она стала колебаться. Не раз она высказывала свои сомнения мужу, мол, как с таким мозгодёром будет житься нашей доченьке? Один раз она даже задала вопрос родителям мозгодёра: «а стоит ли нашей дочери идти замуж за вашего башибузука?». Те с жаром уверяли, что стоит. Именно такой умной и хорошей девушке, как Халида, надо выйти за него. Мол, женится наш сынуля на ней – и угомонится! Умная и хорошая девушка в последнее время стала укрепляться во мнении, что уж лучше остаться в девках, чем объезжать этого дикого жеребца. Вот ещё… нашли дурочку… укротительницу горных мустангов. У всех женихи нормальные, а у неё… персонаж милицейских протоколов!

Помолвка прошла давно, а свадьба откладывалась. Откладывалась по разным причинам. Во-первых, некоторое время назад умер дед болвана, а согласно традиции, в течение года торжества проводить нельзя – дань уважения близким людям. Во-вторых, бюджет семьи нёс убытки из-за бесчинств, как самого болвана, так и его брата. Брат служил в армии и избил там кого-то, – попал в дисциплинарный батальон. Забашляли кучу денег, подняли связи, чтобы скостить тому срок. Теперь ждали, когда он вернётся со своей долгосрочной службы.

Ибрагим – так звали отца Халиды, был человеком непредсказуемым, своенравным. Для своей дочери он давно имел вариант. Но тот вариант не выгорел. Юноше, за которого он хотел отдать свою дочь, нашли другую пару. Ибрагим был очень расстроен. Тогда один его давнишний друг предложил выдать дочь за своего сына. Ибрагим почему-то принял его предложение за спасительную соломинку и больше никаких вариантов не рассматривал. Халиду обручили с болваном. Она тогда заканчивала школу. Случись это раньше, когда молодые ещё были детьми, то возможно, всё складывалось бы иначе. Привыкали бы они друг к другу, узнавали бы характеры; жизнь была бы чётко определена, а в ней и обязанности каждого. Может быть, и болван был бы не таким разбойником, а Халида была бы к нему привязана и умела бы влиять. А тут как сель с горы. Правда, парень тогда ещё не проявил себя во всей хулиганской красе, а совсем молоденькая Халида согласилась на помолвку по неопытности своей, не раздумывая.

Так вот, увидел теперь Салим повзрослевшую Халиду и она ему понравилась. Он захотел на ней жениться. Впрочем, на Кавказе так: если парню нравится кавкаженка, – то это значит, что он хочет жениться на ней. «Понравилась» и «хочет жениться» почти синонимы. Это не как у русских, просто «погулять». После таких «погулять» для следующего гуляки у девушки ни одного чистого места не остаётся. Даже в её мыслях. К кавказским девушкам у кавказских парней отношение иное, за редким исключением. На «наташах» можно упражняться, а замуж брать надо порядочную девушку, желательно своей народности. Вот и у Салима в отношении

даргинской девушки Халиды планы были самые серьёзные.

Он, говоря по-военному, пошёл в наступление. Халида в сложившихся обстоятельствах тоже не стала сидеть в глухой обороне, но опять же – не всё так просто. Это Кавказ, а не ... а не... Короче! это Кавказ! Перекинулись парой слов во время первой случайной встречи. Вскоре ещё раз, почти случайно встретились. Состоялся короткий обмен мнениями о трудностях и прелестях учёбы. При этом вся оперативная инициатива исходит от московского студента: махачкалинская студентка только пытается распознать его намерения, а заодно мечтает, чтобы её болвана асфальто-укладочный каток сначала вдоль переехал, а на обратном пути - поперёк. Салим уже знает, что Халида обручена. Халида видит в нём взрослого дяденьку, который хоть и дяденька, а интересный, не шаляй-валяй как некоторые (мы понимаем, о ком идёт речь, да?). Потом он увидел её в магазине. Она зашла туда со старшей сестрой – та недавно вышла замуж и теперь была на сносях. Они платья себе покупали и вещи для будущего младенца. До дома шли вместе, втроём. Сестра рассказала родителям об этой встрече. Родители вечером, у себя в комнате, долго шушукались. Кто знает, о чём? Может быть, говорили о том, что вместо покупки готового платья, дочери следовало бы заказать пошив у дяди Яши, всем известного замечательного еврея-портного? Ему с женой тоже надо на что-то жить. Действительно, почему бы не пошушукаться об этом?

И тем же вечером, когда местный народ высыпал на улицу, насладиться парой часов вечерней прохлады, во двор прихромал Салим. На уличном дворе была площадка, над которой высились два

старых дерева – чинар и верба, называемых в народе «Гасан и Эльмира». Почему их так называли – это другая история, и может быть, автор её ещё расскажет, но в другом повествовании (если будет жив, здоров, талантлив…). Так вот, под «Гасаном и Эльмирой» сидели три собрания. В первом, самом большом, играли в русское лото, по гривеннику на кон, а в двух других люди по очереди бросали кости на нардах. Тут собрались исключительно мужчины, как и полагается на Кавказе. Женщины сидели отдельно от них, возле калиток своих домов, да, лузгая семечки, перетирали события прошедшего дня. И вот дошла очередь до Салимова брательника, и выпало ему бросать кости с братом Халиды. Как бы случайно. Бросали-бросали, а Салим толкает незаметно брата своего в бок, да смотрит на него со значением. Тот спрашивает Халила (брат Халиды): «Ну что, скоро сестру замуж отдаёте? Говорят, её непутёвый жених опять в милицию попал. Не жалко сестру за него отдавать?». Тот жмёт плечами и говорит: «Так получается да. Что я могу сделать?». Брат Салима ему: «Халида хорошая девушка, красивая. Её многие замуж взяли бы. А вот если бы она с другим сбежала бы, украли бы её, ты начал бы охотиться на того, кто её украдёт?» Халил поднял глаза и внимательно посмотрел на своего собеседника и соперника по игре. А на него самого были устремлены ещё с дюжину пар заинтересованных глаз. Он сказал: «Если человек хороший, порядочный, и сестра за него будет, то может и договорились бы. А жених вряд ли простит». Опустил голову и бросил кости. Тройки выпали (сообщаю для тех, кому интересно).

Салим, считая себя человеком хорошим, порядочным, стал действовать решительно и быстро, как настоящий военный. Когда Халида на следующий

день пошла в город с сестрой и подругой, то ему об этом тут же донесла малолетняя дворовая агентура, которая не дремлет даже во время всесоюзного детского часа. Салим кинулся вслед своей симпатии. Они по магазинам – он рядом, они на базар – и он невдалеке. Глаз не сводит с неё. Пасёт – как выражаются в определённом кругу и в отдельных местностях.

Затем подошёл к ней. Начали разговаривать. Её сестра потянула подругу в какую-то лавку. Салим и Халида остались на минуту вдвоём. Он спросил, где в Махачкале живёт её тётка, у которой она остаётся во время учёбы? Точный адрес. Халида сказала. Салим говорит ей, что завтра утром едет в Махачкалу, по делам. Пробудет там три дня. Может быть, даже четыре. А она не собирается туда? Нет? Что, совсем нет никаких дел? Может, что-то надо для учёбы, например? Нет, не надо. Тогда Салим сказал напрямую, что он человек серьёзный, и у него назрел к ней разговор. Что он в курсе её дел, но не знает её настроя. Ещё раз сказал, что он человек серьёзный, и уже не такой молодой, и у него чистые намерения. В общем, будет в Махачкале, и если она там появится, то им есть о чём поговорить, без свидетелей. И всё будет по-честному, как положено, чтобы её репутация никак не пострадала. Слово дал мужское. Она ничего не ответила. Только посмотрела на него. Но как посмотрела! Во взгляде этом были и оценка, и недоумение, и надежда, и мольба, и требовательность, и попытка проникнуть в самую суть души Салима. Как она посмотрела! О, если бы на автора данной повести так посмотрела бы девушка лет двадцать назад, то ваш покорный слуга взялся бы за ум, женился бы и заимел пятерых детей

(исключительно от той девушки), и стал бы человеком к настоящему времени, но… Но при чём тут автор, с его мечтами о прошлом? – спросит самый нетерпеливый читатель. Да, – вернёмся к нашим счастливым героям! В общем, посмотрела Халида на Салима, посмотрела… а потом повернулась и пошла прочь.

Салим приехал в столицу Дагестана. Пробыл там три дня, и остался на четвёртый, слоняясь возле дома тётки Халиды с утра до ночи. Уже местные собаки стали принимать его за члена своей стаи, а ненаглядной всё нет и нет. В последний день пребывания в замечательном, но не очень опрятном городе, где-то после полудня, он увидел, как Халида с двумя большими сумками идёт по улице. Она шла, не глядя по сторонам. А когда подошла к калитке тёткиного дома, то подняла голову и посмотрела прямо на Салима, предупредительно замаячившего на её пути. Между ними было шагов семьдесят. Прошла секунда и она вошла в калитку, не оглядываясь. Как водится на Кавказе, во дворе гостья была встречена роднёй с неподдельной радостью.

Часа через два Халида вышла со двора. И пошла вверх по улице, к остановке. Из калитки высунулся, глядя вслед ей и по сторонам, молодой парень, её двоюродный брат. Салим понял, что он так и будет глядеть, пока Халида не сядет в автобус. Он, на месте этого родственника, не отпустил бы от себя и на десять шагов такую девушку. Салим немедля направился в сторону следующей остановки. Там он увидел, как подъехал автобус, в котором сидела его симпатия, и смотрела в окошко. Она взглянула на него и едва заметно покачала головой. Он понял, что пока не следует к ней подходить. Поэтому он, войдя в автобус,

остался стоять на задней площадке, не сводя глаз с ивановской косынки, покрывавшей голову Халиды.

Итак, в тихом месте, среди зелени и цветов, – в больничном дворе (видимо, это место Халида посчитала самым безопасным из всех, что она знала в этом городе) – они, наконец, смогли поздороваться и спокойно поговорить. Ну, не совсем спокойно, но без отвлечения на окружающих. Поговорили, объяснились. Да, Халиде не хотелось замуж за болвана, но отец даже не хотел говорить на эту тему. Много ли значит мнение молодой девушки? Да и что можно противопоставить той судьбе, что ей уготовили? Салим сказал, что он может кое-что противопоставить. Ему нужно только её согласие. Он может устроить ей другую судьбу. Если он ей нравится, если она готова идти с ним до конца жизни, то он готов её украсть. А что дальше? На дальнейшее у него тоже есть планы, но сначала он хотел бы получить от неё согласие. Как же она может согласиться, если самое главное, что будет дальше? Украсть девушку, особенно если она согласна, большого ума не надо. Можно, конечно, сказать «она с ним убежала», но престижнее звучит «он её украл» и ответственность ложится на мужчину. Как дальше жить? Где? На что жить? Как людям в глаза смотреть? Как жениха и его родственников успокоить? Но Салим уже разговаривал со своим дядей на этот счёт и тот обещал помочь. Они знали, что надо делать, чтобы невеста была в безопасности и спокойствии.

Дядя Салима имел знамовес[1] в городе. Позже он стал одним из самых известных и уважаемых людей в Дагестане, и автор ещё упомянёт о нём. Имел он дочерей и сына, инвалида детства. И хотя среди его родственников было немало молодых людей, весьма

[1] Зна´мовес – влиятельность, известность, авторитет.

способных, а в некоторых делах ещё и шустрых, но именно Салима он больше всего к себе приблизил и возлагал на него особые надежды.

Проговорили Салим и Халида больше двух часов. Им особо не надо было раскрывать души, ведь они хотя и были разного возраста, но знали друг о друге много. Однако, в эти два часа они были откровенны и старались найти как можно больше общего. И она согласилась. Согласилась, чтобы он её украл. Вот такой – осмотрительной, но храброй, оказалась Халида. Салим проводил её, находясь в отдалении, до самого дома её тётки, и тем же вечером возвратился в Дербент, чтобы их одновременное отсутствие в городе не вызвало ни у кого подозрения. А потом…

Потом разговор с родителями. Они были не прочь, чтобы сын женился на Халиде, но красть невесту у болвана было весьма рискованно. Может быть, пойти к отцу Халиды и поговорить с ним? Салим считал, что тот слишком упёртый и надо будет потратить немало времени, чтобы убедить его разорвать помолвку с сыном его друга, если это вообще возможно. А семья болвана очень быстро узнает, что Салим хочет свататься к их невестке – и тогда Халида станет для него недоступна. Выслушав Салима и узнав, что его шурин готов помочь, отец сказал, что поддержит сына.

Утром Салим снова поехал в Махачкалу. Он спешил к дяде и, приехав, имел с ним беседу. Они быстро пришли к решению, после чего дядя стал звонить разным родственникам, друзьям и нужным людям у себя в городе, а так же в Москве и Дербенте. Звонил и разговаривал, просил, шутил, спрашивал о здоровье, отдавал распоряжения. После этого он снова

разговаривал с Салимом и кое-что объяснял. Потом дядя занялся своими делами, а Салим – своими.

Дальше события развивались так: одну из своих племянниц Салим отвёз к Халиде, и та передала на словах, кое-что от него. Он стоял на отдалении, когда его избранница вышла на улицу и шепталась, стоя у калитки. Они взглянули друг на друга, а спустя мгновение Халида скрылась в маленьком дворике своей тёти. После этого Салим возвратился в дом дяди и стал ждать следующего утра.

И решительные действия начались. Утром Халида возвращалась в Дербент – она об этом предупредила свою тётю ещё вечером. До вокзала её проводил двоюродный брат. Она села в автобус и когда он тронулся, брат, помахав ей рукой, побрёл домой. Так что, он свою работу по охране доверенной ему двоюродной сестры выполнил, и совесть его останется чиста. На выезде из города Халида попросила водителя остановить автобус и вышла из него. Сказала, что забыла документы. Позади автобуса остановился «Москвич». В его салоне находился Салим и один из его родственников. Салим усадил Халиду в машину, а междугородний автобус продолжил свой путь в древний лезгинский город у моря. Продолжил без одной из красавиц того города. Красавица со своим мужественным избранником направлялась к его родственникам.

Салим позвонил отцу на работу и сказал, что всё в порядке, и Халида с ним. Теперь дело было за родителями. Отец Салима оделся и обошёл несколько дворов своих родичей, прося тех помочь ему в сватовстве. Из родичей, в основном, набрались женщины и старшие дети, так как многие мужчины были на работе. Пришли и старики. Послали детей

узнать, кто из родителей Халиды дома? Все были дома: обедали. Родители Салима, его отец и ещё два старика из его рода пошли в дом Халиды, а часть родственников вышла на улицу, и стояла возле двора. Далеко, как мы помним, идти не надо: две калитки соседские, а третья – та самая. Отец и мать Салима вошли в дом соседей. Хозяева видят, что гости с серьёзным делом пришли и, похоже, догадались, с каким именно. Детей попросили пока уйти. Отец Салима говорит: «Мой старший сын хочет жениться на твоей дочери, Халиде». Как жениться? Он что, не знает, что Халида им почти не принадлежит, потому что помолвлена? Она принадлежит будущему жениху и его семье. «Мы всё понимаем, - говорит отец Салима. – Он тоже понимает. Поэтому не хотим поднимать шум. Давайте всё тихо обговорим, чтобы слухи не поползли по городу». Ибрагим, отец Халиды, возражает, мол, говорить не о чем: вопрос решённый.

С одной стороны, родителям Салима отступать нельзя, а наоборот, надо добиться всего возможного, чтобы отвести от сына месть за украденную невесту. С другой стороны, в душе Ибрагима уже дают всходы сомнения, посеянного умной женой, – сомнения в том, что он нашёл своей Халиде хорошую пару. Но Ибрагим не знает, как выйти с честью из создавшегося положения, как отказать своему лучшему другу? Отец Салима пока не сказал, что его сын уже украл возлюбленную, а Ибрагим намеренно не желает докапываться до истины, чтобы не заводить обстоятельства в тупик. Ибо украсть обручённую девушку, а потом прийти договариваться в дом её родителей – это уже шантаж. К счастью, люди на Кавказе умеют договариваться. Умеют защищать свою

честь, но и умеют договариваться, не унижая уступающего.

В ход шли и лесть, и обругивание болвана-жениха, и посулы хорошего выкупа, и расхваливание сына, и разукрашивание будущего, и обещания помочь в улаживании дел с семьёй жениха. С противоположной стороны шли сетования на то, что часть задатка уже потрачена, что всё это отразится на других детях и их браки станут дороже, что у Ибрагима давняя дружба с отцом жениха и нет желания её прекращать и многое другое. Обеденное время прошло, Ибрагим говорит, что ему на работу пора. Ему говорят, что дело не терпит отлагательств и Салим может что-то предпринять без спроса, тогда будет скандал. Ибрагим звонит на работу, отпрашивается. Опять начинается спор и препирательства. Спор длится два часа, и после нескольких кругов встречных доводов, стороны начинают сближать позиции. Уже начинаются разговоры о суммах, обязательствах и сроках. Ещё примерно через час, когда в доме кончилась вся заварка, сахар и конфеты, когда дети не только возвратились в комнату переговоров, но и стали набивать себе цену, семьи ударили по рукам. Не дёшево обходилась Халида семье Салима, не дёшево, но ведь выкуп никуда на сторону не уйдёт – останется в семье, и большая его часть достанется будущей семье Халиды.

Когда две семьи договорились, то пришло время действовать Ибрагиму. Он с женой пошёл к жениху. Самого жениха дома не было – с дружками искал в городе приключения. Но что тянуть резину? Ибрагим сходу объявил, мол, извини, мы друзья, но всему есть предел. Опять ваш сын попал в милицию. А если завтра его вообще посадят лет на пять-десять, будет

наша дочь одна? Нет, возвращаем вам выкуп, готовы возместить убытки, но мы не отдадим вам Халиду. Как так? Вы нас опозорить хотите? Да вы знаете, что мы с вами сделаем? В общем, скандала избежать не удалось. Но никто не сомневался, что скандал будет – важно было, чтобы кровной вражды не возникло. Ибрагиму почти ничего не было, а вот его жену за волосы потаскали. Выгнали их, сказали, что их Халида им даром не нужна и они найдут для сына невесту получше, но всё равно, Ибрагиму и его семье это хамство дорого обойдётся, пусть ждут неприятностей.

Неприятности объявились вечером, когда с коротким визитом, сначала дом Ибрагима, а затем дом родителей Салима, посетил бывший жених Халиды. Программа посещений была скандальной и бескультурной. Кто-то ему сказал, что Халиду выкрал Салим. Он кинулся домой. Там ему говорят, что пришли родители невестки и заявили об отказе от свадьбы. Болван говорит, что ему донесли, будто её выкрали. Отец говорит болвану, мол, это не так и не говори такие глупости – опозоришься: все будут говорить, что у тебя невесту украли, придётся мстить и тогда точно тебя посадят, а может и убьют. Мы от неё сами отказались. Пусть её теперь крадут: кому она нужна? Мы тебе другую найдём. Но болвана не так просто уговорить и здравый рассудок покинул его. Чувство собственности руководило им – а больше никаких чувств к своей бывшей невесте он не испытывал.

Болван со своими друзьями – их человек шесть было – и родственниками ворвался в дом Ибрагима. Он требовал Халиду, вызывал всех на бой. Так как Ибрагим старше его вдвое, то он не поднял руку на него, но отыгрался на его сыне Халиле. Его повалили,

били. За Халила вступились. Дерущихся растащили. Болван кинулся во двор Салима. «Салим, выходи! – кричал болван. Точь в точь, как мышонок вызывал кота Леопольда. – Думал, тебя не тронут, потому что инвалид? Выходи, если ты мужчина. Сейчас ты у меня на обе ноги хромать будешь». Зашли в дом, искали молодых, подтянулись родственники с обеих сторон. В этот раз досталось младшему брату Салима и зятю. Но и болвану губу разбили, рубашку сорвали с него. Кто-то из женщин плеснул воды на дерущихся, чтобы разнять: тут же началась потасовка между женщинами – с таскaнием за волосы и с демонстрацией старухами своих ягодиц соперницам. Но всё это длилось не долго. Вскоре болван со своими родственниками и друзьями удалился, пообещав дальнейшие неприятности и межобщинные столкновения, а остальной народ, многие из которого собрались под «Гасаном и Эльмирой», стал бурно пересказывать произошедшее и предсказывать будущее участников этой истории.

А будущее сложилось вполне счастливое. Родители Халиды изначально требовали немедленной свадьбы, чтобы прекратить брачные приключения их дочери. Но делать свадьбу в Дербенте, по месту жительства, до тех пор, пока страсти не улеглись, было опасно. Молодых временно отправили в Москву, где они жили разтдельно у родственников – это устроил дядя Салима. Родители бывшего жениха требовали немедленного возврата задатка за невесту. Им было возвращено всё, до копейки, и частично были удовлетворены дополнительные требования. Свадьбу играли в Махачкале. Невесту привезли только на несколько часов в её дом. Собралось очень много народу: все опасались, что бывший жених явится и

учинит скандал и драку. Салим тоже пробыл несколько часов у себя дома, потом забрал невесту из её дома и они направились в ЗАГС в большой веренице машин, которую останавливала местная ребятня натянутой на пути проволокой, и требовала выкуп за молодую. Поставив подписи, жених и невеста, а также часть гостей, направились в Махачкалу играть свадьбу в одном из ресторанов, расположение которого в целях безопасности скрывали до последней минуты. Другая часть родственников, по большей части, женщины, осталась, чтобы привечать гостей во дворе дома родителей Салима.

Мой великодушный читатель, присутствовал и я в том дворе и на той свадьбе, и хотя был ещё молод, выпил полбутылки минералки за новобрачных, отведал плова и шашлыка из баранины. Было ли вкусно? Что касается минералки, то она была вкусной, а всё остальное – очень вкусным.

Бывшего жениха на свадьбу не пустили. Он подрался с отцом, затем напился, но из дома его всё же не выпустили. Через какое-то время он устроил поножовщину, после чего подался в бега, а через несколько месяцев был пойман в Мурманске и отправлен за решётку. Дальнейшая его судьба автору не известна, да и не интересна.

А счастливая пара Салима и Халиды, отыграв свадьбу, уехала в Москву, где для них была снята квартира. Халида перевелась в московский институт, но не доучилась в нём, потому что забеременела и вскоре родила своего первенца. Всего же она родила для Салима четырёх детей, и третьим ребёнком стала героиня нашего повествования – Ясмина. После того, как Салим окончил учёбу в университете, семья переселилась в Махачкалу. Дядя устроил Салима на

хорошую работу, выхлопотал для него жильё. В стране тогда начались большие изменения и жизнь стала неспокойной. Но Салим и его семья жили нормально.

Что ещё сказать? Дядя Салима не дожил до наших дней. Он стал известным человеком в Дагестане, которого до сих пор многие помнят. Его застрелил один из шести братьев С-ых. Отец этих братьев-абреков, которого звали Хусеин, женился поздно: в сорок семь лет. Он долго жил в Сибири. Остался там после армии. Женщины у него были, да толку не было от сожительства с ними. С последней из них, он сожительствовал больше десяти лет. Она была метиска с русско-якутской кровью. Была у неё дочь от первого брака, а от Хусейна не было потомства. Когда падчерица вышла замуж, он ушёл от женщины и возвратился в Дагестан. Взял себе жену, которой было тридцать пять лет. В течение десяти лет у них родилось семь детей. Первой родилась девочка с врождёнными уродствами и сразу умерла, а потом на свет появились шесть мальчиков. Они выросли. Двух братьев убили в Москве в бандитских разборках. Третьего брата застрелили в Чечне – он воевал против армии и народа России. Четвёртого убили в горах в начале двухтысячных в междоусобной разборке двух бандитских шаек. А затем пришла очередь двух младших братьев. Хотя им было уже под тридцать, они тоже шастали с оружием по горам и, под идеей строительства исламского халифата, трясли деньги с зажиточных людей. Один из них, самый младший, был ранен осколком в голову, контужен и, говорят, сошёл с ума. В один из дней его привезли домой мёртвым, с простреленной грудью и похоронили. Сразу поползли слухи, что застрелил его родной брат. Последний из братьев С-ых после этого совсем потерял меру. Он и

застрелил дядю Салима, когда тот приехал говорить с ним о выкупе заложника. Ссора между ними возникла, не договорившись они разъехались, но один до дома так и не добрался. Машину с важным человеком догнали, остановили и расстреляли из автоматов. Этот последний из братьев скрывался не долго: его с подельниками уничтожил наряд ППС в Махачкале, после того как разбойник убил местного милиционера. Старик Хусейн, работяга с большими мозолистыми руками, отец этих шести братьев, тогда сказал: «Теперь я буду спокоен – они все горят в аду и просят Всемилостивого о пощаде. А то я беспокоился, что один из них исправится на время, его убьют и он попадёт в рай: любой из них и в раю бардак устроил бы». Он прожил потом не долго, а его жена, старуха Наргиз жива до сих пор. Её можно увидеть. Целыми днями она сидит, скрестив ноги, возле своего двора или на базаре, и торгует жареными семечками. В её доме три невестки постоянно склочничают между собой, а их дети таскают семечки из перештопанного холщёвого мешка своей полуслепой бабки. Вот так, иной раз складывается жизнь у людей в некоторых уголках нашей большой Родины.

Это была история семьи Ясмины. Мой добросердечный читатель, Вы – дар Всевышнего мне. Благодарю Его за то, что Вы есть у меня… и перехожу к краткой истории семьи Ивана.

История есть – накал страстей отсутствует. Потому что русские традиции выветрились. Женская честь и мужская проявляются редко. Честь семьи и рода, которые без личной чести и гордости невозможны, ушли в небытие в восьмидесятых годах прошлого века, с последними рабочими и интеллигентскими династиями. Русская душа ещё

мятётся в юношах и юницах, но всё больше берёт её в тиски завозное европейское стремление к упрощению и доступности, западная меркантильность, живущая лишь настоящим, лишь себялюбием. Есть ещё в среде старообрядцев, и у других верующих людей традиция и там пишутся удивительные истории, но это не тот случай.

Иван из богатой семьи. Мама его – Светлана Николаевна – теперь не работает, хотя в пору молодости она преподавала русский язык и литературу в средней школе. Его отец предприниматель, он владеет довольно крупной компанией, поднятой им с нуля. Напомню, что его зовут Андрей Михайлович. Познакомились они в поезде, когда возвращались из Москвы в свой родной город Вологду. Она, старшеклассница, ехала с родителями, а он, студент Бауманки, ехал один. Оказалось, что Андрей учился в той же школе, что и Света. Жили тоже неподалёку друг от друга. Тем для разговора нашлось много, так и познакомились. До того как Андрей возвратился обратно в Москву на учёбу, у них со Светой было несколько свиданий. Ходили в кино, гуляли по городу, в парке. Когда он уехал, Света дважды слала ему письма, а он отвечал ей. Он приезжал на побывку, и они снова встречались. Она окончила школу и поступила в пединститут. Он учился ещё год, а потом был в армии на офицерских курсах. Спустя некоторое время Андрей и Светлана возвратились в Вологду и поженились. У них родились дети: два мальчика и девочка, младшенькая.

Ещё до рождения детей, Андрей рискнул откликнуться на зов приятеля и поехал в Москву, оставив пока жену у родителей. Приятель организовывал своё дело, производственно-

строительную компанию, и ему нужны были специалисты, коим и являлся Андрей. Предприятие получилось успешным, и вскоре Андрей смог перевезти в Москву жену с новорождённым сыном. Дальше пошло ещё лучше. Предприятие укрупнялось, реорганизовывалось, и Андрей взялся за отдельное направление деятельности, а именно за электрические и радиотехнические сети. Советом директоров, в который входил и он сам, ему были переданы большой пакет акций отдельного подразделения и большая свобода в управлении. А тогда как раз стал быстро развиваться интернет, начало строиться много всего разного, вот и пошли дела в гору. Прошло совсем чуть-чуть времени и Андрей со Светланой купили квартиру в пределах садового кольца. Их первенцу, Володе, было уже пять лет, когда они купили для его будущей семьи двушку в Коньково. Потом родился Иван, герой нашего повествования. Прошло ещё несколько лет, и у Светы с Андреем появилась маленькая дочь, Даша. Впрочем, теперь это были уже не просто Андрей и Света, а стали они Андреем Михайловичем и Светланой Николаевной.

Такая вот история родителей Ивана. Разумеется, она наполнена чувствами, возможно, даже препятствиями для возлюбленных, но обстоятельства и обыденность не заставляли эту пару проявить мятущийся вольный дух, отчаянность, смелость. А ведь всё это присутствует в русских людях, и хорошо, если не проявится позже, разрушительно для семьи. Но в нашем случае всё складывалось хорошо. Иван рос в добропорядочной семье и воспитан был прилично.

Таковы истории семей Ивана и Ясмины. Теперь, если позволит мой уважаемый читатель, автор

перейдёт к их обоюдной истории, которая ещё продолжается, в эти самые мгновения.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, ЗАВЯЗЫВАЮЩАЯ

«Что снится простыням?
Грязным, залежалым простыням?
Что они паруса в далёком южном море»
Анар, «Шестой этаж пятиэтажного дома».

Тётю Ясмины, то есть жену её московского двоюродного дяди, звали Розой. Она была женщиной небольшого роста, с резкими чертами лица. Маленькие чёрные глаза, маленький рот, острый нос, острый подбородок показывали её сущность – жёсткость, своенравность. Она родилась в дагестанском селе Гюлли. У её отца был друг, который служил в Москве, и, уволившись, остался в городе. Дружили они ещё со школьного возраста и оба были не прочь породниться. Поддерживали их в этом деле и жёны, которые также дружили между собой с детства. Однажды родители Розы приехали в Москву к своим друзьям в гости. Целую неделю они провели в этом городе, всей дружной компанией посещая разные интересные места. И у Розы был персональный гид – Алиф, десятилетний сын московских друзей. А ей тогда было семь лет. Перед отъездом гостей, хозяева устроили прощальный ужин, на который были приглашены ещё человек двадцать взрослых с детьми. Заседали в ресторане, где глава семьи московских дагестанцев был управляющим, а вскоре должен был стать и совладельцем. Взрослые сидели за столами, иногда вставая, чтобы потанцевать. Для детей был накрыт отдельный стол.

Ближе к завершению посиделок Розу и её будущего жениха позвали родители, поставили рядом, а гости их обступили. И отец говорил мальчику: «Сынок, вот Роза завтра уедет. Вы были на Красной площади, видели Кремль, Мавзолей. Вы ходили в цирк, гуляли на ВДНХ, катались в метро. Ты теперь с Розой хорошо познакомился. Но завтра она уедет далеко-далеко. Скажи, ты хотел бы жениться на ней, когда вы станете взрослыми?». Мальчик, находясь в стеснении, молчал. Он мельком скосился на эту

маленькую чернявую девочку. Свою маленькую головку, с косичками и жёлтыми бантами, она от стыда опустила в этот момент так низко, что её шея казалась сломанной. «Ну, не нравится она тебе что ли?». «Нравится, – едва слышно молвил мальчик». «Вот, молодец, – похвалил его родитель под негромкие одобрительные голоса окруживших его взрослых. – Если тебе нравится девочка, ты должен жениться на ней. Она же хорошая? Вот и надо на ней жениться. А то на ней женится кто-то другой, а настоящий мужчина всегда должен быть первым. И у настоящего мужчины должно быть всё самое лучшее. И невеста должна быть хорошая. Посмотри, какая красавица, какая хорошая. Скажи как настоящий мужчина: хочешь жениться на Розе, когда вы оба встанете большими?» Мальчик ещё раз быстро взглянул на девочку и ответил: «Хочу». Снова раздались одобрительные голоса окружающих.

Потом подошла очередь Розы. Мать держала её за плечи, а отец спрашивал: «Роза, ты слышала? Алиф, хочет, чтобы вы поженились, когда станете большими. Чтобы у вас была своя семья, свой дом, чтобы все его братья и сёстры стали твоими братьями и сёстрами. Ты ему нравишься, и он хочет на тебе жениться. А ты согласна выйти за него замуж, когда станешь большой?». Девочка стеснялась. Столько глаз одновременно на неё ещё никогда не смотрели. Мать присела, обняла сзади и тоже спрашивала её: «Хочешь быть невестой? Ты будешь в большом белом платье, на голове фата. Будет свадьба и на столе много вкусного, торты, конфеты. Будешь жить в Москве. Хочешь, чтобы Алиф был твоим женихом?». Роза не смела поднять головы. «Ну, скажи мне на ушко», - уговаривала её мама. Она опустилась ещё ниже, приближая ухо к лицу

Розы. Девочка что-то шепнула ей. Мать тут же выпрямилась и проговорила смущённо: «Она сказала "да"». Послышались радостные возгласы. Роза, воодушевлённая этими возгласами, приподняла немного головку. Однако её отец громко сказал: «Но мы не слышали. Дочка, скажи, чтобы мы все слышали». Опять наступила тишина. Девочка слегка кивнула и её губы шёпотом произнесли: «Да».

Роза не помнила этого. О своём согласии она знала со слов других людей. И картина из её личного прошлого была нарисована по чужим рассказам. Эта картина и заполнила тёмное пятно в памяти, возникшее когда-то от сильного психического напряжения. А вот свою взрослую помолвку, подтверждающую ту, первую, она помнила. Теперь она уже не могла ответить ничего, кроме "да". Она просто не представляла никого другого на месте Алифа. Никто другой ей не был нужен. За прошедшие годы только он был целью её жизни. Встречи с ним, с его роднёй, разговоры в семье позволяли ей довольствовать лишь одним вариантом выбора. И она давно уверила себя, что этот вариант наилучший. Москва, обеспеченный жених. Ведь хорошо же! Что ещё желать от судьбы?

И вот Роза слышит ужасную правду о своей племяннице. Хорошо, что от неё самой. Но ведь уже многие знают о ней, об этом русском. Какой позор! Ей не нравилось то, что Ясмина была помолвлена поздно. Кто знает, какие мысли успели поселиться в хорошенькой головке племянницы? Давать волю современной молодёжи нельзя. Она сразу была против того, чтобы Ясмина жила у них, но Алиф взял на себя ответственность, присматривать за девушкой. А уж когда помолвка Ясмины была отменена, то она даже несколько дней не разговаривала с мужем,

пытаясь показать своё несогласие. Но он опять, правда, теперь с некоторым сомнением, взял на себя ответственность и оставил её в семье. И чем племянница отплатила? Вместо того, чтобы поставить обнаглевшего русского на место и рассказать обо всём родным, она скрывала правду. Это Алиф дал ей свободу. Роза такой свободы не имела. После поездки в Москву она никуда из своего села не выезжала. Хотя Алиф со своими родителями каждый год приезжал к ним. Только перед самой свадьбой она с тётками поехала в Махачкалу сделать покупки. А потом она была в Махачкале проездом, когда жених вёз её к себе. И в Москве она увидела совсем другой мир: бескультурный, греховный, разнузданный, бесстыжий. Она берегла себя от окружающей грязи. Она держала в строгости себя, и воспитывала в строгости своих детей, потому что защищала честь семьи, честь мужа, защищала свою веру. А эта избалованная девчонка опозорит их – уже опозорила! Её надо отправить домой, и пусть родители найдут ей жениха. Хотя, разве теперь найдётся дурак, который женится на ней?

Тётя Роза сказала Ясмине лишь это: «Мы тебе доверяли, а ты значит такая, да? Даже чужой человек, этот парень, не выдержал – вступился за нашу честь. Ему твоя честь и честь нашего народа важнее, чем тебе. Мне стыдно за тебя. Я скажу Алифу, чтобы он отправил тебя домой». Ясмина не знала, как ей оправдаться. Она чувствовала себя чистым листом бумаги, на котором другие хотят выразиться. Даже если у них грязные руки, или грязные мысли, – именно ей грозит судьба скомканной и брошенной под ноги бумажки.

Роза позвонила мужу и сказала, что у неё есть очень плохие вести об их племяннице, попросила его

скорей возвратиться домой с работы. А Ясмина поднималась в их квартиру, буквально, волоча ноги. Она ещё ничего не совершила, мало того, – она даже воспротивилась Ивану, но она уже виновата, уже грешница и изменница. Со страхом она думала о том, что с ней сделают родители. Но как смотреть всем в глаза? А как же учёба? Теперь о ней можно забыть. Её отвезут домой. А как жить там? Какие небылицы будут рассказывать о ней там? Какие взгляды и слова презрения будут сопровождать каждый будущий миг её жизни?

Позже был разговор с дядей Алифом и тётей. Роза начинала этот разговор, и начала его с обвинений племянницы. Ясмина, однако, уже стала приходить в себя. В ней крепла жажда сопротивления. Но и дядя, хотя и был явно недоволен, всё же воздержался от жёстких слов. Он лишь задал ей несколько вопросов, а потом сказал, что встретится с этим русским и поговорит с ним сам. Объяснит ему по-мужски, если он ещё не понял, что от него хотят. После этого он попросил свою супругу, пока ничего не говорить родителям Ясмины. «И ты её отпустишь завтра в университет, к нему?» – спросила она его с негодованием. А он ответил: «Пусть идёт. Так мне не придётся искать этого русского».

Ещё до разговора с отцом, Иван позвонил некоторым своим друзьям и попросил помочь ему. Среди друзей были бывшие одноклассники, товарищи по спорту и два однокурсника. Он жалел, что у него нет номера Ясмины. Спрашивать у неё самой было бы бесполезно, а узнавать у других, без её позволения, было бы ещё и неприлично. Во второй половине дня он приехал к университету. По его зову, на помощь пришли одиннадцать человек. Друзья приехали на

четырёх машинах. Они встали вокруг Ивана, и он поведал о Ясмине, о том, что хочет добиться её расположения, но ему пытаются грубо мешать. Потом с двумя товарищами, которые были студентами, и, соответственно, могли беспрепятственно войти на территорию университета, прошли к учебным корпусам. Они нашли аудиторию, в которой Ясмина должна была находиться на лекции. Иван резко открыл дверь, сделал шаг внутрь, посмотрел на студентов, и мгновенно увидел свою симпатию. Улыбнулся, как Бельмондо, отчего у него лопнула губа в месте вчерашнего удара, и, опустив свою заштопанную и перевязанную башку, сказал лектору: «Извините» – после чего удалился.

Далее Ваня остался ждать в коридоре окончания пары. И когда Ясмина вышла из аудитории, он тут же направился к ней. «Ясмина, – сказал он, – нам надо поговорить. Мне есть, что сказать и предложить». Эти слова произносились чуть ли не на ходу, потому что девушка, окружённая своими подругами, не остановилась, а обошла Ивана, – не поднимая глаз, сторонясь его. Правда, обойдя его, она с полуоборота, на секунду взглянув ему в глаза, сказала: «Я не могу говорить с тобой. Мой дядя хочет с тобой поговорить. Он будет ждать на улице».

Спустя несколько минут они по мокрому тротуару шли к центральной проходной университета. Ясмина, в своём девичьем кружке, шла впереди, а Иван с товарищами – метрах в десяти позади. На улице Ясмину ожидал её дядя; с ним был сын и трое друзей. Девушка отделилась от своих подруг и подошла к ним. Поздоровались. Дядя спросил: «Ну что, как дела?». Ясмина промедлила, собираясь с мыслями, и не успела ответить. «Он здесь?» – вновь обратился к ней

дядя Алиф. Ясмина кивнула. Алиф машинально посмотрел мимо неё в сторону проходной. Посмотрел, – и сразу приметил парня, глядящего в их сторону. На лбу у него был пластырь, а на губе виднелось пятно спёкшейся крови. Парень, что-то сказал двум молодым людям, стоявшим вплотную к нему, и троица направилась в их сторону. Однако Алиф всё же сказал племяннице: «Где он? Покажи нам его». Ясмина опять медлила. Она стояла, низко опустив голову. Девушка была уверена, что Иван где-то рядом, но что-то мешало ей оглянуться, окинуть взглядом окружающих людей, и указать на него. Иван подошёл сам. «Здравствуйте», – сказал он, застенчиво улыбаясь. Никто ему не ответил. Алиф сказал сыну: «Посади сестру в машину, и ждите там». Они ушли. Невдалеке, то и дело оглядываясь и переговариваясь, отходили в сторону метро подруги Ясмины. А к Ивану шли друзья, до сих пор ожидавшие его в машинах припаркованных возле проходной, и теперь заметившие его возвращение. Они подошли, встали рядом с Иваном, обступили Алифа и его родственников.

Алиф оглядел парней, ухмыльнулся, и прошло ещё несколько секунд, прежде чем он спросил:

– Это Ясмина тебя предупредила?

Ваня не сразу понял, что вопрос был о его друзьях.

– О чём? – чуть помедлил и добавил. – Нет. Это отдельная история. Ясмина со мной не разговаривает.

– Она с тобой не разговаривает, а ты с ней?

– Пытаюсь. А вы кто?

В этот момент к Алифу протиснулся его сын. «Я тебе что сказал, а? – повышенным тоном обратился к сыну Алиф. – Иди к сестре! Будь возле неё! Что стоишь?». Юноша взглянул на отца, потом пристально

посмотрел на Ивана, и направился к машине, из которой тревожно выглядывала Ясмина.

Алиф сказал:

– Я её дядя. И сюда приехал сказать тебе пару слов. Если бы я хотел тебя наказать, то было бы всё по-другому.

Иван улыбнулся:

– Пацаны, нас действительно слишком много, – обратился он к друзьям, при этом глядя в лицо Алифу. – Зачем людей нервировать? Это вообще не тот, кого мы ждём. Давайте останемся в прежнем составе. Ладно, пацаны?

С Ваней остались двое студентов-приятелей, а остальные отошли – кто-то сел в машину, а несколько человек остались стоять неподалёку.

– Это мои друзья, сказал Иван. – Но они тут не из-за вас. Так получилось, просто. Предупредили бы, я бы с отцом пришёл и старшим братом.

Иван улыбался.

– Тебя как зовут? – спросил Алиф.

– Иван.

– Ваня, я сам из Москвы. Я тут родился, и всегда здесь жил. У меня много русских друзей. Я тебя понимаю, поэтому хочу просто поговорить с тобой, объяснить ситуацию. Ты нормальный парень, я вижу. Только ты не знаешь наших законов. Или знаешь?

Иван пожал плечами.

– Короче, – продолжил Алиф, – эта девушка не для тебя. Неужели ты не понимаешь? Вон, вижу, в лоб получил, а всё ещё не понимаешь. Так вообще без головы останешься. Я тебе знаешь, что посоветую...

– Советуйте своему сыночку, – Ивана очень задели последние слова и он едва сдерживал ярость. –

Вы Ясмине дядей приходитесь, а у неё что, отца нет и матери? Что вы за неё решаете? И за меня?

– Полегче, Ваня. Её отец скажет тебе то же, что и я. Если с тобой, вообще, станут разговаривать. Только в одном случае с тобой будут говорить: если ты примешь ислам. Как мусульманин ты бы имел право свататься. Если бы ты принял ислам не ради девушки, а ради Всевышнего и его пророка. Чтобы соблюдать мусульманские законы. Только это ещё не всё. Думаешь, просто так в Дагестане живёт пятьдесят национальностей уже тысячу лет и не смешиваются? Мы же там не превратились в одну национальность – дагестанцы. Потому что каждый хочет сохранить свой народ, свои особенности. Поэтому, даже если бы ты был мусульманином, то всё равно, ещё посмотрели бы на твою национальность. Но даже если и с национальность не было бы проблем, то есть ещё другие вопросы. У нас принято, чтобы жених обеспечил свою невесту жильём, деньгами, чтобы было уже что-то отложено для детей ещё до их рождения. Семье невесты тоже надо сделать подарок. Видишь, как много от тебя потребуют? Так что, я тебе не советую тратить своё время на эту девушку.

– Она стоит того, чтобы на неё тратить время. За неё можно даже жизнью рискнуть. Разве нет?

– Ваня, ты посмотри, сколько вокруг девушек… Маши, Вики, Наташи, Алёны. Им не хватает мужчин, настоящих мужчин. Можешь их оптом брать. Отказа не будет. Поживёшь с одной, потом с другой, потом с третьей… Можешь их каждый день менять. У тебя с ними одна культура, одинаковая кровь. А с нашей девушкой не так. Один раз берёшь ответственность, и на всю жизнь. Ты так сможешь?

– Вы смогли?

Теперь Алифу явно пришлось сдерживать себя. Он набычился, расправил грудь, но через секунду вздохнул, приподнял подбородок и сказал:

– Сынок, ты меня с собой не равняй. Я москвич, это да. Но у меня воспитание другое. Меня учили уважать свой народ, традиции, религию. Я знал на ком женюсь, ещё когда в младшую школу ходил. И уже тогда я знал, что это на всю жизнь. Я уже тогда думал о семье, о детях.

– Я, конечно, не думал о таких вещах в детстве, да… – Иван едва заметно улыбнулся. – Только я ведь не просыпаюсь каждый день с мыслью, закрутить с кем-то новый роман. И мне не всё равно, с кем провести этот день, и завтрашний. И я могу обеспечить свою невесту: жильё, деньги… всё есть. И подарок семье невесты тоже будет.

– Ваня, наверное, твои родители хорошо приготовились к твоей семейной жизни… за это им моё уважение, но ты не мусульманин, а значит, это пустой разговор. Пока ты не стал мусульманином, даже не думай о моей племяннице. Это я с тобой разговариваю спокойно, а если бы ты к её отцу пришёл свататься, тебя палкой прогнали бы. Вот смотри, это Миша, – Алиф показал на одного из своих товарищей. – Он русский. Мы с ним дружили с детства. А теперь мы ещё и родственники. Он принял ислам, а потом посватался к моей двоюродной сестре. Теперь у них уже трое детей. Вот так дела делаются. Я не говорю, что если ты станешь мусульманином, то тебе обязательно отдадут Ясмину, но без этого нельзя. Она, между прочим, может и не согласиться.

– Может она согласится принять православие?

– Ты же умный парень. Зачем тебе злить меня? Я тебя предупреждаю: отстань от моей племянницы. Я

за неё несу ответственность, как её дядя и как мусульманин. Ты понял? Тебе твои друзья не помогут. Я могу привести в три раза больше людей. А может к тебе подойти вечером у твоего дома один человек, и решить вопрос тихо, но не в твою пользу. Всё, разговоров больше не будет.

Иван глядел, как родственники Ясмины рассаживаются по машинам. Где-то там, за тонированными стёклами находилась и сама Ясмина. Смотрела ли она на него? Что она думала обо всём этом?

Позже, уже вечером, дядя сказал Ясмине: «Если он опять к тебе подойдёт, скажи мне». А у тёти Розы чесался язык. Она решила, что после разговора Алифа с «ванюшей», родителям Ясмины можно сообщить о приключениях их дочери. Что она там наговорила не известно, но тотчас Ясмине позвонила мать – взволнованная, обеспокоенная – и потребовала объяснений. Ясмина в досаде вслух предположила, что тётя знает больше всех и, наверно, ей нечего добавить. Халида повысила тон, пока не до крика, но было достаточно, чтобы дочь стала хорошо воспитанным ребёнком и поделилась некоторыми тайными фактами своей жизни. Ясмина не решилась рассказать об одном важном эпизоде: что она имела короткое объяснение с Иваном в его машине. Ведь тётя Роза даже за меньшее готова была обвинить её в распутстве, а если эти люди узнают, что она сама тайно ходила к парню, то какие ещё обвинения подскажет их фантазия?

Потом трубку из рук матери взял отец. Опять те же вопросы и ответы. Салим сказал: «Тебе лучше возвратиться домой. Я не хочу, чтобы о тебе поползли у нас слухи. Ты же знаешь, из-за этих слухов потом всю

жизнь тебя будут поддевать злые языки». Ясмина знала. Но у неё были причины упрашивать отца и мать, доучиться до конца этого курса, согласно их договорённости.

Из трёх причин последней было то, что ей не хотелось возвращаться домой. Всё-таки Москва давала некоторую дополнительную свободу такой развитой девушке. Круг общения тут был шире, она могла его выбирать, и люди тут были в большей свободе от условностей. В Махачкале она оказалась бы в среде людей, большинство которых старше её, и находилась бы под постоянным их контролем и обсуждением. А с ровесницами невозможно было говорить о психологии, литературе, живописи, культуре, – исключения неимоверно редки. Мало кто из них стремится к учёбе, а разговоры крутятся вокруг семейного обустройства, денег, денег, денег... и всяких сплетен. Второй причиной было её желание получить высшее образование. Это было выражением её стремления к некоторому статусу вне семьи. С будущим мужем и его родственниками образование тоже было бы подспорьем в личных отношениях. А первой причиной стали чувства к Ивану.

Ясмина, пока ещё со страхом, стала понимать, что тяга к нему усиливается. Всё, что вложено было в неё жизнью и воспитанием от рождения, всё слабее сопротивлялось тому, что заложено было природой и предписано судьбой. В её действиях, мыслях (и даже в словах) всё более проявлялась её пробуждающаяся женская суть и растущая самоценность. Она видела его сегодня. Он был с повязкой на голове, с разбитой губой, но он не был сломлен. И, что очень важно, он собрал друзей. Он не был одинок или в меньшинстве, как многие русские или европейцы. Может быть,

русскую девушку больше расшевелила бы жалость при его виде, но Ясмину больше подкупила его способность к сопротивлению, его настойчивость. Парень с такими качествами стоит сотни маменькиных сынков. А некоторые другие его качества, как мы помним, дагестаночка приметила ещё раньше.

Родители пошли навстречу Ясмине. Правда, Халида напомнила дочери о девичьей чести, которую злые люди и соперницы стараются замарать, и о семье, – без поддержки которой она всегда будет слабее. Всегда! Салим наказал ей быть на виду у родственников, и поддерживать связь только с родственниками, избегая чужих людей. Обещали позвонить завтра. Обычно Ясмина созванивалась с родителями через день-два – на телефон отдельно выделялись деньги. Потом позвонила младшая сестра и стала живо интересоваться всеми подробностями, на ходу обогащая множеством версий историю Ясмины. Там, в Махачкале, рядом с ней в этот момент находились двоюродная сестра с подругой, и оттого девичье общение выдалось особенно весёлым и слегка выходило за грани дозволенного. Ясмина, хотя стыдила сестричку и грозилась прервать разговор, не спешила это сделать. Она тосковала по близким, чувствовала себя одинокой, особенно теперь. Тётя Роза посеяла в ней некоторую холодность к своей семье. Впрочем, чуть позже Ясмина душевно пообщалась с младшей дочерью тёти Розы, Забиёй. Но, всё равно, ей не хватало домашнего родственного круга. Это особое чувство одиночества сложно понять урождённому горожанину и человеку западной культуры.

Иван с друзьями дождался вскоре и Магу. Долго ждать не пришлось. Возникла небольшая стычка

между ним и Иваном, но оказавшись в численном меньшинстве бродяги постарались уклониться от схватки, стали разнимать главных героев вчерашнего вечера. Сторона Ивана тоже не лезла на рожон. Суть свелась к тому, что Мага предложил встретиться позже, когда соперник поправит здоровье, и ему было отвечено, что в любое время и при любой погоде. В общем, найдёшь, если захочешь. Так и расстались. Позже с Иваном связались его кавказские друзья-сокурсники, сказали, что с Магой была проведена разъяснительная работа, не надо от него ждать неприятностей, но и искать с ним встречи тоже не рекомендовали, однако и осторожно высказались в том смысле, что Ване не надо забывать о кавказском и мусульманском происхождении Ясмины.

Вечером Иван имел беседу в кругу семьи. Ему, правда, хотелось избежать этого разговора. Он немного стыдился. Но Андрей Михайлович уже сказал Светлане Николаевне, что у сына есть весьма неожиданные новости, требующие семейного обсуждения. Для Ивана наибольшая трудность состояла в том, что приходилось вести разговор о его симпатии, когда отношения с ней ещё не были налажены. Так складывались обстоятельства. Общение с дядей Ясмины его не поколебало, и даже немного ожесточило, однако положение было совершенно неопределённым.

Новость о том, что Иван присматривается к девушке не только другой народности, но и другого вероисповедания, была принята с сомнениями. Оказалось, что если бы Иван выбрал себе спутницей жизни татарку, то особых сомнений не было бы даже из-за разности вероучений – слишком много общего у русских и татар. Ещё лучше был бы выбор немки,

итальянки или испанки. Не было бы особых трудностей с девушками из восточных и северных земель: якутянки, кореянки, японки и китаянки тоже, оказывается, вполне подходят для русского парня. А вот с даргинкой из Дагестана, как полагала родня Ивана, у него будет большое недопонимание, и в первую очередь, на почве религиозной: слишком сильно их жизнь подчиняется правилам веры. Выяснилось так же, что бабушка Ивана тоже является набожной православной христианкой, хотя прежде она не проявляла ни особого рвения, ни больших познаний религиозного уклада. Разве что, иконами да церковными службами в память мужа и родителей намекала на свою религиозность. Во всяком случае, именно она сказала, что согласно канонам, православному нельзя жениться на иноверной женщине. По сути, повторялись доводы, слышанные Иваном от Ясмины и её родни. Ну, а сам Ваня говорил, что ещё ничего не определено, но ему всё же хотелось бы получить поддержку от семьи. А подытожил разговор Андрей Михайлович. Он сказал: «Слушайте, это же просто девушка, молодая девушка и обычный человек, как и мы. Она так же хочет любви, семейной близости, ей нужна поддержка, ласковое слово, тёплое отношение, справедливость. Если она это получит – значит, Бог к ней милостив! Если мы будем с нею добры, она ответит нам таким же добром! А если человек делает добро, живёт по совести, то какая разница, какому Богу он молится или совсем не молится. Бог от этого не в накладе! Тем более, как я слышал, он один у нас всех – только учения разные».

В понедельник утром Иван ждал Ясмину возле университетской проходной. Она появилась с подругой Ланой. Иван встал у них на пути и девушки

остановились. Он сказал: «Ясмина, я знаю, что хочу. Теперь знаю. И я пока жду». Сказав, отступил в сторону. Девушки прошли мимо него молча – Ясмина, опустив глаза, а Лана, глядя с интересом на Ивана. Прошагав немного, Ясмина сказала подруге: «Не говори никому, ладно? А то меня заставят вернуться домой – и я не смогу учиться. Не рассказывай никому об этом разговоре». «Хорошо», – промолвила Лана, как-то слишком пристально поглядев на подругу.

Ясмина теперь не могла сосредоточиться на учёбе. Целый день она глядела преподавателям в рот, но мысли сегодня текли в русле сердечного настроя, а не согласно учебному плану. Она вспоминала слова Ивана: «Я пока жду». Он ждёт. Он сегодня будет сидеть в машине в условленном месте и ждать. Он мог бы подойти к ней, как к любой русской девушке и завести разговор, мог узнать телефон и звонить... он мог сделать много такого, что полностью её скомпрометировало бы в глазах земляков, но он повёл себя с уважением к её уставу. Его пытались избить, на него давили, она сама его, по сути, оттолкнула словами – но он не отступился. Он готов ждать – "пока". На долго ли его "пока" рассчитано? Чувства Ясмины ещё не прошли огранку сознанием. С одной стороны, симпатия к Ивану завладела ею. С другой стороны, её чувства не приняли чётких мысленных форм и простейшего плана. Она не могла сказать «он мне нравится, я хочу быть с ним». Её расположение к Ивану, пожалуй, соответствовало интересу... женский интерес к мужчине, тяга к чему-то чуждотаинственному и многообещающему. Ясмина предпочла бы встретиться с Иваном случайно, вдали от заинтересованных глаз, но не идти на свидание с ним осознанно.

Обычно Ясмина добиралась до дома или до танцевальной студии на машине. Часто её прихватывал кто-то из подруг, за которыми приезжали родичи, в некоторые дни за ней приезжала тётя, крайне редко дядя. Но получалось так, что в среду, как правило, никто ни за кем не приезжал и она с подругами добиралась на метро. Прошли понедельник и вторник – прошли в ожидании среды. Страсти родственников вокруг Ясмины немного приостыли. В среду Ясмина решилась. Опять она сказала подругам, что ей надо задержаться после занятий. Она, в самом деле, ходила в учебную часть, чтобы узнать о возможности перевода в Дагестанский госуниверситет со сменой специализации. Не праздный интерес, между прочим. А потом направилась… не то чтобы к Ивану, но она решила пройтись невдалеке от того места, где он всегда ждал. Решила так: если увидит и сам подойдёт – ладно, а если не заметит – значит, не судьба. Но, видимо, она сильно задержалась в учебной части. Иван подождав, решил, что Ясмина уже ушла домой, но для удостоверения в этом, по привычке проехался вдоль университетской ограды, мимо центрального входа. Ехал медленно, приглядываясь.

Возле проходной он и увидел свою симпатию. Остановил машину, включил аварийку и подал чуть назад. Поставив машину на ручник, не заглушив мотора, он вышел и встал позади автомобиля, своим видом давая понять, что он ждёт. Ясмина, заметив его, переключилась на автопилот, плохо осознавая свои действия. Не колеблясь, направилась к нему и села в машину. Видимо, ей не хотелось, чтобы были свидетели их встречи. Она подумала, что Иван

намеренно ожидает её тут. А он даже не успел открыть ей дверцу – так быстро всё произошло.

– Довези меня до дома, – сказала Ясмина, когда Иван запрыгнул на водительское сидение.

Говорит, а сама думает: «Что со мной? Чего это я к нему в машину села? Зачем?»

– Куда? – спрашивает Иван.

Она назвала район и улицу. Проехав с минуту в молчании, Ваня проговорил:

– Хотел сказать какие-то слова, а теперь… неудобно… за рулём, на ходу…

– Останови, – несколько равнодушно произнесла Ясмина.

Иван молчал несколько секунд, потом предложил:

– Может быть, пойдём в кафе или ресторан, где есть кабинет?

– Меня ждут. Если хотел что-то сказать, то говори сейчас. Я не могу сильно задерживаться.

– Понятно.

Он увидел стоянку в кругу деревьев и холмиков талого, грязного снега: свернул. Припарковавшись, он повернулся к заднему сидению – на нём лежал букет из пяти белых роз. Протянул их Ясмине.

– Не надо… это не надо, – смущённо и даже напугано заговорила она, отстраняясь. – Я не могу их взять. Скандал будет.

– Не обязательно их нести домой. Выбросишь их потом. Возьми, – он продолжал протягивать ей цветы.

– И выбросить не смогу… жалко. Мне жалко.

– И им будет жалко… погибнуть зазря.

Ясмина приняла цветы. Это были первые цветы, взятые ею из рук мужчины: Муса стеснялся оказывать такие знаки внимания. Она не знала, что Иван каждый

раз, ожидая свидания, покупал ей букеты. Покупал, и выбрасывал, не дождавшись её.

– Спасибо, – сказала она, приближая розы к лицу. На долю секунды она взглянула ему в глаза. Помолчали. Наконец, Иван начал:

– Ясмина, ты задала мне хорошие вопросы. Правильные. Честно говоря, ты заставила меня задуматься. Я, в самом деле, не знал, чего хочу. То есть знал, но не очень точно, не до конца.

Она хотела прямо спросить его: «Ну, и чего же ты хочешь?», – но побоялась прямого ответа. Того ответа, которого она мечтала бы услышать от своего соплеменника и единоверца.

– Ты лишь отчасти права, – продолжал он, – говоря, что я мог бы получить что-то от других девушек. Не всё. Ты для меня важнее всех. Ты для меня особенная. Я хочу больше, чем близкое знакомство с тобой.

Иван замолчал. Сейчас она не решалась повторить вопросы, заданные ему в прошлый раз, хотя ещё недавно намеревалась сделать это. Теперь ей хотелось, чтобы парень просто высказался. Ей казалось, он сам ответит на непрозвучавший вопрос.

– Моим родителям известно о тебе, – продолжил Иван, а Ясмина резко взглянула на него после этих слов. Но быстро опустила глаза. – Я говорил с ними. Если бы я не знал, чего хочу, если бы сомневался, то не стал бы им ничего рассказывать.

– И что они сказали? – спросила Ясмина. Она снова взглянула на Ивана и теперь уже не отводила глаз. А он склонил голову, чуть повёл плечом.

– Сначала не очень поняли. Меня не поняли. Ну, типа, зачем мне это? Сложности там разные могут быть… свою проще понять. Традиции, культура… А

потом… Ну и религия тоже. А потом… В общем отец и мать ничего против не имеют. Я хочу быть с тобой откровенным до конца. Они может быть сомневаются, но они не против тебя. Даже наоборот. Но, сама понимаешь…

– Понимаю, – сказала Ямина и вздохнула. Не было произнесены слова «жениться», «создать семью», но было понятно, о чём идёт речь. Не укладывалось только в голове, что этот русский парень имеет ввиду её!

– Хотя я им не сказал, что ты обручена. Ты ведь обручена?

– Нет…

Произнесла она это не сразу. Несколько секунд она переживала вихрь чувств. Сначала комок в горле и остановка дыхания; звуки, доносившиеся с улицы, почти полностью приглушились, а в ушах появился шум. Вот, она только что скрывала своё разручение… но теперь… Теперь она может сказать, что свободна! Сказать этому молодому человеку. Как будто новый путь перед ней открылся, через прекрасный, цветущий и поющий, светлый мир. Новые возможности, новое будущее. Щекочущий холодок пробежал по её коже, заставив едва заметно вздрогнуть, и тепло, зародившись в солнечном сплетении, стало расходиться по телу. Шум в ушах прекратился, а звуки стали ясно слышимыми, отделёнными друг от друга. И когда она сказала слово «нет», то испытала невероятную лёгкость и радость…

– Нет, – произнесла она.

– Хм… а я слышал, что ты обручена.

– Уже нет.

– Так, – Иван потёр подбородок. – Это из-за меня?

Ясмине стало смешно. Она, прикрыв улыбку букетом роз, взглянула в лицо Ивану. Он видел лишь её глаза, но уловил изменение во взгляде. Наверное, поняв двусмысленность своего вопроса, поправился:

– То есть, я хотел спросить… может я подставил тебя, скомпрометировал?

– Нет. Тогда ещё нет.

– А теперь, подставил, да?

Ясмина выдержала паузу. В общем-то, она уже ответила только что. И могла бы ответить утвердительно снова, и была бы права, но ей не хотелось, чтобы он чувствовал себя виноватым – ведь он вёл себя тактично, понимая и входя в её положение. Поэтому она сказала:

– Что произошло, уже не изменить. Но дело не в тебе. Ты не виноват. Наоборот, ты правильно делал. Просто некоторые слишком много на себя берут.

– А кто такой этот Мага? У тебя есть какие-то отношения с ним?

– С ним? – удивлённо воскликнула Ясмина. – Ты что? Ты неправильно понял. Я его вообще не знаю. Он сам влез не в своё дело. Он не имеет никакого отношения ко мне.

– А дядя? Это ведь, в самом деле, твой дядя?

– Что дядя?

– Ну, он говорил со мной. Он как-то может влиять на тебя? У тебя же есть родители?

– А, ну да. Есть. Он не родной дядя. Двоюродный, по-русски. Но я у них живу. Это мои родственники. И хорошие люди.

– Ты попросила его поговорить со мной?

– Нет! Он сам. Тётя видела, как ты подрался. И я ей сказала. Но это другой разговор. Что ты хотел мне сказать? Говори, или я пойду.

– Пойдёшь? Я тебя довезу, – Иван потянул руку к замку зажигания, но двигатель работал, да и бессмысленно было ехать, так и не сказав главного. Он взялся за руль обеими руками, выпрямил спину.

– Говорить… А что говорить? Ты ставишь на первое место веру. Что же? Правильно. Я тут подумал: для меня ведь тоже вера важна. Когда участвуешь в соревнованиях, борешься с сильным соперником, когда пишешь дипломную работу, и надо собрать воедино всё что изучал, или когда новое дело начинаешь – тогда обращаешься к Богу. К Богу, к предкам, к чему-то большему, чем ты сам, и высшему. Наверное, бездельникам и бездарностям Бог не нужен. Если ты прозябаешь или катишься вниз, не особо беспокоясь об этом, то достаточно складывающихся обстоятельств. Даже если занимаешь хорошее место, сыто ешь, ездишь на курорты, но, всё равно, занимаешься делом механически, рутинно, то обращаешься к Богу, только если жизнь тебя прижмёт. А так, тебе не до веры. Но если пытаешься преодолеть себя, подняться выше, добиться большего, не потеряв себя в чём-то, то нужен Бог. Понимаешь? не потерять себя в чём-то. Вот, можно шагнуть к чему-то… и достичь, – но при этом потерять какую-то свою часть, качество, которое кому-то было в тебе дорого и необходимо. А чтобы подняться всем своим существом, сохранив цельность, не утрачивая моральных качеств, совершенно необходима вера. Вот так, да, мне кажется. Извини, я, может, сумбурно говорю, и не совсем понятно?

– Нет. Ты очень хорошо говоришь. Я всё понимаю.

– Да. Я вот к чему веду. Для меня тоже вера важна. Чтобы ты не думала. Может, не как тебе.

Потому что у вас религия обуславливает быт, распорядок дня… пять раз обязательно молиться… да? Вот. Но я вижу, что есть граница, – Иван уже отпустил руль и принялся усиленно жестикулировать, как репортёры с НТВ. – Законы, да? ваши создают усреднённую общность, в которой более-менее всё понятно и роли расписаны. Но где личность? Даны границы, и личность может развиваться только в них. Я не хочу сказать ничего плохого, нет! Это даёт много порядочных людей. У нас нет таких законов и церковь слабая, и вот – вокруг полно моральных уродов, всюду сорняк с самомнением. Но вот у вас… Ты личность, да? Ты выше среднего уровня. Некоторые законы тебе не нужны. В тебе уже есть то, что в других воспитывает религия. Вот, как ты можешь развиваться? Как ты будешь стремиться к счастью? Вот, к душевному спокойствию? Почему Бог создал там зону с одними законами, а тут – с другими? Почему ты, как личность, отдельная неповторимая личность, не можешь покинуть ту зону, почуяв ограничения для себя, и перейти в другую, где есть большие возможности для реализации?

– Откуда ты знаешь свои возможности и свои границы? Тем более, мои? У нас есть старики, им шестьдесят или восемьдесят лет. Они умнее меня, и тебя… потому что они много видели, и поняли. Но они продолжают исполнять законы Всевышнего. И никуда не уходят. Знаешь, почему?

– Они не видят для себя перспектив за пределами своих религиозных законов и национальных традиций. Они привыкли так жить, и не хотят другой жизни. У них уже нет будущего. Но у тебя вся жизнь впереди и огромные возможности.

– Нет. У них есть будущее. Их будущее – дети и внуки, их народ. И не уходят они потому… и хранят традиции… что они должны сохранить Закон. Потому что ты молодой и я молодая, и если мы сейчас будем делать всё по-своему, переделывать жизнь под себя, то завтра мы будем не нужны никому. Через двадцать-тридцать лет будут другие люди и они будут придумывать новые законы и бороться с нами, если мы станем защищать свои законы. Зачем тогда вообще заводить детей? Чтобы с ними потом воевать?

– Глупо спорить с тобой. Ты права. Но я хотел сказать немного другое. Как бы это?.. Вот, твой дядя мне говорит: «Стань мусульманином, и тогда мы, может быть, сможем договориться». Ты тоже, примерно, так говоришь. Но и мне, как православному, ты тоже запрещена, пока ты мусульманка. И что получается? Ты для меня важнее всех, я уже говорил. Но ты такая, может быть, именно потому, что мусульманка. Мне нравится в тебе то, что ты не похожа на других – строгая, неприступная. Вот, не встречал я других таких девушек. И я не хочу, чтобы ты была другой. Меня устраивает твоя вера. Без неё ведь ты не была бы такой, правда? Я принимаю тебя, какая ты есть, вместе с твоей верой. Вместе с тобой я и веру твою принимаю.

– Ты принимаешь мою веру?

– Я хотел сказать, что принимаю её в тебе. Но я не готов поменять своё вероисповедание. С чего бы это? Оно меня вполне устраивает. А почему оно не устраивает тебя?

Ясмина ответила через несколько секунд:

– Такой закон у нас.

– Почему?

– Это долго объяснять. А ты разве не понимаешь?

– Ладно, не объясняй. Я знаю, но хотел услышать от тебя. Разговор, действительно, долгий. Просто я хотел бы понять – это так важно для тебя лично?.. моё вероисповедание? Ты в самом деле считаешь, что два человека не смогут быть… вместе (он запнулся – наверное, хотел сказать “счастливы”, но не решился и сказал “вместе”), если они принадлежат к разным религиозным течениям? Два современных человека?

Ясмина вспомнила русских женщин в Дагестане, которые прожили долгую жизнь со своими мужьями-мусульманами. Даже среди её не очень далёких родственниц была одна такая – двоюродная бабушка Оля. Многие из этих женщин вышли замуж в советские времена, когда в России христианство изгонялось из умов, и они не были очевидно верующими. Но с годами они обретали веру. Только не веру своих мужей, а становились православными. За редким исключением, они, живя среди мусульман, не изменили своей вере. Даже после распада Советского Союза, когда религия стала распространяться, и когда стало много фанатиков, баламутящих народ по турецкой и саудовской указке, они сохранили веру отцов. При этом если муж был умным и добрым, они жили счастливо, пользуясь уважением и почётом у своих детей и внуков. Получается, разное вероисповедание не мешает семейному счастью. Ну да: всякая вещь может быть и помехой, и подспорьем.

– Могут, – ответила она честно. – Но мы живём среди людей. И родственники есть у нас. Ещё другие вопросы.

В этот миг зазвонил её телефон. «Сейчас», – сказала она и приложила палец к губам. Она коротко

переговорила с кем-то по телефону на родном языке. После этого сказала:

– Мне уже давно пора. Меня ждут. Ты не знаешь даже, как мне сейчас трудно. Родители хотят забрать меня в Махачкалу. Я сама из Махачкалы. Сейчас мне звонила тётя и она меня ждёт дома. Может, я на метро быстрее доеду?

– Я тебя довезу. Только ещё одну минуту, ладно? – Иван вдохнул, приосанился. – Ясмина, ты мне нравишься. У меня есть отдельная квартира, я сейчас начинаю своё дело, фирму открываю с друзьями. Деньги есть. Пока надо диплом защитить, только с этим проблем не будет. В общем, я тебя не обману. Можешь мне верить. Я не знаю, как там по вашим мусульманским законам надо ухаживать за девушкой, но ты мне скажи, чтобы я лишнего чего не позволил себе. Я только хочу, чтобы и ты тоже немного ближе меня узнала. А то, прошлый раз ты как ураган налетела... я думал, зарезать хочешь. Шучу. Я знаю, ты не злая. Что ещё сказать? Я тебе предлагаю повстречаться, немного ближе познакомиться. Не так, как сейчас, в спешке, а нормально. Парк, кафе, кино. Я ведь не второго сорта человек, если у меня другое вероисповедание. Посмотришь сама – подумаешь – решишь. Согласна?

А что могла сказать Ясмина? Дать ему от ворот поворот она уже не могла. Слишком интересен он для неё стал. Открылось, что и родители его в курсе, и жильё у него есть отдельное, и дело начинает своё. Жених! Правда, обмен мнениями о религиях ещё больше укрепил её в своей правоте. В то же время её горская кровь бурлила от ощущения риска, от стремления к новому. Молодость, тяга к жизни, к самостоятельному выбору собственного пути... Милые

мои читательницы, что бы ответили вы? Хотели бы оказаться на месте этой юной красавицы, на пассажирском сидении в большом серебристом Додже, с букетом роз на коленях? А рядом крепкий симпатичный юноша, без вредных привычек, с жильём и всем прочим? К тому же, с уважением относящийся к строгому уставу своей избранницы. Ясмина отвечала:

– Да. Только так: если я скажу всё, нам больше не надо встречаться, то ты ко мне никогда не подойдёшь.

– Согласен. Я тебе сказал почти всё. Ты мне потом ответишь: да или нет. Договорились.

Иван снял машину с ручника и выехал на дорогу.

– Мне так жалко цветы, – сказала она. – Куда мне их деть?

И Ваня, взглянув с хитроватой улыбкой на Ясмину, посоветовал: «Дяде передай – от меня».

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ, ПРОЯВЛЯЮЩАЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНУЮ ИНТРИГУ

«Вот вы, мужчины, часто говорите о своём одиночестве,
это так смешно, вам никогда не понять,
что такое подлинное одиночество,
как может быть одинока женщина.
Просыпаться ночью и чувствовать, как стены
идут на тебя и...»
Анар, «Я, ты, он и телефон».

Первое, что услышала Ясмина дома, это слова тёти Розы: «Эй, девушка, ты слишком сильно сегодня задержалась». Девушка не перечила старшей родственнице, ведь та была права.

А Иван был под впечатлением от разговора с Ясминой. Он хотел сказать немного другое, но и так вышло не плохо. К тому же он насмотрелся на свою симпатию. Насмотрелся и пришёл к выводу, что нет девушки на свете красивее. С этим многие могли бы поспорить, но доказать Ивану обратное вряд ли кому удалось бы. Потому что поселилось в его сердце такое чувство, которое делает девушку сначала самой красивой в глазах парня, а потом она и в самом деле расцветает. Кстати, о цветах...

Те самые розы он принёс домой. Ясмина всё-таки их оставила. И вот он несёт их и млеет. Ведь её!.. Её!.. ЕЁ!.. руки недавно держали этот букет. До сих пор Иван ни разу не касался Ясмины. Хотя бы вот так, через букет цветов, ощутить её ауру. Сестра, правда, съязвила по поводу роз. Мол, если молодой человек

приходит домой с цветами, то, скорее всего, у него есть парень. Ну, вы знаете этих младших братьев и сестёр: они хорошие, но их человеческие характеристики портит длинный и острый язык.

Мама подумала, что Ясмина не пришла на встречу, но Иван объяснил ей, в чём дело. Она сказала: «Пригласи её к нам в гости. И мы познакомимся с ней, и она почувствует уверенность. Для девушки очень важны знаки определённости будущего». Иван был внутренне согласен с этим, тем более, ему хотелось похвастаться красотой своей избранницы. Вот только согласится ли она? Впрочем, дружеский визит… И он стал ждать субботу, – на этот день он договорился с Ясминой о телефонном звонке.

А Ясмину вечером, чуть позже, ожидала новость. Мать, а потом и сестра, рассказали о том, что ею интересовался потенциальный жених. А если точнее, то его родители заглянули в гости к родителям Ясмины. Ничего конкретного не было озвучено, но это было явное прощупывание на предмет брака. Ясмина была знакома с вероятным претендентом на свою руку. Семья его была довольно обеспеченной, а сам он имел собственное небольшое дело в Калуге. Там у него была компания по установке бытовых водяных фильтров и доставке воды. Парень он видный, и она точно знала, что охоч до женского пола. Некоторое время в одной из соцсетей он выставлял свои фото в паре с разными девицами и менял их весьма часто. Позже он это дело прекратил, но вряд ли остановился в реале. Кроме привлекательной внешности, Ясмине не было известно о других его достоинствах. Родители не знали о его похождениях, так как интернетом пользовались только для того, чтобы пообщаться через скайп с дочерью и прочими родственниками. Когда

Ясмина рассказала о его похождениях матери, то услышала в ответ, что не стоит обращать на это много внимания. Мол, молодой парень, красивый… но это пройдёт после женитьбы, семья станет для него важнее. Ясмина не стала возражать – может оно и так.

У неё было невнятное настроение после разговора. Она позвонила младшей сестре, и та, в общем-то, повторила рассказ матери, хотя и добавив некоторые подробности. Сестра тоже знала нового претендента, и он ей нравился. Она подбадривала Ясмину и призывала не думать долго. Но это была всё же младшая сестра. Ей чего? Она ждала своей очереди после Ясмины. Чем раньше выйдет замуж старшая сестра, тем скорее младшая окажется на правах главной невесты. К тому же она ещё совсем молодая и обращает внимание лишь на внешнюю красоту.

Но всё же новость несколько поколебала настрой Ясмины. Вариант не плохой, и совершенно безопасный для неё. Если он встретится с ней, предложит помолвку, то почему бы не дать согласие? Здесь не будет вопросов веры, народности, разницы культур. Всё намного проще. Но вот она сегодня немного пообщалась с человеком другой веры, народности и культуры, однако не нашла в нём черт отталкивающих или препятствующих браку с ним. Конечно, если вышеперечисленное считать проблемой и препятствием, то семью с ним нельзя даже пытаться создать. Но что для одного препятствие, для другого – суть жизни и возможность роста. И самое главное, к Ивану Ясмина имела сердечное притяжение. Во влиянии сердца преобладает терпение и сговорчивость, а во влиянии ума – захват и обольщение простотой.

В противоречивых устремлениях и раздумьях прошёл следующий день Ясмины, а за ним и другой. В субботу после полудня ей позвонил Наиб. Это и был тот самый – новый соискатель её расположения, о котором сообщала мать. Номер телефона Ясмины он узнал через родителей. Сказал, что приедет в Москву в воскресение вечером, и пробудет в городе до конца недели. Предложил встретиться в ближайшие дни и прогуляться, например, по Арбату, или сходить на Красную площадь. Ясмина согласилась встретиться и погулять с ним, но только в сопровождении кузины Забии или кого-то ещё из родственников. Парня это вполне устраивало. Потом он попросил московский адрес Ясмины. У неё мелькнула беспокойная мысль, что кто-либо из родичей расскажет ему об интересе к ней русского парня и сопутствующих этому событиях, но не нашлась, как отказать ему. Прикинув быстро, решила, что вряд ли ему расскажут, если она будет всегда рядом. Она продиктовала адрес, и они попрощались.

Через несколько часов позвонил Иван. Ваня проснулся утром очень рано, и в этот день установил личный рекорд по количеству проверок времени. Ещё никогда он так часто не глядел на часы: уже к трём часам дня он перекрыл среднеквартальную норму. И вот, в двадцать ноль-ноль по московскому времени и семнадцать ноль-ноль по Гринвичу, он таки соединился со своей симпатией посредством мобильной связи и телефона марки Сони Эриксон. Надо сказать, что при схожести симптомов (рассеянное внимание, частый взгляд на часы, повышенная тревожность) у данной пары абонентов наблюдались противоположные тенденции. В то время как один жаждал скорейшего наступления срока звонка,

второго приближение этого срока сильно пугало. Ясмина приглушила звук голоса в своём аппарате до того, что еле слышала Ивана. Работал телевизор, рядом сидели троюродные брат и сестра, которые живо интересовались её разговором. Иван, догадываясь о сложности общения для Ясмины, не стал тянуть резину, а почти сразу предложил время и место свидания. Девушке оставалось сказать «хорошо», после чего они распрощались. Распрощались со словами «пока» и «да» – и никаких “чмоки-чмоки”.

И вот наступил тот день. Некоторые спросят: «А что?.. что за день-то был?». Ох уж эти любители статистики! Сообщаю специально для вас: день был малооблачный, преимущественно ясный; температура с семи ноль-ноль до двадцати двух ноль-ноль колебалась в пределах четырёх-пятнадцати градусов тепла; ветер один-два метра в секунду, юго-западный с переходом на западный. Остальным же читателям скажу: было воскресение – день второго свидания Ивана и Ясмины. И подходили они к нему по-разному, о чём сейчас автор и расскажет, приняв серьёзный вид.

Он ждал её на Воробьёвых горах. Она пришла и сообщила, что ей надо быть дома через два часа.

– Маловато времени у нас, – сказал Иван.

– У нас так не принято, чтобы девушка отлучалась из дома одна надолго.

– Я не имею ничего против этого. Но, сама понимаешь… Да, кстати, – он протянул Ясмине букетик из трёх крупных чайных роз. – Сегодня твоя очередь выбрасывать цветы.

Смущение, вопросы «опять?», «зачем?», принюхивание… восторги… снова принюхивание… обоюдные восторги… «спасибо»… самодовольная

улыбка на одном лице и нежная смущённая на другом….

– Ну ладно, – сказало лицо, только что обозначенное самодовольной улыбкой, – прогуляемся тут. Ехать куда-то или идти времени нет.

И наша парочка медленно пошла от метро вдоль реки Москвы. Иван неожиданно почувствовал себя немного неловко и не знал с чего начать разговор. Ещё десять минут назад у него был какой-то план, а сейчас он потерялся. На языке крутилось высказывание о хорошей погоде, но до такого просторечия он не мог опуститься. Как часто случается в подобных обстоятельствах, дело поправила женская чуткость.

– Ты снял пластырь, – полувопросительно произнесла Ясмина.

– Да, теперь похож на зашитого пупса из голливудского ужастика.

Девушка улыбнулась. На лбу Ивана, действительно, красовался свежий рубец со следами трёх стежков.

– А дома что сказали?

– Сестра сказала, что, наконец, на моём лице появилась черта мужественности.

– Какая-то она не очень добрая.

– Черта? – улыбаясь, поинтересовался юноша.

– Сестра.

– Нет, сестрёнка у меня добрая. Это у неё шутки злые. Мы любим друг друга приколоть.

– Она старше тебя?

– Нет, младше. Старше меня брат. Он живёт отдельно, со своей семьёй. А у тебя есть братья, сёстры?

– Два брата старшие и сестра, младше меня почти на три года. У моей сестры тоже шутки бывают злые, но она хорошая.

– А плохих сестёр, наверное, не бывает. Твоя семья в Дагестане?

– Самый старший брат в Воронеже, он военный, а остальные да, в Махачкале.

– А кто твои родители?

– Даргинцы оба. Мы мусульмане.

– А, ну да… Я хотел спросить, чем занимаются?

– Отец работает в районной управе, озеленением занимается, ну и там ещё детские площадки и ещё что-то. Раньше он в мэрии работал. Мама дома.

– У вас ведь женщины не работают?

– Почему? Если муж богатый и не разрешает работать жене, или она сама не хочет, тогда конечно. А если деньги нужны, как не работать? Много женщин работает, особенно в городе. Почти все.

– А отец не в Москве учился?

– Да, – Ясмина взглянула с любопытством на Ивана. – Откуда знаешь?

– Так. Просто предположил. Подумал, ты же тут учишься, может, и он тоже тут учился?

– Да. Он был военным, офицером. Но потом он ногу сильно поломал и его уволили. Тогда он приехал сюда учиться. Потом уехал обратно.

– А у вас свой дом или квартира?

– Раньше мы жили в квартире. Там три комнаты было. Потом отец построил дом. Я тогда в третьем классе училась. Мы туда переехали ещё даже когда он не совсем построен был, и сами много делали, особенно братья. А квартира, наверное, останется моему старшему брату.

Ивану бело не понятно, почему именно старшему брату достанется квартира, и что останется другим, но он не стал спрашивать об этом. Его более волновало другое: он поглядывал на Ясмину и замечал, что она сильно встревожена. Сейчас, спустя несколько минут разговора, она немного расслабилась, но всё же вела себя отчуждённо. Она старалась держаться от него подальше, не допуская касание даже одеждой, быстро и испуганно кидала взгляд по сторонам и на встречных людей, слишком низко опускала голову время от времени. Иван чувствовал, не облекая свои чувства в законченную мысль, что сейчас он для этой девушки более чужой, чем во время их расставания несколько дней назад. Замечания Ивана почти сразу подтвердились. Ясмина сказала: «Сядем на скамейку». Они подошли к ближайшей пустующей скамье и присели. Иван хотел быть поближе, и сел, хотя и не вплотную к Ясмине, но довольно близко, однако она чуть отодвинулась – правда, не резко, а как бы с тяжестью, вынужденно.

– Ты хочешь что-то сообщить мне? – задал вопрос Иван.

– Да. Да, я хочу сказать тебе… Сейчас.

К ним приближались трое – два парня и девушка, с виду кавказцы. Ясмина ожидала, пока они пройдут мимо и удалятся. Она сидела, опустив голову, не поднимая глаз на этих прохожих. А те, как показалось Ивану, поглядывали на них с любопытством.

– Я делаю не правильно, – произнесла Ясмина. – Нам не надо встречаться.

– Что случилось? – встревожился теперь Иван. – Объясни мне. Что не так?

– Слишком трудно. Много проблем… – она замолчала. Её глаза увлажнились. Взглянув в лицо

Ивану, отвернулась, склонила голову. Достала носовой платок.

Ваня пребывал в непонимании и удивлении.

– Какие проблемы? – спросил он. – Что трудно? Тебя притесняют? Заставляют порвать со мной?

– Нет. Сейчас пока нет. Никто не знает. Не знают, что я пришла сюда. А если узнают… Пока не так трудно. Потом будет плохо. Мы не сможем… мы… мы вместе не сможем… Нельзя. Мне нельзя.

В волнении Ясмине было сложно подбирать русские слова. Заметнее стал и особенный северокавказский говор.

– Так! – Иван чуть отодвинулся от девушки. Расправил плечи, развёл локти, кулаки упёр в бёдра. Развернувшись к Ясмине всем телом, он сказал. – Успокойся. Успокойся и говори. Какие проблемы? Какие трудности? Расскажи. Я очень мало знаю. Расскажи мне.

Спина девушки выпрямилась, она взглянула на Ивана. Спустя дюжину секунд, взяв себя в руки, произнесла:

– Да, ты совсем мало знаешь, и понимаешь. Я тоже только теперь начинаю понимать. Мне не надо было отвечать тебе… и приходить. Ты мне нравишься… Ты хороший человек. Ты мне нравишься как человек. Только нам нельзя встречаться. И потом ничего не будет. Я должна общаться только со своим мужчиной.

– У тебя есть мужчина? – опешил Иван.

– Нет! Я неправильно сказала. Нет! Если был бы у меня жених, то я даже говорить с тобой не стала. Даже не смотрела бы на тебя. А я, видишь?.. сюда пришла. Просто, он должен быть… ну, из нашего народа. Так правильно.

– Мы, в общем-то, говорили уже об этом. Вроде договорились. Нет?

– Да. Но это только про себя я могу сказать.

– Не понял.

– Ну, я вот, сама…как бы могу по-другому. Вот, я же пришла. Я пришла с тобой гулять. Да? А другие не так поймут. Ты с ними не договоришься. Есть закон. Его надо соблюдать. Ну, так они скажут.

– Не понимаю, зачем я должен с другими договариваться? И кого ты, вообще, имеешь ввиду? Ведь не этих, например, – он кивнул в сторону прохожих, что недавно прошли мимо них.

– Родители, родственники.

– Я догадывался, что с родителями могут быть трудности. Но если мы будем действовать сообща, моих подключим… Или ты говоришь о калыме? Да? Я говорил с отцом об этом.

– Не знаю, как тебе сказать. Деньги… Я сейчас не про деньги говорю.

– Так, Ясмина, я готов соблюдать все ваши традиции. Которые между парнем и девушкой. В меру, конечно. Если с меня не будут требовать слишком много, намного больше чем с дагестанца. Типа, с пристрастием если ко мне отнесутся.

– Нет, не так. То есть, хорошо, но я не про это. Даже если ты будешь очень богатым, мой отец не согласится, – Она замолчала. Прошло несколько секунд. – Ты не понимаешь.

– Потому что я русский?

– Да… Нет… Это не главное. Национальность не так важна.

– Ваша вера?

Она кивнула.

– Они такие верующие?

– Дело не в этом. Да, они верующие, но не только это. Понимаешь, там другие люди. Они может быть и поняли бы, но другие не поймут и не простят. А им жить среди этих людей. Даже если бы жили здесь, то всё равно остаются родственники, знакомые… Нельзя разрывать связь. Без своего народа тяжело. Все чужие ведь.

– Они так зависят от посторонних людей?

– Не зависят. Ты не понимаешь. У вас по-другому. Это не зависимость. Не знаю, как сказать… сплочённость… единство. Ну, один народ, одна вера, одно воспитание, одни законы – там всё близко и понятно. Там нельзя спрятаться. Сказать «я хочу жить сам по себе», и всё. Нет. Кто хочет так жить, те приезжают сюда и остаются. Но разве им хорошо? Их не понимают, они чужие. И потом, проходит чуть-чуть время, и они хотят собрать вокруг себя своих людей. Потому что не привыкли. Мало кто может по-другому.

– Да, может и не понимаю. Но что им сделают? Не убьют же, в самом деле.

– Смерть не самое плохое. Не самое страшное. Для вас смерть, да, страшная. А у нас бывает жизнь страшнее смерти. Им могут даже хлеб не продать. Разговаривать многие не станут, руку не дадут поздороваться. Уважать перестанут. Как тогда жить? Если все станут чужими, как жить? Ведь они свои, и не хотят с тобой общаться, ненавидят тебя. Это хуже, чем среди чужих.

Она замолчала, опустила голову. Иван не знал, что сказать. Это было ему вроде бы понятно, но не укладывалось толком в голове. Воспитанное им с молоком матери, европеизированное «Я» было выше всего остального мира. Он не бывал в передрягах, когда собственная личность в одно мгновение

становиться мелкой в сравнении с окружающей действительностью и подчиняет себя добровольно некому кругу людей одной крови. Не было у него такого опыта, когда решения принимаются не потому, что тебе так хочется, а потому, что так нужно твоему народу, полезно обществу. Не дало его воспитание такого единства с соплеменниками. Что очень характерно для современных русских.

– Хорошо, – сказал Иван, – а если обойти согласие родителей? У вас же есть обычай кражи невесты?

Ясмина вскинула голову и слегка отпрянула от него:

– Нет! Я не хочу! Нельзя красть, если невеста не хочет! Я не хочу так. У тебя же сестра есть, сам подумай, ей понравилось бы разве? Если бы её кто-то украл без разрешения? А тебе самому? Я не хочу, не хочу.

– Да я узнать хотел просто. Нет, так нет. Я понял тебя.

– Я хочу, чтобы всё было нормально, и отец согласился. И мать.

– А что на счёт калыма?

– Я не знаю. Это не ко мне вопрос. И ты торопишься. Я же говорю, что у нас не получится.

– Нда… Слушай, давай хоть в чём-то определимся. Мне показалось, что у тебя есть какое-то чувство ко мне. Ответь, пожалуйста, честно. Не как лучше, а честно: я тебе нравлюсь? Не как человек, а как мужчина? Есть у тебя чувство ко мне?

Девушка покраснела. Она опустила глаза, сильно свесила голову, сомкнула руки в кулачки между бёдер. Некоторое время она набиралась смелости, а затем произнесла еле слышно: «Да».

Иван протянул руку и накрыл своей ладонью кулачки Ясмины. Она не отстранилась, не убрала руки. Он сказал: «Это для меня много значит. Ты даёшь мне основу и цель. Если мы будем действовать, то у нас всё получится».

Девушка не отвечала. Иван продолжал говорить, но она молчала. Он убрал руку. Потом девушка сказала:

– Мы торопимся. Я пойду. Ко мне должны приехать. И надо подождать. Я сама тебе позвоню. Хорошо?

– Я тебя провожу.

– Нет, не надо. Меня будут ждать. Ты не звони мне. Я сама… Хорошо?

– Плохо. Но я буду ждать твоего звонка.

Ясмина встала со скамьи. Он тоже. Она замялась, взглядывая на цветы. «Я провожу тебя до метро», – произнёс Иван. Они пошли к станции. Девушка уходила с цветами. В этот раз с цветами. Позже, в вагоне, она присела и положила их возле себя, стараясь сделать это незаметно. А потом быстро вышла из вагона, оставив букет на сидении. Ей было очень стыдно так поступать. Ей было очень горько от того, что она вынуждена была это делать.

А Иван чувствовал воодушевление. Хотя свидание и было скомканным, и закончилось слишком быстро, за то он услышал от своей девушки важное признание. Доехав до дома, он поднялся к себе в комнату и лёг на диван. Вскоре подъём чувств прошёл. Теперь он осознал, что упёрся в стену. Он не знал, как действовать. Ему всегда казалось, что достаточно иметь чувства, чтобы строить отношения. Так его учили, так говорили все вокруг, в этом уверяли персонажи фильмов, книг и телепередач, об этом

твердили улица и интернет. Если между двумя людьми возникло взаимопритягивающая страсть, то это и есть самый главный довод в пользу углубления отношений и создания семьи. И вот он столкнулся с тем, что есть люди, и даже огромное сообщество, для которого взаимные чувство – это не довод. Уклад жизни, традиции, законы веры – важнее взаимного влечения пары молодых людей. Нужно соответствовать неким проверенным стандартам общества. А не то чтобы «мне хочется – и мы будем вместе». Иван испытывал бессилие, столкнувшись не с волей отдельного человека, а с волей целого общества. И не приходило ему в голову, что огромное количество молодых сердец, в этом самом обществе, сталкиваются с той же трудностью, и многие умудряются преодолеть её с честью.

Вечером того же дня Ясмине позвонил претендент на её руку, Наиб. Они не долго говорили. Он узнал, когда у Ясмины кончаются занятия, пообещал позвонить ей ещё раз завтра, перед приездом.

А в понедельник, возвратившись из университета с дядей, Ясмина обнаружила Наиба в кругу её родственников. Он не стал сообщать ей, и приехал за час до её приезда. Случилось и то, чего опасалась Ясмина: ему рассказали об Иване. Вообще, о ней много рассказали. Конечно, плохого про неё сказать было нечего, но она предпочла бы говорить о себе сама, попутно задавая вопросы Наибу. Но тётя Роза, похоже, захотела с полной отдачей сыграть роль свахи. После ужина молодые люди перебрались в гостиную. Там они просидели, примерно, с полчаса, после чего стали одеваться, чтобы вместе погулять неподалёку от дома. Тут пришли ещё двое гостей – брат с сестрой,

родственники тёти Розы. Девушка была на год младше Ясмины. Ясмине её троюродная сестра ранее намекнула, что та интересуется Наибом. И хотя всё выглядело так, словно их приход в этот самый час был случайным, Ясмина немного обозлилась. Правда, надо отдать ей должное, вела она себя с новоприбывшими гостями учтиво.

Молодые люди гуляли часа полтора, а то и более, по аллеям, обрамлявшим череду длинных неглубоких прудов, что располагались вблизи дома Алифа. Пройдясь некоторое время вместе, родственники немного отстали, дав возможность Наибу и Ясмине пообщаться между собой без лишних ушей. Сначала они вспоминали общих знакомых, потом он расспрашивал Ясмину о её жизни в Москве – об учёбе, занятиях танцами, о родственниках. Затем стал говорить о себе.

Оказалось, что в Калуге он имеет дело на паях с двоюродным братом. Это была его вторая попытка заняться предпринимательством. Первый раз он с другим своим родичем открыл магазин, но прибыль была слишком ничтожной, да и возникли трения с партнёром. После этого он больше полугода проработал в паре с двоюродным братом установщиком фильтров в одной калужской фирме, а тот занимался этим делом уже около трёх лет. Они сошлись с девушкой, которая в фирме была то ли секретарём, то ли менеджером – в любом случае, пользовалась доверием хозяина предприятия. Через эту девушку многое узнали о кухне фирмы: о поставщиках оборудования, о ценах и условиях поставок, списки клиентов. Ближе к лету создали собственное дело, теперь уже в качестве хозяев, нанимая рабочих. Это начинание вышло удачным.

Разумеется, они потеснили своего бывшего работодателя, предложив его клиентам дополнительные услуги и на первых порах более низкие цены. Тот понял, что дело не чисто, но ничего грозного не предпринял против выскочек. Так и встало на ноги предприятие Наиба и его партнёра.

Ясмине такая предприимчивость была не по душе. Возможно, в других обстоятельствах или в приложении к личности иного человека она восприняла бы её положительно, но сейчас такой подход показался нечестным. Может быть из-за того, что Наиб приехал сегодня раньше положенного времени, не позвонив ей, как обещал? Она, однако, не показала явно своё неудовольствие. Ясмина спросила Наиба, почему он вспомнил о ней? Он же ответил, что приехав в Махачкалу, встретил бывшего её жениха. Потом ещё кто-то из родни напомнил о ней. Так как она ему понравилась с минуты знакомства, то он решил сойтись с ней и обсудить их будущие взаимоотношения. Своего жилья у него не было, но зарабатывал он теперь прилично. Наиб не собирался переезжать в Москву, потому что его не устраивала идея, забросить свой удачно начавшийся бизнес. В Москве, как он считал, слишком сильное соперничество, и он не знает в ней никого, и базы клиентов нет. Ясмина сразу смекнула, что в случае их женитьбы, ей придётся оставить университет. Она сказала, что очень хочет получить образование, это для неё важная цель. Она не против создания семьи, и готова сменить форму обучения, но забрасывать учёбу не собирается. Наиб промолчал: возможно, он смотрел на женское высшее образование иначе.

Далее, чтобы прервать затянувшееся молчание, Ясмина хотела спросить, кто из родственников есть у

него в Калуге, но не успела задать вопрос. Парень спросил её о том русском, что имел наглость положить глаз на даргинскую девушку. Она ответила уклончиво; мол, был какой-то русский, но это дело прошлое и не стоит вспоминать о нём. Однако Наиба не устроил ответ, и он попытался узнать подробности и её личное отношение к происшедшему. Ясмина говорила, что ей было неприятно и стыдно из-за назойливости этого русского, так же, как стыдно и неприятно вспоминать об этом теперь. Она так же уверяла, что старалась не замечать «ванюшу» и всячески избегала встреч с ним. Видимо, какие-то чувства Наиба были успокоены и он отдалился от затронутой им осути. Правда, высказался в том ключе, что дагестанской девушке следует вести себя скромнее и одеваться строже, чтобы недостойные чужаки не пускали на неё слюни, а если всё же найдутся наглецы, то кавказские мужчины быстро поставят их на положенное им место в свинарнике.

Прогулка продолжалась далее, но теперь уже вся компания смешалась. Говорили о разном, шутили, вспоминали общих знакомых. После прогулки гости разошлись. Наиб обещал позвонить Ясмине завтра, заручившись сначала её согласием, показать ему центр Москвы.

Опять Ясмину глодали сомнения. Он был красив, приятен в общении, но её не трогала его личность на физиологическом уровне. Не задевал он в ней женские струнки. Умом она принимала его, умом он ей нравился. И опять же – умом он ей нравился как вариант, а не как мужчина. Вариант без сложных проблем и сулящий типичное усреднённое будущее кавказской женщины. В нём все страсти, споры, счастливые минуты, неприятности и достижения, уговоры и высказывания, смятение и торжество

поглощается кругом близких, в основном, женским кругом. В этом кругу будут тонуть её интересы, устремления, оценки. Этот круг её будет судить, поддерживать и настраивать. С годами он станет ближе мужа и почти роднее собственных детей. Это спасательный круг, который не даст утонуть и поможет пережить любую бурю. Но он потребует отказаться от части своей личности, он потребует отказаться от сознания собственной исключительности и неповторимости. Он даёт женщине предсказуемое и почти безопасное будущее, уважение окружающих (даже совершенно незнакомых людей) в дни зрелости, и обеспеченные родственной опекой преклонные года. Для того, чтобы заполучить такое спокойствие и предсказуемость в Европе, Штатах или тут, в России, надо иметь много денег, а на Кавказе или в мусульманском мире это доступно любой девушке и женщине, даже из самой бедной семьи.

Ясмину подкупала полная законность брака с Наибом. Да-да, она отдавала предпочтение спокойствию и безопасности, как большинство людей. И разумное начало в ней мало уступало чувственному. Она не была настолько отчаянной, чтобы поставить своё будущее в зависимость от сердечной склонности. Чувства переменчивы, и создавать семью, с прицелом на всю жизнь, следует на надёжном основании, и не под диктовку гормонов. Проверенная временем мудрость «стерпится – слюбится» её больше устраивала. И пусть она недавно давала волю сердцу, но как только появился более безопасный вариант рассудок Ясмины взял верх. То, что у Наиба было немало любовных похождений, её в определённой мере напрягало, однако не создавало непреодолимого препятствия. Её беспокоило нечто другое.

Ясмине очень не понравилось, что Наиб приехал, не предупредив её, как обещал. Мало того, что он не сдержал обещание, он, видимо, хотел узнать о ней побольше от третьих лиц. То есть, он предпочёл довериться чужому мнению о ней, нежели личному впечатлению и её собственному самопредставлению. Что же будет дальше? Сам, падкий до легкодоступных девок, не станет ли он ревновать её ко всем подряд? Он уже дал понять, что в случае помолвки она должна переехать в Махачкалу или хотя бы к нему в Калугу. Не проявляется ли в этом его ревность и излишняя степень надсмотра ввиду недоверия к ней? Такое отношение в дальнейшем может перерасти в злобу, в постоянные придирки. Впрочем...

Впрочем, столь критичные мысли в отношении Наиба у неё были вечером, перед сном (Ясмина долго не могла уснуть), утром же она думала о нём добрее, полагая, что своим поведением не позволит поселиться в его сердце ревности и прочим злым чувствам. Утро, как известно, вечера мудренее, вот и взял ум даргинской красотулечки верх над её добрым и страстным сердечком. Так или иначе, она поставила Наиба на первое место, а Ивану, фактически, но пока негласно, дала отставку.

Иван же был в полном неведении о вышеописанных делах и думках. Думки у него и свои имелись. Его заботило, как договориться с семьёй Ясмины? Он уже понял, она подчинится воле родителей, и не станет с ними ссориться. Значит, вариант был только один: наладить отношения с её родителями. И что он мог предложить? Если бы речь шла о деньгах или квартире, то у него могли быть козыри, но всё упиралось в вероисповедание. Даже национальность, к его удивлению, оказалась не так уж

и важна. И Ваня задумался. Однако вскоре он пришёл к заключению, что думать-то особо не о чем. Только действия, поступки могут решить его судьбу. И кое-что он для себя решил. Во-первых, он не будет менять вероисповедание. Это исключено, хотя закон Ислама чётче и практичнее христианской догмы. Некоторое время назад он купил Коран, читал его и мог выносить подобные суждения. Ещё Иван решил меньше ждать и больше действовать; активнее идти на сближение с Ясминой. Почему он, собственно, должен скрывать свои намерения и выжидать? Ведь его намерения теперь весьма определённы: создание семьи, законный брак с этой девушкой, рождение и воспитание детей, продолжение рода. Всё серьёзно. И он имеет на такой выбор не меньше прав, чем любой соплеменник, земляк или единоверец Ясмины. Что же его по религиозному принципу причисляют к второсортным людям? И об этом он решил поговорить с девушкой при следующей встрече.

День прошёл, другой, третий… Вот снова свидание Наиба и Ясмины. Они гуляли по Никольской, от Лубянки, по Красной площади, шли по Тверской, до Бульварного кольца, а по нему до Арбата. С ними прогуливались тётя Роза и её дети. Они не досаждали Наибу и Ясмине и те могли поговорить между собой. Дважды отдыхали в попавшихся им на пути кафе, но всё же сильно устали – ведь маршрут для современного пешего человека очень длинный. И наговорились. Так наговорились, что в конце прогулки почти не разговаривали. Только у тёти Розы, чьи ноги заплетались сильнее прочих, развязался язык. Она гневалась. И было от чего.

Каких только шизиков она в этот день не видела. И с серьгами на бровях и в носу, и с яркими

оранжевыми и фиолетовыми волосами, и с татуировками на лице и шее, и голопузых девок со стразами в пупке, и потаскух, чьи трусы торчали из штанов, и длинноволосых среднеполых существ в рванине… Прямо, европейская ветвь племени Мумба-Юмба, с белой кожей и гладкой корой головного мозга. Ещё было много прочего вырождающегося поголовья, сосущего пиво, пьяного, матерящегося, гогочущего, орущего, дурно пахнущего, бесстыже одетого, ведущего себя крайне развязано, бескультурно. Уже на следующий день она жаловалась, что всё это уродливое сборище дегенератов пыталось сблизиться с ней в её мрачных сновидениях, от чего она просыпалась и молила Всевышнего защитить от шайтанов западнической свободы самовыражения. Она зарекалась больше не совершать таких вылазок в чужие миры, расположенные в центре города, и выражала опасение за своих детей, которым тоже довелось увидеть и пережить ужас проявления чужой индивидуальности, и советовала им брать пример с отца, который хотя родился в этой Содомо-Гоморре, но почти не испорчен ею. Слушая эти стенания, Алиф хмуро поглядывал то на свою не выспавшуюся супругу, то на детей, которые чередовали подавление смеха с подтверждением слов своей матушки. Но отпрыски Розы и Алифа всё же были ближе к смеху. Они понимали скудоумие и моральное уродство обсуждаемых людей и презрение к этим людям своей матери. Но они были терпимей и привычней к чужой глупости, а традиционное семейное воспитание привило им иммунитет к чужой псевдокультуре.

Что же до Наиба и Ясмины, то можно заключить, что они сблизились. По крайней мере, Ясмина теперь

испытывала к этому парню большую, чем прежде, симпатию. Видимо, его мужская привлекательность захватила просыпающуюся женскую суть даргинской прелестницы. Разумеется, были у неё и практические мотивы, упомянутые чуть ранее. Вернее даже, – они послужили основой для развития её симпатии.

Во время этой прогулки их разговор был более предметный. Наиб явно пытался узнать, готова ли Ясмина сказать «да» его сватам. Он объявил, что родители могут дать некоторую немалую сумму для покупки квартиры в Калуге; разумеется, он ожидал подобного вклада и от своей избранницы. Говорили об интересах каждого, о вкусах – в общем, обычный разговор двух молодых людей, желающих узнать друг о друге.

При всём этом от внимания Ясмины не ускользнуло то, как Наиб несколько раз высказался о том, каким образом должна вести себя девушка, как одеваться, как общаться с чужими или незнакомыми мужчинами. Надо сказать, что требования у него были весьма строгие. Однако в отношении себя он не был так же строг, и на один из вопросов Ясмины сказал, что происходящее вне семьи не должно касаться жены, ибо чтобы он ни делал – всё на благо семьи. Такой подход Ясмине был понятен и хорошо знаком: она была наслышана о нём от некоторых родственниц и старших подруг, такой подход стал в последнее время некоторыми усиленно продвигаться. Она не удивилась и не возмутилась, слушая мнение Наиба. Вот только как-то он особенно выделял обязанности женщины и свои требования. При том, что его интерес к женщинам, и их интерес к нему, Ясмине, как уже говорилось, был известен. Когда она напомнила об виданных ею фотографиях Наиба с разными

девушками, то он ответил тоже весьма шаблонным образом: мол, ты же знаешь этих русских женщин – они сами на нашего брата кидаются, да так, что и не отбиться порой. Затем, однако, уверил свою спутницу, что эти похождения в прошлом, а уж после женитьбы и вовсе ничего такого не будет. Ясмина восприняла последние слова с недоверием, выразившемся на её лице едва заметной саркастической улыбкой.

Кроме того, когда снова заговорили об учёбе Ясмины, то Наиб постарался ускользнуть от этой темы, но дал понять, что невеста и жена должны быть либо рядом со своим избранником, либо под приглядом его близких родственников. И с таким подходом Ясмина тоже была знакома. А выходило-то что? Выходило, что не дадут ей учиться. По крайней мере, по желанной специальности и на прежних условиях.

Ясмина понимала, что чем-то жертвовать ей придётся в любом случае: и если отдаст свою судьбу в руки Наиба, и если выберет Ивана. В одном случае надо будет усмирить своё женское самолюбие и сильно укротить собственные амбиции (при этом в семье могла расти напряжённость в личных отношениях), в другом случае существовала вероятность потерять привычный круг общения (но в семейной жизни могла получить удовлетворение). Следует сказать, что данные рассуждения происходили у Ясмины на уровне интуиции. Это автор со своей колокольни и в полном спокойствии, записывая свои размышления в тетрадь, может позволить себе такие обобщающие умозаключения, а юная, хотя и чрезвычайно умненькая девушка себе места не находила. И не торопилась с выбором.

В следующий раз она увиделась с Наибом через день, накануне его отъезда. В этот раз они остались

вдвоём, прогуливаясь в течение часа по улицам и бульвару квартала. Теперь уже разговор пошёл начистоту. Наиб чётко определил, как и ожидала Ясмина, что ей не дадут учиться в Москве. Он не собирался тянуть со свадьбой. А это значило, что в случае скорой беременности, она останется без высшего образования, как в своё время её мать, Халида. Жертвовать своей мечтой, остановившись на полпути, Ясмине не очень-то желалось. Наиб же не хотел отдалять свадьбу по собственным соображениям, одним из которых, была возможность расширить его дело за счёт приданого жены.

И вот, когда Наиб спросил, что она ответит его родителям и своему отцу на предложение помолвки и свадьбы, то оказалось, что Ясмине нечего ответить. Ответить «да» она не могла. Наиб был в недоумении. Он успел увериться, что она в его власти, под его чарами. Такой вывод он сделал из ощущений от разговоров с ней. А Ясмина и сама была в растерянности. Но какая-то потаённая и мощная сила, не позволила ей ответить Наибу согласием.

Он ушёл. А Ясмина испытала облегчение. Ни капли сожаления. Просто стало легче, когда он ушёл. И ведь она не сказала «нет». Она всего лишь не хотела принимать решения и отложила его принятие. Девушка не знала, как поступить, и обыкновенно отстранилась.

Однако, когда после ухода парня, тётя Роза игриво спросила её: «Ну что, будем ждать твоей помолвки с Наибом?», – она ответила коротко: «Нет». На последовавшие вопросы она отвечала нехотя, уклончиво. В итоге, родственники сделали вывод, что она отказала бизнесмену из Калуги.

Ясмина не стала ждать, пока новости о ней докатятся до родителей через других людей. Она сразу позвонила матери. Рассказала о разговоре с Наибом, о том, что не смогла ответить ему согласием. Халида отнеслась к новости хотя и сдержанно, но с неодобрением. Сильно ругать дочь вроде как было не за что, однако высказаться о её нерешительности она должна была, а ещё об отсутствии практичности. Ведь оба родителя считали Наиба вполне достойным вариантом. Халида в этом была убеждена меньше мужа, но считала, что Ясмина достаточно умна, чтобы поддерживать в собственной семье добросердечную обстановку. Но главное – ответь Ясмина однозначно парню, и не только жизнь Ясмины, но и жизнь семьи уже была бы определена. А так… всё оставалось в подвешенном состоянии и следовало ждать действий Наиба. Оттого и вопрошала Халида свою дочь: «Ну а если завтра его родственники придут к нам свататься? Мы будем тебя спрашивать, а ты опять молчать будешь, думать? Скажешь «да», потом не говори «почему вы меня не отговаривали?». «А если откажу?» – задавала вопрос Ясмина. И мать ей отвечала: «Тогда потом не жалей. Сделай выбор и забудь. Он нормальный парень. Не очень богатый, но с достатком, со своим бизнесом, и ещё он красивый. А как будет потом, какой семья будет – никому не известно. На всё воля Аллаха. Сама думай. Только я тебе скажу так: он уже есть, жених, Наиб. А что будет завтра, и кто захочет тебя взять – мы не знаем. Аллах тебе уже приготовил мужа и предлагает его. А ты думаешь «может завтра Аллах предложит мне лучший выбор?». Но что будет завтра, мы не знаем».

Наверное, в словах Халиды была справедливость и логика истины. Но неведомо ей было то, что

Всевышний предоставил её дочери более широкий выбор, и разделил её рассудок и сердце, и вложил в сердце искру светлого чувства к иноверцу.

Позже позвонил Салим, которому супруга рассказала новость о дочери. Он был более строг, и склонялся к тому, что Ясмина должна ответить положительно Наибу на предложение руки. Но опять же, его слова нельзя было расценивать как требование. Скорее это было твёрдым пожеланием. Что же? его можно понять: судьба дочери определилась бы, опека над ней перешла бы к жениху, а он парень самостоятельный и обеспечен прилично. Зачем ждать лучшего? Самый хороший вариант судьба предоставляет сразу. Чтобы получить от неё лучшее предложение, надо стать лучше, надо подняться над собой, надо быть достойным большего. Посильно ли это девушке? Да и есть ли смысл?

Теперь ход был за Наибом. Оставалось Ясмине ждать. Но одно решение она приняла. И снова это было, как недавно в случае с Иваном, умственное подкидывание монеты. Снова это была передача себя в руки судьбы. Задумала она так: если рискнёт Наиб, и придёт его отец к родителям договариваться о помолвке, прося её войти в их семью невесткой, то она ответит согласием. Значит действительно дорога она ему, может быть даже без приданого. И стала она ждать.

И тут вмешались роковые обстоятельства. Судьба. Дело в том, что Наиб приезжал в Москву с двумя товарищами. Один из них покупал в этом городе машину, с рук, довольно дорогую – американский внедорожник. Друзья сопровождали этого приятеля, вёзшего в столицу большую сумму денег. Тот купил машину и в ночь понедельника троица возвращалась в

Калугу. Они одолели уже две трети пути, когда случилась беда. Обгоняя большегруз, что-то не рассчитал владелец новоприобретённой машины, и внедорожник сначала зацепил обгоняемую фуру, а через мгновение столкнулся с большим автобусом перевозившим рабочих-вахтовиков. Наиб сидел на переднем пассажирском сидении, и именно в это место пришлась основная сила столкновения. Защита у машины хорошая, но Наиб не был пристёгнут, впрочем, как и его попутчики. В общем, он сильно покалечился – кости поломал, порезы рваные получил, сильное сотрясение мозга. Пострадали и несколько человек в автобусе, но без серьёзных последствий. Оказалось, что все трое парней курили во время поездки коноплю. Но родственники срочно забашляли некоторое приличное количество рублей медикам, чтобы этот факт не был нигде запротоколирован.

Ясмина узнала о случившемся в середине дня, а вечером Забия, хозяйничавшая на кухне, возопила, призывая к себе Ясмину и остальных. Оказывается, у неё был включён телевизор, и она смотрела сводку происшествий на одном из каналов, а та самая авария попала в сводку. Сюжет был совсем короткий – не более полуминуты. Родственники уже знали все подробности происшествия и без конца их обсуждали, но телевизионный сюжет придал обсуждениям новую силу. Ясмина была в центре внимания. Все ждали от неё чего-то: кто-то слов, а кто-то действий. Ждали от неё определённости.

Вскоре участливое обсуждение вышло далеко за пределы семейного и родственного круга. На волне разговоров об аварии непременно вспоминали и Ясмину, а попутно всё чаще стали открыто вспоминать о недавней истории с русским «ванюшей». «Наиб Х-ов

разбился. Сын Шамиля. Только жениться хотел, и вот… А она ему отказала. Ясмина, старшая дочь Хромого Салима, что раньше в мэрии работал. За ней ещё недавно увязывался какой-то русский. Но его поставили на место. А она так себя повела, как будто её это не касается. И вот Наиб, такой хороший, не побоялся к такой свататься. Она ему отказала, а на следующий день – авария. Парень хороший, красивый. Жалко его».

У кавказской девушки родственников и знакомых много. И пересудов много. А тут ещё привлёк внимание посторонних людей репортаж телевизионный, где было сказано, что трое молодых дагестанцев на дорогом внедорожнике устроили серьёзное ДТП. Многие люди звонили родственникам Ясмины и ей самой, и приезжали, чтобы узнать подробности. Ясмина не знала, куда скрыться от чужого внимания, от пересудов. Она перестала заходить в «Одноклассники», отвечала на звонки только близких родственников. Теперь и в университете знали о ней то, что её семья, и она сама, пыталась прежде скрывать. Уже на второй день её университетские подруги стали добиваться от неё подробностей, и Ясмине пришлось рассказать, что помолвка с Мусой отменена, но по понятным соображениям, она об этом не говорила.

Наиб в это время лежал в больнице. Кто знает, как обернулось бы всё, если бы не это происшествие, и парень некоторое время не валялся бы на больничной койке? Ведь он с друзьями собирался через неделю-полторы ехать в Махачкалу. Но пока ему было не до брачных предприятий.

Ясмину же донимали любопытством. Всех интересовало, что теперь она решит? Словно на ней

была вина за ДТП. Даже кое-кто из близких подруг почему-то считал, что случившееся должно склонить её к согласию на помолвку и брак с Наибом. Видимо, эти люди, сами жалея симпатичного им парня, считали, будто Ясмина из сострадания должна выйти замуж за него. Нда… Вспоминается анекдот, в котором Вовочка, бредя по школьному коридору, вопрошал себя вслух: «Ну, где логика?! Где логика?!».

Ясмина также пыталась узреть логику событий и людских ожиданий. Ей звонили из дома и говорили, что ходят неприятные слухи. Вероятно, одним из источников слухов была мать Наиба. Уже на второй день, после аварии, она с мужем была в Калуге, у больничной койки сына. И оставалась там в следующие три недели. Халида позвонила ей почти сразу, узнав о происшествии с Наибом. Мать пострадавшего сначала была сдержанна, а потом сорвалась почти на крик, обвиняя Ясмину в бессердечности и женской непорядочности. Мать, растревоженная думами о сыне, жаждала защитить своё великовозрастное дитя и искала на стороне виноватых в его нынешнем состоянии. В запале и Ясмина была отнесена к виноватым, впрочем, как и товарищ Наиба, ведший машину. Халида, без злобы выслушала укоры и дождалась, когда женщина положила трубку. Позже она снова звонила матери Наиба, чтобы сказать несколько утешительных и примирительных слов, с надеждой и в ответ услышать слова примирения, но та не отвечала на её звонки. Забегая вперёд, автор желает сообщить, что в скором времени страсти успокоились и они всё же помирились. Но к тому времени жизнь Ясмины, которая превратилась в мыльную оперу (по её ощущениям), пополнилась новыми обстоятельствами.

Тут, что называется, сон в руку. В пятницу утром Ясмина резко очнулась от сна. Первое, что пришло ей на ум, были руки Ивана, накрывшие её судорожно сжатые кулачки во время последнего их свидания. Она не помнила сновидения, но тоска и тревога пронзительно зазвучали во всём её естестве. Девушка почувствовала себя маленькой, беззащитной, она свернулась калачиком и почти целиком укрылась одеялом. Некоторое время лежала, прикусывая губами мягкий полуворотник пижамы и вспоминая родной дом, семью и особо маму. Так начиналось утро. А по окончании первой пары в коридоре университета её ждал Иван.

Накануне вечером Ване позвонил его друг Кирилл. «Слушай, я не пойму, – говорит, – у тебя с этой дагестаночкой что? Обрубил концы что ли? Загасил искру светлого чувства?». «С чего ты взял? – спрашивает его Ваня». И хотел он ещё что-то сказать в своё оправдание, но не успел, потому что Кирилл ему докладывает: «Так мне Ольга Л-ева говорит, что к твоей Ясминке толпы земляков женихаться приезжают». «Что ты несёшь? – обозлился Иван». «Может и привираю, конечно, но один к ней точно сватался на днях. То ли отказала она ему, то ли нет, но он попал в аварию и теперь в реанимации. Да и сама она вся в прострации»...

А дело в следующем... Кирилл хорошо знал ту самую Олю из Вологды, подружку Ясмины. Кирилл встретил её в университете, разговорились, и таким образом он узнал последние новости о Ясмине. Кирилл поспешил узнать у друга, что же там у него происходит в личной жизни, так и состоялся этот разговор.

В Иване взыграла ревность. Он хотел скорее поговорить со своей даргинской принцессой. Однако, как мы помним, он обещал Ясмине не звонить, а ждать её звонка. И ревность распалялась именно из-за этого обещания. «Как так? – думал Ваня. – Взяла с меня слово, сама не звонит, а в это время там кто-то закидывает на неё сети!». Ревновал, гневался, конечно, но всё же он не был киношным Д'Артаньяном, и на следующий день хотя и повёл себя решительно, но не сумасбродно. Съев на завтрак большую тарелку манной каши, приехал утром в университет, сделал свои дела, а потом направился искать Ясмину. Узнав, где идут занятия у её группы, стал ожидать в коридоре.

И вот… выходит Ясмина в коридор… и видит Ивана! Тут же кидается обратно в учебное помещение. Ваня опешил. Сильно были удивлены и подруги Ясмины. Она машет им руками, театральным шёпотом просит их уйти и оставить её. В аудитории всё ещё находятся несколько человек, среди них преподаватель. Девушка набирает сообщение для Ивана: «уходи, пжл. жди вечером. я позвоню». В это время возвращается и подходит к ней Лана, но Ясмина выпроваживает её. Преподаватель спрашивает: «Что происходит?». «Ничего», – отвечает Ясмина, а между делом нажимает кнопку отправки сообщения. Через несколько секунд Иван слышит короткий звук мобильника, сигнализирующий о принятии сообщения, но не обращает на него внимания, так как он поглощён ожиданием своей симпатии и видит выходящую в коридор Лану. Она с интересом смотрит на него… он с недоумением смотрит на неё. Она ему «здрасьте», будто только сейчас увидела… а он ей «привет», но словно между делом. Он ждёт. Из

учебного помещения выходят все. Все, кроме Ясмины. И уходят: коридор опустел. Иван понимает, что тут ловить больше нечего. Делает шаг к двери. В этот момент дверь осторожно приоткрывается. Иван делает ещё шаг… В проёме лицо Ясмины! Глаза больше обычного. Дверь захлопывается! Глаза Ивана в то мгновение тоже имели тенденцию к увеличению. Но вот он сдвигает брови, решительно ступает вперёд, открывает дверь! И что же он видит?

Мой удивительно добрый читатель, простите меня, но я не могу продолжать дальше, не сделав кулинарного отступления. Раз уж чуть ранее речь зашла о манной каше, съеденной нашим героем, то автор хотел бы выразить своё мнение. В первую очередь, речь идёт о чувстве вкусе. Чувство вкуса прививается с младенчества и идёт рука об руку с чувством меры. Тут имеются тонкости. Говорят, что кашу маслом не испортишь. Согласен. А вкус испортить можно. Вот, у Ивана тонкое чувство вкуса. И в немалой степени оно развивалось при вкушении простой русской каши. Даже в её рецепте имеется маленькие секреты.

Основа не сложная. На шестьсот-семьсот граммов молока приходится три-четыре столовых ложки манной крупы, с горкой. При такой пропорции каша получается жидкой, стекает с ложки. Густая каша – для могучих, но шибко дремучих увальней. Когда манка почти готова надо её посолить. Секрет первый: манная каша не любит соли. Солить надо весьма умеренно, самую малость, щепотку на кончиках пальцев. Сразу после соли добавляем сахарного песку. Сахару надо ложки три, чайных, тоже с горкой. Можно более, но это на любителя. Кроме того от этого сладкого продукта зависит следующий секрет. Тут –

формирование чувства вкуса, чувства меры. Масло сливочное надо добавлять обязательно, но делать это надо осторожно и пробуя кашу! Таким образом, секрет второй: масло надо добавить ровно столько, чтобы оно слегка перебивало сладость! Вот так! Нет, конечно, в гостях, если вас угощают манкой, вы можете себе набухать маслица – и кашу не испортите, и кишечник немного позже отработает у вас гладко, но чувство вкуса… Как сахар так и масло бывает разного качества и состава, да и у людей разная восприимчивость, а потому пропорцию продуктов невозможно определить раз и навсегда. Так что, пробуйте, дерзайте – развивайте чувства меры и вкуса у себя и своих детей.

Извините, мой искушённый читатель, но не мог ваш автор, имеющий молоканские корни, не вильнуть в сторону молочной кухни. Не удержался-с! А теперь продолжим повествование.

Открывает Ваня дверь и видит: стоит перед ним объект его волнений и раздувает щёки. Ну натурально, вся такая обиженная, будто из всех девчонок мира только ей мороженного не купили. Стоит и смотрит на него косо. Иван говорит:

– Не понял, – и повторяет последний вопрос преподавателя. – Что происходит?

– Ты почему не ушёл? – спрашивает его чернобровая краса.

«Чего!?» – словно вопрошало выражение лица Ивана, при этом сам он не смог издать ни звука.

– Я же тебе послала сообщение.

– Когда? – выдавил Иван.

– Только что. – Ясмина отошла в сторону и присела на стул, при этом вся словно обмякнув. – Теперь уже поздно.

А Иван машинально достал из кармана мобильник и прочитал сообщение.

– Да я как-то не обратил внимание. Тебя ждал… не хотел отвлекаться.

– Зачем ты пришёл? – Ясмина взглянула на него усталым взором. – Вот так, при всех. Неужели не понимаешь?

– Не понимаю! Поэтому и пришёл узнать. Что происходит?

– Ты зря вот так пришёл. Про меня и так много говорят…

– Вот я и хочу разобраться. И вообще, что я как подпольщик ныкаюсь, когда к тебе тут, оказывается, сватаются?

– Кто тебе сказал?

– Какая разница?

Ясмина поднялась со стула, посмотрела в сторону противоположную от Ивана, в окно. Повернулась к нему, глядя в ноги произнесла:

– У меня сейчас ещё две пары. Подожди меня в машине, если тебе никуда не надо. На том месте. Я приду. После одной пары.

– Ладно. Я только отъеду ненадолго.

Он стоял перед ней. Она сказала: «Уходи. Я потом. Подожду немного». Иван вышел в коридор, оставив дверь приоткрытой.

Однако Иван не смог припарковаться в том месте, где обычно он ожидал Ясмину: в соседнем здании начинался ремонт, строители разметили вблизи вагончики и оградили площадку для материалов. Позже он связался с Ясминой по телефону и указал новое место ожидания – оно было за пределами университета. Стал ждать. Она появилась минут через двадцать. Шла, то и дело оглядываясь.

Иван вышел из машины ей навстречу. Похоже, это действие Ивана немного разозлило Ясмину – она не хотела, чтобы их видели вместе. Но на лице её было больше тревоги, чем злости.

– Ты сейчас куда поедешь? – спросила Ясмина, лишь устроившись на пассажирском сидении.

– Я приехал увидеться с тобой. Поеду, куда скажешь, – отвечал Иван выжидающе глядя на свою симпатию.

– Тогда отвези меня домой.

– Ко мне? – в какой-то степени пошутил Ваня

Она пристально взглянула на него. Уши Ивана лизнуло пламя. А лицо Ясмины словно оттаяло.

– К нам, – произнесла она тихо, открыла сумочку и достала мобильник. – Мне надо позвонить.

Она около минуты разговаривала на своём языке. Из трубки, еле слышимый для Ивана, ей отвечал женский голос. Закончив разговор, Ясмина положила мобильник обратно в сумочку и обратилась к парню:

– Я ушла после двух пар, отпросилась. У нас сегодня три. Я позвонила тёте, чтобы она за мной не приезжала, – и вдруг, отворачиваясь от Ивана, злобно добавила, – Достало уже всё!

Последнее выражение изумило Ивана. До сих пор он видел в своей кавказской симпатии существо покорное, нежное, тихое, ранимое – и вдруг в ней проглянула взрывная, решительная горская суть. Он будто второе дно открыл в хорошо известной ему шкатулке. Это его неприятно поразило. Он немного сник, понимая, что приписывал Ясмине не совсем понятую им роль. У неё не такой уж простой нрав, уж точно она не безмолвно покорна. При других обстоятельствах она может проявить беспощадную

твёрдость и прямоту. Иван взглянул в лицо Ясмине – сейчас его выражение было жёстким, глаза потемнели.

Он повёл машину. Сначала они молчали, оба успокаиваясь, не глядя друг на друга. Наконец Ваня сказал:

– Ну, рассказывай, чего пряталась от меня? И вообще… А то ведь от посторонних людей узнаю новости про тебя.

– Какие новости? – Иван ей не ответил, а она, подождав, продолжила. – Я не от тебя пряталась. Хотя нет, от тебя тоже. Просто, не надо так…

– Как?

– Открыто, при всех. И так уже про нас говорят.

– Что говорят?

– Слушай! Что, ты не понимаешь, что за мной могут приехать и увезти домой? Даже документы из универа не смогу забрать. В один день! Я же не русская, чтобы гулять со всяким у всех на виду.

– Со всяким?

– Эй, ты понимаешь меня! Зачем придираешься к словам? – как и в прошлое свидание, её северокавказское произношение стало более отчётливым. – А если меня украдут, а? Потом скажут, что я уже испорченная была, потому что с русским гуляла, и выгонят меня? А? Кому я тогда нужна буду? Меня домой даже не пустят. Думаешь, разбираться будут?

– Кто украдёт?

– Любой! Может и дурак Мага. Даже тот, который ко мне свататься хотел. Или его друзья. Чтобы отомстить за то, что я не захотела с ним обручаться. Что, не знаешь, как на Кавказе девушек воруют? Затащат в машину и всё!

– Блин, я не заморачивался на эту тему.

– А ты заморочься. Думаешь, я обманываю, себе цену поднимаю? Ай! кому я говорю?..

Иван был потрясён, в очередной раз на дню. Он и вправду не предполагал такого развития событий, и в этот момент по-настоящему испугался за Ясмину. И пожалел её. До него дошло, под каким нервным напряжением находилась в последнее время эта девушка. Выдержав паузу, он спросил:

– Что там за сватовство? Почему ты мне ничего не сказала?

– Зачем? Что ты сделал бы? Это моё дело, – Иван взглянул на Ясмину с неприятием, и она сказала, смягчив тон. – Тебе зачем? Это внутри нашей семьи. И не сватался он. Просто, хотел узнать, что я думаю про него.

– Я его знаю? Где он сейчас?

– Нет. Не знаешь. Откуда? Он в больнице лежит, попал в аварию. Сам виноват. Их трое было, но он больше всех ранен.

Иван собирался с мыслями. Минута прошла в тишине. Он лишь переключил радио с «Бест ФМ» на «Релакс».

– А как ты? – спросила Ясмина. – Диплом готов?

– Готов. На следующей неделе защита.

– Боишься?

– Нет… так, лёгкий мандраж есть… Я свой предмет знаю.

– Молодец.

– Гордишься мной? – улыбнулся Ваня, игриво посмотрев на девушку.

Ясмина взглянула на него и улыбнулась в ответ. Однако оба быстро посерьёзнели. Через некоторое время Иван задал вопрос своей спутнице:

– Ты завтра свободна?

– Нет. Утром нет. Завтра у меня физкультура в трёхзальном корпусе, а потом «иностранный». После часа, наверное, буду свободна.

– Тогда, я приглашаю тебя к нам. Познакомишься с моей семьёй.

Ясмина смутилась. Приглашение было неожиданно для неё. Она несколько раз коротко взглянула на Ваню, и произнесла:

– Не знаю… не знаю даже.

– Я бы пригласил и кого-то из твоих родственников или подруг, но, полагаю, ты не согласишься.

– Да уж, – ухмыльнулась девушка, а потом спросила. – Не знаю, как мне уйти? Что придумать? А далеко до вашего дома?

– Если на метро, то за час доберёшься, наверное. Может быть, чуть больше. Включая несколько остановок на автобусе. Я могу за тобой приехать. Могу приехать за тобой, а потом отвезти обратно.

Он взглянул на девушку и добавил шутя:

– Если конечно ты не выразишь желание остаться у нас навсегда.

Ясмина посмотрела на Ивана и грустно улыбнулась.

Она задумалась и молчала. Иван не спешил заговорить. Ему было понятно её затруднение. Но Ясмина прервала молчание неожиданным для него вопросом:

– Скажи, а русскую девушку ты так быстро, почти без свиданий, пригласил бы познакомиться со своими родителями?

Что мог сказать Иван? Ответить искренне у него язык не поворачивался. А даргиночка правильно

поняла затянувшуюся тишину и озабоченность, выступившую на лице русского парня:

– Что же вы своих девушек не уважаете так?

Иван довёз Ясмину до её дома, они попрощались. Она обещала придумать причину для отлучки, чтобы отговориться перед родными, и сказала, что позвонит завтра, ближе к середине дня. Уже оставшись в одиночестве, на пути к дому, он вспомнил, что в суматохе первой половины дня не купил цветов для своей симпатии. Но, кажется, она не обратила на это внимания. И на вопрос «почему она пряталась от него?» Иван вскоре нашёл ответ: она не хочет расстаться с ним навсегда. Ведь раскроется их связь раньше времени – и заберут её родители. Или случится что-то другое, ещё хуже. А так, сохраняя тайну, у них есть шанс развить свои отношения и довести их до свадьбы. К такому выводу пришёл Иван. И не хотел думать ни о каких иных толкованиях. Например, что Ясмина боится позора из-за связи с ним. Или хочет продолжить образование и остаться в Москве, а связь с «ванюшей» может помешать этому. Нет, ничего такого Иван решительно не желал предполагать. Не приходило ему такое на ум.

ГЛАВА ПЯТАЯ, КОРОТКАЯ И ТРАГИЧЕСКАЯ

«Жизнь – не те дни, что прошли,
а те – что запомнились»
Г. Г. Маркес.

Перед тем как заглянуть в следующий день, имеет смысл сказать несколько слов об окончании пятницы. По-прежнему в окружении Ясмины поминались недавние события так или иначе связанные с ней. Правда, теперь уже не было обсуждений. Просто тётя Роза сообщала, что звонила такая-то родственница или товарка, мол, спрашивала, интересовалась и так далее. Но отношение тёти Розы к Ясмине поменялось. Это случилось после того как мать Наиба сначала сказала обидные слова о Ясмине, а потом и вовсе перестала разговаривать с Халидой, и Халида рассказала об этом Розе. Да, после этого тётя Роза встала на сторону своей юной родственницы и теперь, судача с другими женщинами о случившемся, почти всегда говорила о Ясмине: «Бедная девушка, так страдает». Так и должны поступать порядочные родственники – в своём кругу иметь смелость высказать собственное несогласие, а перед чужаками, в случае несправедливости с их стороны, вставать на защиту чести рода. Разве не так, мой досточтимый читатель?

Страдания Ясмины – факт бесспорный. Но эти страдания были на самом деле более разноплановыми, нежели их представляла тётя Роза. Например, в пятницу вечером Ясмина совсем не думала о том, что в Калуге, в лучшей больнице города, лежит красавчик, который попал в это лечебное учреждение из-за собственной глупости и понтов своего товарища. О нет, она была во власти других мыслей. Иван поцеловал ей руку.

Когда автомобиль остановился недалеко от дома дяди Алифа, и Ясмина собиралась выпорхнуть из его салона, сказав лишь «спасибо», – будущий защитник диплома проворно взял её руку, поднёс к губам и… Без

разрешения, без огласки намерений, без предупреждения – просто… взял и чмокнул ручку. Хорошо, хоть без специфического звука. Тихо-о-онько так… Ясмина сконфузилась непомерно, спросила: «Зачем?», и через секунду оказалась уже на тротуаре: распаренная, с зардевшим лицом, словно из бани только что выпрыгнула, а не из машины. После этого она минут пять топталась перед подъездом, успокаивая чувства, а зайдя в квартиру, метнулась в туалет. Просидела там ещё минут десять, дважды спустив воду. После этого можно было покидать туалет с любым лицом – вопросы теперь касались бы только её здоровья.

В следующие несколько часов она была возбуждена, оттого игрива и разговорчива. Позвонила матери и сестре в Махачкалу, обзвонила нескольких подруг, похулиганила немного с троюродными сёстрами и братом, за что получили грозный рык от дяди Алифа и вслед за этим выговор от тёти Розы. Ко сну она успокоилась, но сон долго не приходил. Она лежала и думала о гигиене. Вот как у них, у русских, у прочих христиан и безбожников, европейцев там всяких? Ведь они не обрезаны. Это так уродливо и нечистоплотно. Они не моют руки, сходив в туалет. Трогают там… и не моют! Животные! Грязные животные! В Коране и в хадисах чётко написано, как соблюдать чистоту тела. Этому учат детей с детства. Омовение (не ритуальное, а настоящее) – обязательно. А эти даже не подмываются. Она вспоминала рассказы некоторых подруг, слышанные ими от парней, что все эти неверные, даже их женщины, с виду ухоженные, имеют очень дурной запах в определённых местах, что они нечисты. У них там постоянный запах испражнений. Ясмина так живо это представила, что

её сильно затошнило. Она резко села на кровати, готовая броситься в туалет, и тошнота отошла. Снова легла, но мысли продолжали крутиться вокруг мест, скрытых одеждой. Ведь Иван тоже из этих, нечистых! И он касался её руки! Он тоже не моет руки после того, как сходит в туалет? Какая мерзость! Не разделяет правую и левую руки? Не может быть! Он другой. Надо у него спросить. Осторожно спросить. А как же его семья? Идти к ним в гости и есть то, что они наготовили этими руками? Впрочем, женщины у них немного чистоплотнее. Руки хотя бы моют. Только руки, наверное.

Утром Ясмина поняла, что больна. В горле поселился обжигающий комок, в теле слабость и озноб. Она готова была пойти в гости к Ивану, чтобы познакомиться с его семьёй, и уже подготовила отговорку для родных, но хворь её одолевала всё сильнее час от часу. И она решила отложить гостевой вояж. Позвонила ему после занятий и сказала:

– Привет. Это я.

– Привет, я уже сам хотел позвонить.

– Да?

– Ага. Как ты? Что скажешь? Что у тебя с голосом?

– Я заболела. Температура. Не смогу приехать.

– Серьёзно? Когда же ты успела? Вчера вроде в норме была.

– Ты, наверное, заразил.

– ?..

– Я шучу.

– Если шутишь, значит, есть надежда на излечение. Я тоже, кстати, шучу.

– Угу.

– Слушай, а мать с бабулей уже торт пекут и оладьи. Я ещё вчера мяса купил, баранины, для шашлыка. Или ты не ешь мясо?

– Ем.

– А может приехать за тобой, а?

– Не… я кашляю. Горло болит и голова. Я честно говорю, болею.

– Нет, ну я верю. По голосу понятно. Как же это тебя? Может, из-за нервов?

– Наверное. Не знаю… заболела…

– Прими лекарство какое-нибудь. А то мало ли…

– Приму.

– Жалко, что меня нет рядом…

– Ладно, я больше не могу говорить с тобой.

– Ты не одна? Ты где?

– Здесь подруги… Я пошла. Всё.

– Ясмина, выздоравливай.

– Спасибо.

– Я позвоню. Ладно?

– Пока.

– Выздоравливай.

Она нажала «отбой».

Вечером Ясмина умерла.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, ПРОСТИТЕЛЬНАЯ

«…На ладонях сотни линий,
Только главная — одна.
Там, на небе, синем - синем,
Прерывается она»

Нармина Мамедзаде, «Там, на небе, синем-синем…».

Я знаю, что скажут поборники религиозной морали. Они скажут: «Всевышний покарал эту заблудшую овцу и забрал её к себе для того, чтобы она окончательно не сгубила душу. В этом Его мудрость и милость. Аддув совратил её с истинного пути, но не смог довести своё злодеяние до конца (как с Евой), потому что восторжествовала высшая справедливость! Всемогущий не только убил эту блудницу, но ещё избавил наше общество от нечистых намерений повелителя шайтанов». С этим невозможно спорить. Ибо, праведно толкующие знаки неба – оглашают истину.

Знаю, что скажут либералы, поборники западной морали. Они скажут, что несчастная девушка умерла от безысходности. Иссохла, сгорела как спичка, ввиду неразрешимого столкновения её внутренней свободы с жестокой моралью толпы, стада. В общем, да здравствует свобода личности! Отдельной личности! Я прекрасно понимаю, что лучше с этими людьми согласиться, так как они являются основными спонсорами всемирного прогресса и хозяевами общечеловеческих ценностей. Им лучше не перечить открыто – сгнобят.

Ещё лучше (хотя, если подумать, куда ещё лучше-то?!) я знаю, что напишут знатоки литературы. Они возмутятся: «Какая банальность! Какое бездарное окончание вроде бы недурного сюжета. Аффтар, выпей йаду, и на пути в небытие попробуй догнать своего потерянного персонажа. А читателя ты потерял навсегда». Что на это ответить?.. Где там мой «йад»?

Всё так, всё так...

Но меня волнует мнение другой общности – общности благодарных читателей. И у меня вина перед этой общностью. Уверен, что многие мои

драгоценные и самые лучшие читатели успели проникнуться симпатией к Ясминочке и Ване, и интересом к их истории. Именно перед вами я виноват. Бесценные мои! Я ведь пошутил… Глупо! Злобно! Пошло! В погоне за остротой переживаний. Простите меня. Жива Ясминочка, миленькая наша девочка, ласточка наша. И будет сто лет жить, после этого. Виноват я. Зашутился. Кто-то говорит, что не заметил пока шуток? Ну, это вы со зла. Простите меня, читатель. Хотя я некоторое время назад предупреждал, что история Ясмины и Ивана продолжается и в настоящее время.

Приболела она. С кашлем, с температурой, с… как бы это сказать?.. с выделениями из носа, – но не смертельно. И в воскресение, когда ей позвонил Иван, она тоже была больна, лежала в постели, дома. Рядом в том момент никого не оказалось, но разговор продлился у виртуальной пары не долго. Осипшим голосом Ясминочка перечислила уже описанные выше симптомы, а Ваня страдальческим тоном советовал ей лечиться и выздоравливать. На том и порешили.

В понедельник хворая (но по-прежнему прекрасная) махачкалинка получила медицинскую справку и освобождение от занятий на три дня. В пять вечера ей позвонил Иван, чтобы сообщить об успешной защите диплома. Весьма официозно он поведал о том, что менее часа назад закончилось закрытое заседание ГЭК, председатель комиссии сообщил о своём решении… и так далее. В общем, одипломленный выпускник Иван был счастлив и желал поделиться своим счастьем с самой желанной, с самой умной, с самой красивой, с самой чистой, с самой нежной, с самой честной, с самой драгоценной, с

самой милой, с самой самой-самой… девушкой мира. Вот!

А между тем, эта «самая-самая» девушка невольно поделилась со своими родственниками микробами. Сначала затемпературила и закашляла младшая дочь Алифа и Розы, следом старшая, потом сама Роза. В субботу стал чихать и сморкаться троюродный брат Ясмины. Только главе семейства, Алифу, было хоть бы хны. Но семейная эпидемия, которую разожгла дочь Хромого Салима, позволила ей глотнуть свободы. Потому что с четверга за ней никто не приезжал в университет и Иван с радостью взвалил на себя эту обязанность. А в воскресение, когда Ясмине высмаркивать было уже почти нечего, она сказала родне, что едет на празднование Дня рождения сестры её подруги Ланы. Подругу попросила прикрыть её, не сообщая, правда, о своих намерениях. В четыре часа дня поехала она в гости. К Ивану!

За три предшествующих дня Иван и Ясмина сблизились. В субботу Ваня даже попытался обнять девушку и поцеловать её. Однако девушка весьма энергично уклонилась от столь близкого контакта. Она не была ещё готова к такому выражению чувств.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, ПОСВЯЩЁННАЯ ДОМУ И СЕМЬЕ

«На офицере, на солдатах и на их лошадях
был вид довольства и щегольства»
Л. Толстой, «Война и мир».

Метров за пятьсот до родительского дома Ивана, его машину, в которой с ним ехала Ясмина, догнала другая, очень сильно сблизилась, заморгала дальним светом, засигналила. Это был большой чёрный внедорожник. Иван чуть нажал на тормоз и улыбнулся. Внедорожник резко вывернул влево, газанул и поравнялся с доджем Ивана. Они ехали по дворовой территории; двухполосная дорога с обеих сторон была ограничена заборами частных владений и через каждые пятьдесят-семьдесят метров перекрывалась "лежачими полицейскими", так что скорость была не большая. Переднее боковое стекло догнавшего их автомобиля опустилось. За рулём чёрной машины сидел Володя, брат Ивана, а на соседнем сидении – его жена Вера. Родные поприветствовали друг друга и весело перекинулись несколькими словами. Поприветствовали и Ясмину. Володя с семьёй приехал к родителям около полудня, но оставив детей на пригляд бабушке с дедушкой, отлучились на полтора часа по каким-то собственным делам, и вот, теперь возвращались.

– Они меня так напугали, – произнесла Ясмина, когда Володя с супругой, прибавив скорость, обогнали додж.

– Да? – улыбающийся Ваня взглянул на свою пассажирку.

– Я думала, это мой дядя. У него такая же машина, похожая.

– Да, видел…

Подъехали к дому. Кирпичный забор метра в три высотой. От забора до проезжей части газон и несколько кругов камней, отделяющих цветочные возвышения от травяного поля. В середине каждого круга небольшой можжевеловый куст. Широкие

откатывающиеся ворота и большая железная калитка рядом с ними. Мостовая, от асфальтированной дороги к воротам выложена ровными рядами брусчатки.

Полотно ворот откатилось в сторону. На улицу выбежал сеттер ирландской породы. Подбежал к одной машине, потом к другой, а вслед за этим метнулся обнюхивать и метить округу. Володина машина въехала во двор. Площадка во дворе, за воротами, также была вымощена серой брусчаткой. Иван подал свою машину вперёд. Теперь Ясмина могла рассмотреть дом, видимый ею с улицы лишь частично из-за высокой ограды и полувековых елей, росших во дворе.

Дом двухэтажный, с высоким цоколем и мансардой, с двумя печными трубами из жёлтого камня. Стены из кирпича, но частью покрытые штукатуркой и покрашенные в зелёный и бежевый цвета. Крыша тёмно-коричневая, из металлочерепицы. На втором этаже той стороны дома, что смотрела на ворота и улицу, два небольших балкона, отделённых эркером. Центральный вход в дом имел широкую лестницу и четыре витых колонны. Ясмина почему-то сразу представила на этой лестнице невесту в пышном белом платье, которую жених ведёт в дом. Между тем, из дома выбежали два ребёнка, один совсем маленький, годов трёх с половиной, а другой лет пяти. Вслед за ними появились мужчина и женщина.

Иван завёл машину во двор. На площадке перед домом могло расположиться не менее пяти автомобилей. Справа от ворот имелся кирпичный гараж. Напротив другое небольшое кирпичное строение – склад или мастерская. Брусчатая мостовая шла вдоль дома, полосой метра в четыре, вглубь участка метров на пятьдесят. От неё отходило

несколько узких дорожек. Ближняя дорожка вела к срубу из оцилиндрованных и покрытых тёмным лаком брёвен. Видимо, это была баня. От дома до неё было шагов сорок. Вокруг росли берёзы и ели. Более никаких строений не имелось, а всё пространство, видимое от ворот, было заполнено деревьями, среди которых преобладали ели, но росло и несколько клёнов, сосен и берёз. По дороге сюда, Иван рассказал Ясмине, что прежде тут были государственные дачи, и их семейное поместье расположилось на двух участках, ранее принадлежавших учёным-ракетчикам.

Вышли из автомобиля. Ясмина жутко стеснялась. Первым с ней познакомился Володя: назвался, спросил её имя, пожал руку. И тут же подошёл к Ивану и стал весело говорить о чём-то. Вера подошла к малышам – это были её дети. Ясмина стояла поодаль от всех, за машиной, и не решалась приблизиться даже к Ивану. Ещё минуту – и она угнала бы привёзший её сюда автомобиль, только вырваться бы отсюда и из тисков страха и неловкости. Однако, мужчина и женщина (конечно же, это были родители Ивана), уже подошли к сыновьям, и Ваня, наконец, прервав речь брата, позвал: «Ясмина! Иди сюда» – и сам кинулся к ней. Ноги Ясмины в эти секунды весили больше центнера, каждая. Но Иван взял её под руку, и она тут же почувствовала, как её ножки сбросили пуда по два. Шагнула вперёд, но получилось, что шагнула в сторону и приблизилась к Ивану. Сделала второй шаг – и снова отклонилась от расчётной траектории! Никогда она не была так близко к юноше, почти прижалась к нему. Иван это заметил и правой рукой легонько пожал пальчики на руке Ясмины. Теперь они вместе сделали два шага и остановились. Родители стояли перед ними. «Вот… Ясмина. Знакомьтесь», – сказал Иван, гордый

собой, повернув голову к девушке. Ясмина прятала лицо за букетом цветов. В букете было семь крупных ярко-алых роз и множество веток аспарагуса. Аспарагус щекотал её лоб и переносицу, она отклоняла голову, но не назад, а в сторону Ивана. Сейчас он был для неё самым знакомым и близким человеком. А она не могла не очаровать всех, кто её сейчас видел. А видели лишь её глаза – чёрные отсвечивающие серебром полыньи в двух сверкающих заснеженных белых озёрах. И густые чёрные брови: красивые, как на фотоснимках юной Анны Нетребко. Кстати, некоторые считают, что Ясмина и прочими чертами лица сильно напоминает великую оперную певицу.

– Светлана Николаевна, – назвалась белокурая, сравнительно высокая и безупречно одетая женщина.

– Моя мама, – подсказал Иван. – Хозяйка этого дома.

– Очень рада, – продолжала Светлана Николаевна. – Какое красивое у тебя имя. Прямо сказочное.

– А это батя, – сказал Иван, простирая руку в сторону отца.

– Андрей Михайлович, – представился мужчина. С виду крепкий, без явного избытка веса, ростом чуть ниже Ивана, с широким лбом, скуластый.

– Устроитель всего, что ты здесь видишь, – добавил Иван.

– Приятно видеть прекрасную девушку рядом с Ваней, а ещё приятнее видеть вас вместе в нашем доме, – Андрей Михайлович протянул руку Ясмине для приветствия.

При словах «рядом с Ваней» Ясмина чуть отстранилась, отшагнула от юноши. Опустив букет к

груди она протянула руку навстречу руке Андрея Михайловича, и тот мягко пожал её.

Подошла и Вера. Представили Веру и двух её мальчишек – Андрюшку и младшего, Виталика.

Ясмина тут же взяла Виталика за руки, присела, что-то спрашивала его, он отвечал, улыбался и норовил потрепать букет. Ясмина поднялась, продолжая одной рукой держать малыша, который стал подметать цветами мостовую. Все смеялись, перешучивались. Ясмина была сейчас раскрепощена куда сильнее, чем минуту назад. Вместе с именами родителей Ивана, она забыла и о самом Иване. Рядом с ребёнком в ней пробудился не только материнский инстинкт, но и семьялюбивый нрав кавказской девушки. Жизнь кавказской женщины невозможно представить без детей. Какая бы она не была раскрасавица и «эмансипе», а дети для неё важнее всего. И любая юная кавкаженка, не стыдясь своих чувств и действий, будет ласкать и нянчить всякого малыша, и будет счастлива в эти минуты, и будет сильнее и храбрее всего мира. Воспитание обществом традиционной морали, однако.

Направились в дом. В небольшой прихожей Ясмина, вместе с другими, разулась, и Ванина мама дала ей чувяки. Потом прошли в широкий коридор. Тут Ясмина сняла куртку, которую Иван сразу повесил в многодверный шкаф-купе. Ясмина осталась в синих джинсах и белой блузке навыпуск, без выреза и с вышивкой на воротнике; поверх блузки была надета не застёгнутая бежевая кофта с V-образным вырезом. Густые тёмные волосы Ясмины были скреплены в элегантную причёску жемчужным ободком. Вера повела детей в детскую комнату, Володя с отцом пошёл в гостиную. С кухни в коридор заглянула Ванина

бабушка. Ясмину представили ей. Бабушку звали Софья Леонидовна или, как она сама назвалась Ясмине, – баба Соня. С ней была сестра Вероника Леонидовна, гостившая в доме около недели. Со второго этажа спустилась Ванина сестра, Дарья – на год старше Ясмины. С ней была подруга Нина, осетинка по народности. Познакомились.

Светлана Николаевна предложила Ивану показать дом своей гостье, после чего старшие женщины пошли на кухню, заканчивать приготовления к обеду. Иван, Ясмина, Даша и Нина отправились на прогулку по дому и двору.

Начали осмотр с кухни, поэтому последовали вслед за бабушками и мамой Ивана. Большая кухня примыкала к столовой – их разделял полустенок с широким проходом. Тут молодёжь задержалась на несколько минут, чтобы поговорить с бабушками. В числе прочего Ясмина узнала, что обычно тут хозяйничает домработница, и по совместительству повар, Клавдия Васильевна, но сейчас она в коротком отпуске, так как энергии двух бабуль хватает, чтобы обслужить домочадцев и гостей. Хозяйка поведала так же, что семья трапезничает в столовой, но в особых случаях накрывают стол в гостиной. Сегодня обед будет в гостиной. Ясмина предложила свою помощь, хотя бы в мытье посуды или разделке овощей, но женщины настойчиво посоветовали ей продолжить ознакомление с поместьем. И четвёрка молодых людей продолжила экскурсию.

На первом этаже располагалась гостиная с камином. Сейчас посреди гостиной стоял большой стол, из тёмного дерева, лакированный, с фигурными ножками. Обыкновенно же, как пояснили хозяева, стол размещался возле стены с большими окнами,

напротив камина, а в середине помещения находился диван, кресла и небольшой стеклянный столик. Теперь эти предметы стояли возле оконной стены. Окна тут были занавешены красивыми голубоватыми гардинами, а с массивных карнизов свешивались атласные золотистые шторы и бардовые ламбрекены с кистями. Вообще, в гостиной веяло роскошью. Ясмине впервые пришлось бывать в такой богатой обстановке (но без излишеств, без перегиба). Казалось, что эта большая комната из другого времени, ещё из того, когда для освещения использовались свечи. Действительно, тут не было признаков настоящего – ни акустической системы, ни большого телевизора, даже светильники на стенах были сделаны в виде канделябров, и шикарная хрустальная люстра под высоким потолком почти полностью скрывала в своём блестящем теле источники электрического света. Освещение тут было мягким, приглушённым.

Семья Ясмины тоже жила в двухэтажном каменном доме, и семья была не бедной, но эта гостиная её впечатлила. В Дагестане, как и в прочих землях Кавказа, собственный каменный дом не является признаком особого статуса и большого достатка. Скорее, он говорит о крепости хозяина, о самостоятельности семьи. Сейчас, правда, положение меняется, и можно видеть настоящие дворцы, с бассейном, с прудом, с садом, а в самих хоромах тоже много дорогих предметов. Но в целом, кавказский дом остаётся крепостью семьи, родовым гнездом. И в этих домах более ценят человеческий дух, нежели обстановку. Поэтому в тех вотчинах, к которым была привычна Ясмина, не было линкруста и текстильных обоев, антикварных столиков, отделанных мрамором каминов. Можно увидеть большой телевизор, ковры

ручной работы, порою сотканные на заказ, не редки живописные полотна, с портретами или родными пейзажами. Комнаты полупусты, не блещут отделкой, потолки довольно низки. В них всё подчинено необходимости, будничным нуждам. Оттого Ясмина в этой гостиной почувствовала отточенный веками культурный вкус иной цивилизации, высшую эстетику иных традиций.

Так же на первом этаже было два подсобных помещения и санузел. Ещё имелась одна комната для обслуги. Поднялись на второй этаж. Тут тоже была своего рода гостиная – зал с камином, но из него в другие помещения вели несколько дверей и коридоров. В зале имелся домашний кинотеатр, диван, два кресла и несколько пуфиков. На стенах висели яркие, выразительные картины. Все они принадлежали кисти одного художника. Даша назвала его имя – Татьяна Дерий. Разговорились, и выяснилось, что Даша учится живописи в Суриковском училище. Нина учится вместе с ней. Сама Нина поведала, что её отец учёный-этнолог и лингвист, а её мать культуролог и ведёт лекции в коммерческом ВУЗе. Ясмина спросила, почему тут нет Дашиных картин и можно ли на них посмотреть, и та ответила, что пока рано украшать её работами дома, но на картины можно поглядеть, и скоро они до них дойдут.

Пошли дальше. Гардероб, комната родителей с уборной и душевой, комната для гостей. Далее была Дашина мастерская: большая, светлая комната. Стол, табурет, мольберты, холсты, рамки, краски... Особого порядка здесь не было, но чистота присутствовала. Тут задержались минут на десять. Следующей была Дашина комната, небольшая, но украшенная картинами, лепкой, мягкими игрушками,

композициями из полевых трав и цветов. Далее следовала ещё одна гостевая. В ней сейчас проживали бабушки. После гостевой – санузел, с ванной и туалетом. Следом располагались две детские комнаты: девичья и мальчиковая. И вот эти две комнаты также впечатлили Ясмину, и особенно тем, что они были отделены. Девичья была в зеленовато-жёлтых тонах, с натяжным голубым потолком. Одна стена была сплошной рисовальной доской, и на ней были рисунки и надписи. Из мебели здесь были только два небольших табурета. Конечно же, здесь имелось множество мягких игрушек, кукол, кукольных домиков, логических игр и прочего. В мальчиковой имелся столик и четыре детских стула. Один угол был занят спортивными снарядами: турник, лестница, канат, брусья. На части стены закреплены полки. На полках коробки с конструкторскими наборами, игрушечные машины, оружие, солдатики. Правда, игрушек было не особо много. Как объяснил Иван, почти всё, что на полках, являлось подарками гостей и родственников.

Поднялись на мансарду. Тут располагалась комната Ивана, когда-то разделяемая с братом. Далее шли гостевая, кабинет и бильярдная. Одна комната не имела определённого назначения, но в ней имелся шкаф, кровать, стол, телевизор. Наконец, на мансарде имелись также душевая и туалет.

Таким образом, молодые люди обошли дом, после чего спустились во двор. По пути Ясмина заскочила на минутку в туалет, к своему удивлению на рукомойнице обнаружила кран, который включался, когда к нему подносили руки.

На улице было пасмурно, временами шёл моросящий дождь. Справа от входа в дом, под навесом, дымился мангал – Андрей Михайлович

готовил шашлык, Володя ему помогал, а рядом с ними играли два малыша, вовлекая в свою игру сеттера Бильбо. Когда экскурсанты вышли из дома малыши кинулись к ним, и в первую очередь, к Ясмине, делясь с ней очередными удивительными открытиями. Побыли тут немного, поговорили. Андрей Михайлович задал несколько вопросов дагестанской гостье, касающихся приготовления мяса для шашлыка, сказал, что отдаёт предпочтение баранине, хотя часто жарит свинину для гостей, а несколько раз готовил и оленину.

В хозяйственной постройке, называемой сараем, располагалось три помещения: спортивная комната с силовыми тренажёрами и боксёрским манекеном, кладовая с различным инструментом и маленький закуток под названием «ненужный склад», размером напоминающий обычную ванную комнату – здесь обрели покой вещи, которые было жалко выбрасывать, но и в доме им места не нашлось.

В гараже имелось место для двух машин. Ещё тут стояли и висели на стене велосипеды. К гаражу была пристроена крошечная слесарно-столярная мастерская с двумя верстаками.

Дошли до бани. Но только дошли. Иван хотя и парился время от времени, но серьёзно баней не увлекался, а девушек и вовсе банное мытьё не интересовало (эх! незамужние да неопытные – без понятия ещё). Ваня открыл лишь дверь, Ясмина глянула в проём, даже не заходя на порог, после чего все направились в сторону дома. Да!.. Ещё рядом с баней был вольер, а в нём кавказская овчарка – кабель Рык, на длинной цепи. На ночь Рыка выпускали из вольера сторожить участок. Подойдя к дому, повернули направо. Тут к стене примыкала веранда, на неё был выход из столовой. Как пояснила Даша, в

тёплое время семья тут обедает или пьёт чай. За углом строения открылся цветник – окна гостиной выходили на него. Но сезон цветов только приближался, раскрывались лишь первые почки, расправлялись первые лепестки.

Знакомство с поместьем закончилось. Остальную, большую, часть участка занимали деревья. Сейчас в их кронах кипела весенняя шумная жизнь птичьего народа.

Ясмине было интересно, но она была рассеяна, так как её не покидало беспокойство. Беспокоилась она о времени, которого ей оставалось не много, до того момента, когда надо будет уезжать отсюда.

Потом ребята возвратились в дом. Иван задержался во дворе – его подозвал отец, а девушки пошли на кухню. Они с бабушками и Светланой Николаевной стали переносить блюда и столовые принадлежности из кухни в гостиную. Наконец, минут через тридцать, все собрались за накрытым столом.

Ясмина сидела рядом с Иваном и Ниной, напротив Ваниной мамы. Она вроде бы уже освоилась, но за столом опять почувствовала себя неловко, как бы отделённой от других. Особенно, когда ей сказали, что свинины на столе нет, («разве только вон в той колбаске»), пусть она об этом не беспокоится. В голову опять полезли мысли о том, какими руками всё это приготовлено – чистыми ли? чистыми ли руками посуду трогали? и прочее, прочее… В какое-то мгновение ей стало совсем не по себе. Последствия воспитания девушки из мусульманской семьи, попавшей в окружение иноверцев. Однако обстановка и способность делать выводы из собственных наблюдений быстро погасили отторжение к еде и к

этим людям, хотя лёгкая неловкость всё же оставались. Скорее, от стыда из-за собственных мыслей.

Подозреваю, что моего читателя заинтересует перечень блюд на столе. О, сей момент, автор предоставит сведения о меню.

На первое были щи. Рецепт? Да какой там рецепт?! Щи вкусные – и всё! Рецепт у каждой хозяюшки свой. А коли в доме званых гостей щами не угощают, то значит хозяева не русские люди – выветрился из них русский дух, или не было его изначально (значит, из иного народа хозяева). Была сметана в плошке, а в сметане ложка – это для тех, кто благородный вкус древнего русского супа желает разнообразить жирным молочным продуктом. Выбор вторых блюд был богаче. Картошка жареная с шампиньонами; вермишель короткая с томатной пастой, сладким перцем и обжаренным чесноком; картофельное пюре с добавлением молока, а к нему котлеты говяжьи; ну и конечно шашлык – шашлык из мяса полугодовалого барашка; сёмга запечённая на углях. Также, на столе имелись оладьи из простокваши, колбаска «докторская» микояновская, колбаска «пикантная» без свинины известной Самарской фабрики, привезённая Вероникой Леонидовной, салями от «Мясного ряда», сыр «российский» и брынза сербская. Была капуста квашеная с морковью, которую с великим аппетитом употребляли бабули. И был ещё один салат – из свежих овощей с зеленью. Автор считает своим долгом, сделать замечание по этому блюду.

Ничего особенного: помидоры красные, налитые и огурцы – примерно поровну тех и других, но можно огурцов положить поменьше, например, в пропорции четыре к пяти, чтобы салат был сочным; немного

красного болгарского перца (совсем немного или вовсе без него); лук репчатый, с золотистой кожурой, нарезанный поровну мелкими дольками и кольцами; кинза, укроп. Всё это кладётся в посуду, суживающуюся книзу, поливается слегка подсолнечным маслом и перемешивается. Подать такой салат сразу, значит испортить настроение гурманам, если таковые за столом найдутся. Это блюдо должно час-два выстояться, пустить сок. Можно его остудить, но только слегка. Посолить перед подачей и перемешать. И вот какое замечание… В этот салат можно добавить сыр. Какой-нибудь солоноватый, скажем, «Российский», нарезанный мелкими долями. Даже если положить не много сыра, то вкус, уверяю вас, получится весьма своеобразный. Усиления этого своеобразия можно добиться, например, уменьшив количества лука. Вот так…

Само собой разумеется, некоторых – да! не побоюсь этого слова – некоторых моих читателей разбирает живое экзистенциальное любопытство: какие спиртные напитки находились на столе? Автор удовлетворит ваше любопытство. Тут, молодым людям советую перейти сразу к следующему абзацу, а немолодым и потрёпанным жизнью наливаю… (простите!) докладываю: две бутылки крымских крепких красных вин «Чёрный полковник» и «Чёрный доктор», бутылка французского красного сухого «Жерар Депардье» и бутылка испанского вермута. Выпивали Андрей Михайлович и Володя, старшие женщины распили не более чем по бокалу, а молодёжь, в том числе и Ясмина, лишь пригубила «депардье» из интереса.

Разговор поначалу касался еды, семейных дел, малышей Володи и Веры, ещё чего-то такого, а потом

дошла очередь до Ясмины. Спросили её о родителях, о семье, об их доме, чем заняты члены семьи, о прочих родственниках. Дошли до её учёбы, до диплома Ивана… тут в разговор были вовлечены все. Вот уже двое-трое говорили одновременно, имея каждый своего слушателя.

Даша спросила:

– А твоё имя так и произносится «Ясмина» на вашем языке, с ударением на втором слоге?

– Почти. Нет… По настоящему и в паспорте по-другому. Как бы два ударения, и «т» в конце пишется. Но так мало кто говорит. Бабушка, например, мамина мама, так говорит. Почти все называют по-русски.

– Ммм… – кивнула Даша понимающе. – Я спросила потому, что у меня есть подружка, тоже из Дагестана, так вот, её зовут Амина, а по паспорту она Аминат, и ударение на последнем слоге.

– Да, – согласилась Ясмина, – то же самое. Но по разному в паспорт пишут и называют.

– А мне очень нравится твоё имя, – сказала Светлана Николаевна, которая прислушалась к разговору девушек. – Сказочное, как я уже говорила. Очень, очень нравится. Я хотела бы, чтобы у меня была ещё одна дочка или внучка с таким именем.

Ясмина улыбалась, застенчиво опустив глаза.

–А как зовут твою младшую сестричку? – спросила Светлана Николаевна.

– Зарина.

– Тоже очень красивое имя. Зарина, – сказала она, растягивая звуки.

– А мою тётю, у которой я живу, зовут Розой.

– Замечательно. Женские имена у вас красивые.

В этот момент у Ясмины зазвонил телефон. Её вызывала троюродная сестра Забия, наверное, по

инициативе только что помянутой тёти Розы. Ясмине, по сути, нечего было ответить на вопросы кузины, поэтому она постаралась скорее окончить разговор. Тем более, Забия говорила на даргинском языке, и упорно не хотела сменить язык, хотя Ясмина отвечала ей на русском. Это подтверждало, что тётя Роза рядом с ней, потому что тётя настойчиво требовала от домашних общаться в собственном кругу на родном языке. Алиф, наоборот, поощрял общение на русском, но Роза, заслышав в семье русскую речь, часто показательно вклинивалась в разговор, говоря исключительно на даргинском. Сейчас Ясмина была сильно смущена. Ей показалось неуместным говорить в этой компании на непонятном для всех языке. Мало ли что они могут подумать? Да и что отвечать кузине? Отпрашиваясь из дому, она плохо представляла, что будет потом рассказывать о выдуманном ею Дне рождения, но была уверена, что выкрутится. Теперь этой уверенности у неё сильно поубавилось, настроение после звонка стало тревожным.

Вскоре застолье перешло в стадию чаепития. Ясмина помогла хозяевам убрать со стола первые блюда и принести из кухни чайные приборы и сладости. Только разлили по чашкам заварной напиток, как приехал брат Андрея Михайловича, Валентин, с семьёй – жена Маша, сын-старшеклассник Олег и дочери, Валя и Люба. Их ждали чуть раньше, но теперь хозяева быстро принесли для опоздавших шашлык, салаты и прочее. Валентин занимал высокую должность на предприятии Андрея Михайловича. Одной из его дочерей было шесть лет, а другой двенадцать. На некоторое время всеобщее внимание перешло на новоприбывших, а они, перекусив, присоединились к чаепитию. Закончив с чаем, народ

стал разбиваться на кружки по интересам. Правда, перед этим Ясмина с женщинами убирала посуду со стола. Светлана Николаевна ей шепнула: «Ясминочка, я хочу поговорить с тобой наедине. Можно?». Девушка улыбнулась и кивнула. И когда молодёжь направилась в гостиную на втором этаже, мама Ивана взяла её под локоть и, объявив остальным, что забирает дорогую гостью совсем ненадолго, повела в родительскую комнату.

Они остались наедине, сели на диван рядом, и Светлана Николаевна сказала:

– Ясмина, наш сын первый раз приводит девушку в семью. Честно сказать, неожиданно. Мы думали, через год или два это случится. Но мы все рады. И я очень рада. Ты очень понравилась нашей семье. Хотя, я не скрою, слишком неожиданно для нас, что Ваня выбрал тебя. Ты понимаешь, да? Мы не предполагали, что ему понравится девушка с Кавказа, из мусульманской семьи. Ну, и насколько я знаю, у вас это тоже редкость, так? Я об этом и собиралась сказать. Ваня много нам не рассказывает. Скажи, а твои родители знают о ваших отношениях?

– Нет, – еле слышно произнесла Ясмина, качая головой.

– А ты предполагаешь, как они прореагируют, когда ты им сообщишь?

Девушка не ответила, но она заметно сжалась, слегка отдалилась от своей взрослой собеседницы, глаза её потемнели. Светлана Николаевна заметила перемены в её облике.

– Золотце моё, я надеюсь, у тебя с Иваном ничего не было?.. ты понимаешь, о чём я говорю?

Ясмина опустила стыдливо лицо, покачала отрицательно головой и сказала:

– Ничего не было.

– Это хорошо. Ну и конечно, ни с кем другим, так?

– Нет, – ответила Ясмина, глянув на женщину исподлобья.

– Тогда тебе не стоит сильно волноваться. Ты умница. Я знаю, у вас с этим строго. Поэтому я тебе что скажу… Береги себя, свою честь. А то мало ли… Чужая душа потёмки, и не знаешь, как всё сложится завтра. Я ведь понимаю, да и все мы, что тебе будет очень непросто уговорить родителей. Правильно?

Ясмина опять кивнула. Светлана Николаевна продолжала говорить:

– Вот. Я понимаю, что Ваня тебе нравится, иначе ты не дружила бы с ним. У вас ведь законы строгие к женщине… Так что, если даст Бог, дойдёт у вас до создания семьи… хотя вы уже создаёте… то есть, если вы решите окончательно, то можешь рассчитывать на нас. Ты нам всем нравишься. Мы тебя поддержим. Надо, конечно, чтобы твои родители согласились с твоим выбором, и тут твоя роль главная, но и мы будем тебе помогать. Можешь рассчитывать на нашу семью. Вот это я хотела тебе сказать.

Они вышли из комнаты. Светлана Николаевна спустилась на первый этаж, а Ясмина прошла в гостиный зал. Иван поднялся с кресла навстречу Ясмине и пригласил её сесть. Она села на диван рядом с Валей и Любой. Через минуту сюда пришла Вера со своими детьми. Включили телевизор и запустили какой-то мультфильм. Дети быстро развеселились, стали бегать и кричать, отчего взрослые стали говорить громко и общая атмосфера оживилась. Иван подошёл к Ясмине, спросил, как она себя чувствует, и ещё о чём-то. Девушка отвечала негромко, коротко. Иван сел

рядом с ней. К ним подбежал Андрюша, рассказывая подробности много раз виденного мультика. Через секунду тут же был и маленький Виталик. Ясмина переключилась на детей, занялась ими, включилась в их забавы.

Примерно полчаса компания провела в гостиной. Порой кто-то выходил или заходил, вёлся разговор, звучал смех, детские возгласы. Опять позвонила Забия. Ясмина сказала ей, что уже собирается домой. Обратив внимание на выжидающий взгляд Ивана, она встала. Иван тоже поднялся и ожиданием смотрел на Ясмину. «Мне надо уходить. Там ждут меня», – услышал он. «Пойдём, попьём чаю, а потом поедем», – предложил Ваня. Но она отказалась. Они стали собираться.

Он вёз её домой. Спросил:

– Ну как тебе моя семья, и вообще?

– Мне все понравились. Было хорошо, – отвечала она, а на её лице и в голосе была грусть.

Иван поглядел на неё, помолчал немного и заметил:

– Но ты невесёлая. Почему. В чём дело? Поделись.

– Так… не знаю, что сказать?

– В мыслях-то что?

– Думаю, что тёте, говорить, сестре? Что придумать? Они же будут спрашивать, кто был, о чём говорили, что делали? – она помедлила несколько мгновений и добавила. – Не хочу врать.

– А они подруге не могли позвонить?

– Она бы мне перезвонила. Я ей говорила.

– Хорошо, что ты сказала, будто идёшь на День рождения сестры подруги, а не её самой.

– Я тоже так думала, а сейчас не знаю, что рассказывать дома.

Спустя некоторое время Иван спросил:

– Как тебе мои родители?

– Нормально. Хорошие.

– Мама о чём с тобой говорила?

– Не скажу, – Ясмина заулыбалась и взглянула на парня.

– Намекни, хотя бы, – вступил в шутливую игру Иван.

– А-а, – снова отказала ему девушка.

– А я возьму, и спрошу у неё.

– Она тебе не выдаст наши женские секреты.

– Ну и не надо. Я вот сегодня поговорю с батей, а о чём, тебе не скажу. Будет у нас ним мужская тайна.

Доехали. Автомобиль остановился, и Иван сразу положил ладонь на руку Ясмины, державшую сумочку. Девушка не отстранилась. «Когда мы увидимся?» – спросил Ваня. «Надо посмотреть», – ответила Ясмина. «Я тебе позвоню завтра», – проговорил он. Она медленно, даже как-то задумчиво, кивнула. Он потянулся к ней, наклонил голову и своими губами коснулся её влажных мягких губ в коротком нежном поцелуе. Она хотя и не ответила, но не отпрянула, как в прежние его попытки поцеловать или обнять её, даже не отстранилась. И он, заметив это, попытался прижать её к себе и поцеловать ещё раз. Но девушка резко качнулась вправо, открыла дверь и выпрыгнула из машины. «Ясмина!» – в отчаянии воскликнул парень. А та, не до конца закрыв дверь, сделала шага три от машины, остановилась и стала поправлять косынку. Потом она возвратилась к машине, приоткрыла дверь, и бросила находившемуся в недоумении юноше: «Позвони завтра», – и захлопнула дверь. Иван,

опершись на сидение, ещё тёплое после девушки, глядел ей вслед. Вот она: маленькая стройная фигурка в серебристо-зелёной куртке и чёрной, с ало-зелёным узором, косынке. Она удалялась. Он улыбался.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, ПОВЕСТВУЮЩАЯ О НОВОМ ВИТКЕ ОТНОШЕНИЙ

«Как в рифме: среди тусклых копий устаёшь искать оригинал,
Беспомощно метаясь меж блокнотов и заметок, -
Так ты всё ищешь средь немого хора искренний вокал,
Чтоб зазвучать однажды с ним неслыханным дуэтом...»
Алисса Росс, «Стихотворение без названия».

С новыми, с новыми чувствами поднималась Ясмина в квартиру дяди Алифа. Даже в те недавние дни, когда она была зла на тётю Розу, эта квартира, это родственное семейство оставались для неё частью колыбельного мира. Как бы не стремилось её сердце вырваться за пределы знакомого окружения и культуры, чтобы ум не нашёптывал ей об иных возможностях, но не согласилась бы она ещё недавно поменять привычный круг на сумасшедшие мечты. Журавль в небе – синица в руке. И вот она приближалась к двери квартиры не как к единственной настоящей крепости, а как к одному из пристанищ. К родному, но не единственному, и не самому надёжному. Где-то там, за городом есть большой дом, а в нём люди, готовые принять её в свой круг, готовые защитить её, готовые поделиться своим теплом.

Ясмине пришлось сделать вид, будто она плохо себя чувствует. Тётя Роза не сильно её беспокоила, так как она всё ещё болела, а вот Забия хотела услышать от Ясмины новости. И она отвечала кузине, но суть

ответов сводилась к тому, что ей было скучно, ничего нового не узнала, ни с кем не познакомилась. И Забия быстро отстала. Сложно сказать, заподозрила ли она тогда что-то?

В последующие дни Ясмина обрела уверенность в себе. Её сердце и ум уже не столь противоречили друг другу, как прежде. Она стала испытывать необходимость общения с Иваном, а ещё она была не прочь вновь оказаться в доме его родителей. Ко всему и погода разгулялась. Солнечное весеннее тепло оживило природу. Зазеленела растительность, запели птицы, люди заулыбались.

На неделе дважды виделись наши герои: в университете и после занятий. Разговаривали недолго, и расставались с большой неохотой. Много говорили по телефону. В субботу Ясмина участвовала со своим ансамблем танца в большой репетиции в одном из главных залов Москвы. В воскресение она выступала. Иван хотел прийти на концерт, но Ясмина его отговорила. Упросила. Она очень боялась, что его присутствие не позволит ей сосредоточиться, и она споткнётся, собьётся с ритма, вывалится из общего действия. К тому же на торжественное представление собирался пойти её дядя.

На празднике было всё семейство Алифа. Выступив, танцоры и музыканты переоделись и стали собираться в фойе второго этажа. Там же были и другие участники: певцы, актёры, поэты. К ним присоединялись родственники и знакомые, покидавшие зал раньше времени. Вскоре концерт закончился и фойе заполнилось людьми. Подошли к Ясмине и её родичи. Потом подошли ещё знакомые. И вот, в один момент, к Ясмине приближается молодой человек и заводит с нею громкую беседу. Звали того

молодого человека Заур. Из богатой и известной семьи московских даргинцев. Отец профессор, владелец юридической конторы. Мать – певица, поэтесса. Двое их детей, старший – Заур, и дочь – Насиба, старшеклассница. Они все подошли к семейству Алифа. Знакомы семьи были около года: Заур занимался танцами вместе с Ясминой. Знакомство шапочное, на уровне «здравствуйте, как дела? спасибо, и у нас хорошо, до встречи».

И вот, подходит этот Заур и начинает показательно беседу. Как тебе концерт? Как себя чувствуешь? Я ведь знаю, что ты болела недавно. Ты молодчина, хорошо танцевала. А видела, кто в зале? Сам Имран А-ов. Это мой дядя. Да. И ещё здесь Гаджи М-ов. Мы дружим семьями, и он наш дальний родственник.

Отец Заура разговаривает с Алифом и Розой. Ах, как хороша ваша племянница. Лучше всех танцевала. Хорошая из неё жена и хозяйка получится. Жалко, что родителям её прямо сейчас наша семья не может выразить своего уважения. Но вы им передайте привет и наше почтение. Не собираются ли они скоро сюда, в Москву? Ну, ничего. Мы с Зауром собираемся ехать в Махачкалу в начале лета. Обязательно зайдём к ним познакомиться. Надо, да. Часто говорим о Ясмине. Нравится она нам, и особенно Зауру.

Как может заметить мой смекалистый читатель, разговор имел целью, выразить недвусмысленное намерение в отношении Ясмины. А та, к слову, прежде замечала заинтересованный взгляд Заура и то, как он напрягается в её близком присутствии. Однако в представлении девушки он был совсем не жених для неё. Они были ровесниками, с двухнедельной разницей в возрасте, что для Ясмины было

неприемлемо. Он был робким, на вид нескладным, немужественным; голос у него был тонким, даже слегка визгливым на повышенных тонах. Она не допускала мысли, что будет принадлежать такому субтильному. Семья его, понятно, с достатком и со связями, но чувственность и честолюбие Ясмины требовали мужчину соответствующего уровня. А этот что?

Желательно бы сразу отвергнуть притязания Заура на её руку, чтобы не укреплять его иллюзии. Однако сделать это надо не грубо, дабы не озлобить. При этом и отворот должен быть однозначным. «Насиба, – обратилась Ясмина к сестре Заура, худенькой невысокой девочке, – ты в десятом классе учишься, да?». Та кивнула и улыбнулась. «Невеста уже, – улыбалась в ответ Ясмина и, обращаясь к Зауру, говорила. – Наверное, у твоей сестры есть такие же красивые, как она сама, подруги. Надо тебе присмотреть невесту среди них. Тебе как раз по возрасту подходит. Муж должен быть старше жены на три-четыре года. Если я буду выходить замуж, то обязательно за того, кто старше меня на несколько лет». И всем стало понятно. Заур покраснел и отступил на два шага от Ясмины. Не прошло и минуты, как его семья попрощалась с семейством Алифа, с Ясминой и удалилась.

«Ясмина, зачем ты парня обидела? Не могла промолчать пока?» – проговорил дядя Алиф, когда родственники сели в машину и поехали домой. «Он мне не пара», – коротко ответила ему девушка. «А ты не слишком о себе возомнила?» – вставила свои пять копеек тётя Роза. Алиф же сказал: «Он не мальчишка, которому ещё расти надо. Он из уважаемой семьи.

Надо было выслушать их предложение, поговорить… потом отвечать. Нельзя так, Ясмина. Не хорошо».

Вскоре и родители были уже в курсе случившегося. И тоже были очень недовольны. Салим сказал, что дал, наверное, много воли своей дочери, избаловал её. Не должна была она вот так хамски и спешно отказывать юноше из влиятельной семьи. Поиск жениха, помолвка, замужество – дело всей семьи, а не только её личное. Никто её пока, (пока!), не заставляет, но вести себя так своевольно ей тоже не дадут. Чтобы это было в последний раз. Слышала? В последний раз! Иначе, не успеешь моргнуть, отдадим тебя за селянина, за помощника чабана. Без приданного, без выкупа. Будешь ему и его баранам рассказывать о своих московских концертах. Ишь… обнаглела совсем.

И Халида дочери высказала своё протестное мнение. Мол, ух ты, индюшка безмозглая. Совсем от рук отбилась там, в Москве. Капризы свои показываешь? Про семью уже совсем забыла? У тебя сестра младшая есть. Не нравится жених? Помолчи. Пусть приедет со своим отцом, познакомимся, поговорим, поторгуемся. Может ему твоя сестра младшая понравится. Она как раз ему по возрасту подходит. Парень из такой семьи! Такого жениха ещё поискать надо! А она его как мальчишку позорит! А ты не подумала, что их семья на нас обиду будет держать после такого? Зачем отношения с людьми портить своим языком? «Да» или «нет» ты можешь отвечать только через родителей. Надо тебя из Москвы возвращать, пока ты совсем от рук не отбилась.

Только младшая сестра, после того как по её настоятельной просьбе Ясмина описала Заурчика, сказала: «Ну нет, я себе кого-нибудь получше найду.

Даже здесь, у нас». А Ясмина, выслушивая упрёки старших без препирательств, думала: «Скорее бы уж всё определилось» – и представляла знакомый ей двухэтажный дом за городом с мансардой и балконами, живущих в нём людей, Ивана…

На неделе она сказала Ване: «Помнишь, ты говорил, что родители купили тебе квартиру? Не хочешь показать мне её?». Тот отвечал: «Можно. Надо только с жильцами договориться, чтобы не тревожить их». «Почему не тревожить? Всё равно им надо будет уезжать оттуда. Надо чтобы они знали заранее». После этих слов, Иван почувствовал, что земное притяжение ослабло, а не взлетает он к облакам только из-за тяжёлых ботинок и мелочи в карманах. Справившись с приступом сердечной левитации, он сказал: «Ты, конечно, права. Я договорюсь с ними, и съездим».

Между тем, ощущая вину перед своей семьёй и перед Зауром, она хотела как-то извиниться, исправиться. Но на репетиции он её сторонился, даже не поздоровался. Обиделся, значит. И стесняется её пуще прежнего. На другой репетиции – на следующей – он опять избегал встречаться с ней даже взглядом. Тогда Ясмина Салимовна привлекла подругу, для храбрости и для засвидетельствования своих намерений, улучила момент и таки столкнулась с Зауром, случайно с виду и неизбежно по задумке, на выходе из репетиционного зала. И сказала ему радость наша Салимовна: «Привет, Заур. Ты чего не здороваешься? Вы с отцом ещё собираетесь в Махачкалу летом? Да? Заходите к нам обязательно. Помнишь, твой отец говорил, что вы обязательно зайдёте. Мужчины должны держать слово. Обещали, да? Вот, зайдите. У меня сестра есть младшая, очень красивая. Познакомитесь. И я там буду, наверное. Но

сестра точно будет. Так что скажи отцу, мои родители знают, что вы хотели к нам зайти, в Махачкале. Они вас приглашают. Передай ему, ладно? Ну всё, пока». И летящей походкой…

Ванина двушка сдавалась как однокомнатная квартира. Маленькая комната пустовала, хотя доступ в неё не был ограничен, а в большой расположилась семейная пара с ребёнком. Сам дом имел монолитное строение и относился к разряду престижных. В подъезде дежурил консьерж, а для жильцов была устроена колясочная, которая не пустовала, и тут же были стойки с велосипедами; в общих коридорах висели картины и горшки с цветами, в том числе и с живыми цветами; лифты чистые, не царапанные.

Иван с Ясминой приехал сюда после полудня. Жильцов не было.

– А кто здесь живёт? – спросила студентка.

– Семья. Ну, муж с женой и ребёнок, – отвечал выпускник. – Армяне.

– Армяне? – переспросила Ясмина.

– Да. А что?

– Ничего. Так, – задумчиво проговорила девушка, разглядывая контрастную бежево-коричневую мебель на кухне. Она зачем-то подошла к мойке, открыла воду и помочила пальцы. – А чем они занимаются?

– Она в детском саду работает, кажется поваром… или воспитателем?.. не помню точно, а он менеджер на фирме. Доставка готовых обедов. Ну, знаешь?.. на предприятия в столовые, разные наборы обеденные.

– Понятно, – сказала Ясминочка, глядя на безупречно ровный потолок, и явно думая не о продуктовых наборах. – А ребёнку сколько лет?

– Пять… пять, по-моему. Пацан.

Девушка подошла к окну и стала рассматривать открывшиеся её взору окрестности.

– А детский сад далеко? – спросила она.

Рядом, – Иван подошёл к окну и показал рукой вправо. – Вон, видишь голубое здание, за той башней? Вон, даже беседка одна видна.

– А, вижу. Не далеко.

– А тебе зачем?

Ясмина взглянула на Ивана в упор с непонимающим и немного недовольным выражением лица. Иван её понял и продолжил:

– Я просто хочу сказать, что если мы женимся, то тебе не надо будет работать. Думаю, я сам смогу обеспечивать семью. Так что нет смысла отдавать ребёнка в детсад. Если мать может присматривать за ребёнком, то зачем его туда водить?

– Чтобы он с другими детьми общался. Чтобы развивался в коллективе.

– Я, например, в детский сад не ходил. И что, я отстаю от своих одногодок, которых водили в детсад? Я что, необщителен или неправильно воспитан?

– Да, – сказала Ясмина, снова в упор взглянув на Ивана, и уголки её губ несколько раз дёрнулись в сдерживаемой улыбке.

– Нет, я серьёзно. Я вот так рос и не вижу ничего плохого в этом. Не, ну может, кому-то и надо сидеть на горшке вместе со всем коллективом однокашников, в едином порыве, так сказать, но я без этого обходился… обошёлся.

– А ты откуда знаешь, если в садик не ходил?

– Из чужих воспоминаний.

– Аа…

Она отошла от окна, двинулась к двери, провела одним пальчиком по гладкой поверхности кухонного

стола. В дверях остановилась, повернулась к Ивану и спросила:

– А если детей двое или трое? У нас матери с маленькими детьми всегда помогает кто-то из родственников. Кто-то из старших. Всегда кто-нибудь вместе живёт или каждый день приходит. И молодые девушки приходят, смотрят и учатся ухаживать за ребёнком.

– Двое-трое, – повторил Иван и повёл головой. – Что так сразу? Ну, можно нянечку взять. Где тут с родичами жить? Если только в другой квартире, побольше. Или в своём доме. Да и то… Семья должна жить отдельно, я так считаю.

Ясмина вышла из кухни. Она медленно шла по коридору, открывала двери туалета, ванной, включала свет, заглядывала внутрь и снова выключала свет. И говорила:

– А зачем брать чужого человека, няню, если есть родные? Ты не любишь своих родных? Не доверяешь им? Не хочешь с ними общаться, да? Почему? Или не хочешь видеть родственников жены?

– Ну, знаешь… Мне кажется, ты обобщаешь. О высохшей мухе рассуждаешь как о целой дохлой лошади.

– А что, не так?

– Я просто не хочу, чтобы кто-то вмешивался в мою жизнь. В семейную жизнь. Чтобы кроме меня и жены был ещё какой-то взрослый.

– Разве помощь родных жене, для присмотра за ребёнком, это вмешательство? Это помешает тебе? Это плохо?

– Я не понимаю, ты серьёзно сейчас говоришь или шутишь? Мы как будто на разных языках говорим. Или о разных понятиях.

– Да, у нас разные понятия. И я сейчас хочу понять. Пока не поздно.

Ясмина подошла к двери комнаты, отданной в распоряжение квартирантам. Спросила:

– Сюда можно зайти?

– Зайди, если открыто.

Она повернула ручку и потянула на себя дверное полотно. Вошла в комнату и остановилась на пороге, осматриваясь. Потом она повернулась лицом к Ивану, в ожидании стоявшему позади неё, и сказала:

– Просто, ты сам предложил узнать друг друга поближе. Ты сам предложил мне лучше узнать тебя. И я хочу знать, что меня ждёт, если... Я хочу знать точно.

– Имеешь право, – парень пожал плечами.

– У меня ведь, – продолжала Ясмина так, словно он ничего не произнёс, – другие понятия о родных, о большой семье. То есть не только муж, жена их дети, – а родители мужа и жены, их дяди и тёти, их сёстры и братья, бабушки и дедушки. Я не хочу, чтобы они были мне как чужие. Я не хочу, чтобы мои дети были для них чужими. И чтобы мой муж был им чужим. У мужа и жены должно быть их время, только их. И тут никто не имеет права мешать. Но для этого не надо быть всегда вдвоём, только вдвоём и отделяться от родных. И каждой женщине нужно общаться с другими женщинами, со своими сёстрами, племянницами, тётями, подругами. И если они приходят со своими детьми, или к ним идёшь с ребёнком, то семейные связи крепнут. Это всегда может пригодиться. Я видела твою семью, и думала, что у вас тоже так.

– Так. В общем, мне сейчас понятней, что ты хочешь высказать. Серьёзно, да. Когда ты так говоришь, то мне не хочется возражать. Да ты и права. Чего мне спорить? Но, понимаешь, может быть дело в

том, что я представлял всё по другому? Как-то не так. Может неожиданно это для меня. Что я встретил тебя. В общем, по иному всё как-то представлялось. А может я и в самом деле другого хочу? По-другому вести семейную жизнь? Не знаю, – он помолчал, потёр подбородок. – Но я думаю, что семейный очаг должна обустраивать женщина. Я же не буду сидеть дома целыми днями. А когда я дома, то мне, наверное, захочется побыть одному или в узком кругу своей семьи, или только со своей женой. Такой мужской каприз. Может кавказская жена угодить в этом мужу?

– Обязана, – в этот момент глаза Ясмины засияли, впрочем, как и всё её лицо. – Когда муж приходит с работы домой, то жена обязана уделить ему особое внимание. Отложить любое дело или разговоры и заняться мужем. Это кавказской женщине говорить не надо. Все наши женщины знают это. Когда муж приходит, жена служит ему, а её гости, родные или подруги, или соседи, ночью уходят или не мешают хозяевам. Это закон. У нас такое воспитание.

– Хочешь посмотреть другую комнату? – ласково и с застенчивой улыбкой спросил Ваня.

– Будьте любезны, – приседая и манерно оттягивая юбку, отвечала прекрасная кавкаженка.

В маленькой комнате было больше мебели, какие-то ковры, постельные принадлежности, большие сумки, наполненные чем-то. Часть вещей, как пояснил Ваня, принадлежала квартирантам. Ясмина осмотрела и эту комнату с порога, после чего пошла на кухню. Там она села за стол и сказала:

– А у нас обязательно угостили бы гостя чаем.

– О, извини, – кинулся Иван к шкафу с посудой. – Но тут всё же другие люди живут. Я тут тоже, в общем-то, гость. Дома я тебе точно что-нибудь предложил бы.

– Да, не надо. Я так просто. Я, наверное, слишком нахальная, да? – она встала и вплотную подошла к Ивану. – Только одно прошу… руки. Руки надо помыть, перед тем как взять посуду и делать чай. Мы же были на улице и везде, трогали там ручки дверей и ещё что-то. А там и бомжи, и наркоманы, и другие есть люди грязные. Понимаешь, да?

Иван смотрел на Ясмину. Он слегка покраснел. Поставил на стол уже вынутую им из шкафа чашку. А Ясмина, заметив его конфуз, сказала:

– Я сама ещё не помыла, когда пришла, забыла. Только немножко их пополоскала. Но когда хочешь кушать или остаться в доме, то надо мыть руки и снимать обувь, – и она, подойдя к мойке, стала мыть руки.

– Да я с правилами гигиены знаком, но как-то вылетело из головы. Это, наверное, ты на меня так действуешь.

– Иди, я помою твои руки. Иди сюда, – она говорила это и сама не слышала себя, не владела собой.

– Зачем? Я сам… зачем? – произносил Иван, но подошёл к мойке и повиновался девушке.

А она, без лишней в данной момент чувственности, намылила его руки и мыла их. Так мать омывает детские ладошки. Так моют немощного больного. Так Марьям омывала ножки маленького Исы. Видимо, для Ясмины её действия были символичны. Её культура, её религия, её мировоззрение через чистоту и покорность соприкасались с верой и бытоукладом Ивана, ограничивая и подчиняя личной воле вожделение, почти неминуемо возникающее при общении мужчины и женщины, имеющих взаимное влечение.

Потом они вытерли руки одноразовыми бумажными полотенцами. А Ясмина сказала:

– Я попила бы кофе, только не здесь. А то сейчас придут квартиранты…

– Ну, так пошли. Пошли, посидим в кафешке какой-нибудь.

– Пошли. Только я не могу долго.

– Как всегда, – в разочаровании подняв лицо и закатив глаза, проговорил Ваня. – Пара часов хоть у нас есть?

– Не знаю. Наверное. Мне надо позвонить, тогда скажу.

Они спустились во двор дома, сели в машину Ивана и поехали в сторону центра. На коленях Ясмины лежал букет хризантем. Время от времени она поднимала их и касалась лица упругими прохладными лепестками, и вдыхала сгущённый запах растительной свежести. Он напоминал запах поросших предгорий, в дни весенних гроз.

– Мне кажется, – сказала Ясмина, – ты подумал, что я говорила только про своих родственников.

Иван на секунду повернул к ней голову, продолжая вести машину.

– Но и про твоих я тоже говорила. Мне понравилась твоя мать. И сестра тоже. Если бы они приходили, то я знала бы, что они меня уважают, что мои дети для них не чужие. Разве не так?

– Отчасти, – подумав несколько секунд, сказал Иван. – Во-первых, у них могут быть свои дела; во-вторых, они могут думать, что станут мешаться, надоедать. Понимаешь? Ты думаешь, что они не хотят тебя видеть, а они не хотят тебе надоедать. Разница культур.

Девушка подумала, затем положила цветы на заднее сидение, развернулась к Ивану, и говорит:

– А почему ты ко мне приезжаешь, звонишь, зовёшь меня гулять? Ты не боишься мне надоедать? А? Может у меня свои дела, а ты мне мешаешь?

– Во ты сравнила! Это совсем другое дело.

– Почему другое? Так же и даргинец делал бы. И любой другой. А ты говоришь культуры разные.

– Культуры разные, но в чём-то они могут совпадать. В этом они совпадают. Не может же всё отличаться. Иначе мы друг друга вообще не понимали бы. А пацан в любой культуре хочет быть целые сутки со своей девушкой. Хоть в Африке, а хоть и на Чукотке. Что, не так что ли?

Ясмина вновь села прямо, то есть боком к Ивану, даже слегка отклонившись в сторону от него, немного помолчала… а потом привела такой довод:

– Я учу психологию. И вот, есть такое понятие в психоанализе… проекция. Это когда человек свои взгляды переносит на другого. Например, человек избегает общения, потому что боится, что от него потребуют дополнительной ответственности, заботы… в общем, от него захотят чего-то, что лично ему не надо. Но он не может сознаться, что поступает плохо, что он боится ответственности. Потому что такие люди почти всегда думают о себе, что они хорошие, добрые. И настоящая причина у него остаётся в подсознании. Вот, да? Причина остаётся там, в подсознании, он больше её не знает. Но она же не пропала совсем. Он ведь чувствует, что не хочет видеться с матерью, или с сестрой, или с кем-то ещё. Тогда он говорит себе: я хороший, добрый, поэтому я не хочу им звонить и идти в гости, чтобы им не мешать. И тут возникает проекция. Человек не хочет общаться с родными, не

ходит к ним, не звонит, а когда они спрашивают, почему? он говорит, что не хочет доставлять неудобство своим присутствием. И не хочет чтобы к нему приходили, потому что будут мешать ему, надоедать. И вот это он проецирует на других. Думает: «если я не хочу с ними общаться, то и они не хотят». А так как он считает себя хорошим человеком, то думает, что просто не хочет другим надоедать, беспокоить их, грузить своими проблемами. Это самообман, обман, проекция.

Иван громко прочистил горло:

– Кгхе-кгхе… Не всё понял, но суть, кажется, уловил. Не любит человек родных, но не признаётся себе в этом, и придумывает, что он ограждает их от своих проблем. Так? Ладно… Я думаю, ты опять обобщаешь. Наверное, всё индивидуально, но такое тоже возможно, наверное.

Он выдержал паузу – и закончил:

– Психологию я в школе проходил. А вообще, психология, вернее… психоанализ, это то же самое, что и хиромантия или астрология. Выдвигаются умозаключения о течении умственных процессов, одно за одним, и какое-то может совпадать с действительностью. Это всё гадание на кофейной гуще.

– Ну, давай, успокаивай себя, – проговорила Ясмина отворачиваясь.

Иван взглянул на неё и улыбнулся. Улыбнулся понимающе.

Ехали они не долго и остановились у «Шоколадницы». Вошли в изрядно заполненное заведение, заняли место и сделали заказ.

Зашёл разговор на университетские темы. Обсудили преподавателей и, как полагается,

ненужность некоторых дисциплин. Говорили так же о знакомых, о друзьях.

– Да, хорошо было, – сказал Иван. – Я бы ещё поучился. Но не сейчас, а позже.

– Как у тебя дела с бизнесом? – спросила Ясмина.

– Регистрируемся. Через неделю документы готовы будут, и начнём. Есть, правда, сомнения…

– Какие?

– А… – Иван легонько махнул рукой и перебрал пальцами, как-бы показывая ерундовость сомнений. – На лето получается начало. А лето для нашего бизнеса почти мёртвый сезон.

– Всё лето?

– Нет. Самый застой ближе к концу, когда народ в отпусках.

– Но это ещё не скоро.

– Да. Я так… просто к слову. Нас это мало беспокоит. Хотя обсуждали вчера. Выгоду можно извлечь почти из любой ситуации. Тут, например, в плане конкуренции.

Ясмина не могла полностью сосредоточиться на разговоре с Иваном. Недалеко от них сидела пара с двумя детьми. Они были дагестанцами, – как поняла Ясмина по нескольким словам, донёсшимся до неё, скорее всего, аварцами по народности. Вполне приличная семья городского воспитания. Однако ещё с самого начала, Ясмина не хотела садиться вблизи них, испытывая сильную неловкость. Но она не решилась сказать об этом Ивану, и заняла место, предложенное им. А через некоторое время к аварской семье присоединились двое юношей, видимо той же народности. В любом случае, они были кавказцами. Уже до их прихода Ясмина ощущала на себе взгляды земляков, причём взгляды эти были, по её

ощущениям, недобрые. А когда пришли эти два парня, то ей стало казаться, что и взгляды и беседа теперь были сосредоточены исключительно на ней. Росла тревога. Иван уловил её тревожный настрой, но она сказала ему, что всё в порядке. Он сам был спокоен, и не обращал внимания на сидевших вблизи кавказцев. А они и в самом деле слишком часто поглядывали в сторону нашей пары и неприлично долго задерживали взгляд на Ясмине. И как бы не была приятна и спокойна атмосфера в «Шоколаднице», ей всё больше хотелось уйти отсюда. В то же время её пугала мысль, что эти двое пойдут за ними и устроят драку, скандал. Но, так или иначе, время свидания заканчивалось.

Ещё когда наша пара покидала квартиру, Ясмина позвонила тёте Розе. После этого она сказала Ивану, что у них есть час, максимум полтора. Теперь час уже истёк. «Мне надо домой», – сказала юная горянка. Иван молчал. Он откинулся на спинку стула, легонько барабанил пальцами по столу, и взглядывал исподлобья на свою спутницу. Она, не дождавшись от него реакции на последние слова, встала, взяла свой плащ с соседнего стула, и стала надевать его. Иван не помогал ей, что было странно, несвойственно ему. Он продолжал молча поглядывать на неё. А она, оказавшись в полный рост под обстрелом пристальных и неприязненных взглядов своих земляков, да и прочих посетителей, растерялась.

Иван выглядел сейчас сурово. На протяжении двух-трёх свиданий, он как бы подстраивался под неё, не предъявляя ей никаких требований, соглашаясь почти со всем, что она говорила или предлагала... он словно изучал её. Сейчас же у него был вид человека, принявшего решение и готового к действию. В нём

проглянула твёрдость, скрываемая им во время последних свиданий.

«Что?» – спросила Ясмина, всё больше стесняясь посторонних глаз. Ей казалось, что сейчас все посетители кофейни смотрят только на неё. И разговоры только о ней: «Кто такая?... Что за бесстыжая? Это же дочь Салима. Хромого Салима? Она что, с русским?! Какой стыд! Какая наглость! Что, её некому поставить на место? Эту вертихвостку... Она позорит всех мусульманок. Её некому наказать? Среди её родственников нет мужчин?».

Паника. Она сделала шаг назад, второй... зацепила кого-то, повернулась и, низко опустив голову, быстро пошла к выходу. Выйдя на улицу, она, почти не поднимая головы, посмотрела вправо-влево, заметила красную буквицу «М» метрах в двухстах, и заспешила к станции метро. Ей было страшно и стыдно. Страх, который она гасила в последние месяцы, вырвался на волю. Она страшилась своего колыбельного мира, который был способен растоптать её за то, что она сблизилась с чужаком, с нечистым, с инородцем. И когда она увидела нарочитую холодность Ивана... Нет!.. не увидела – нафантазировала, придумала его отчуждённость и холодное пренебрежение – она испугалась. Доверилась человеку, мужчине, которого почти не знает, поставила на кон свою честь, честь семьи, своё будущее. Почему не пошла проверенным путём? Путём, которым идут многие тысячи соплеменниц и миллионы сестёр по вере. Зачем ей чужой мир и инородец? Ведь здесь с одной стороны изгнание и порицание, а с другой надменность мужчины, который может воспользоваться беззащитностью девушки, и помыкать ею. И ведь он даже не попытался её остановить! Но нет, ещё не

поздно. Никто не знает об их связи. Ничего нельзя доказать. Ведь между ними ничего не было. Ничего такого… Такого не было.

Сильные руки взяли её за плечи, остановили её скорый шаг. Иван!

– Что с тобой? Ну? – он встал перед ней, склонил своё лицо, заглядывая в глаза девушки. Вид у него был тревожный, непонимающий. – Что? Можешь сказать?

Она отрицательно качала головой. Глаза её быстро наполнялись слезами.

– Я боюсь, – прошептала она, и слёзы хлынули из глаз…

– Боишься? Кого? Чего? – он увидел, как слезинки покатились по её щёкам, рот скривился, и она еле слышно заскулила. – Ну, ё-моё. Да что с тобой?

Он растерялся, не знал, что говорить и делать. Попытался прижать девушку к себе. Она подняла руки, держа их перед грудью, скрючив пальцы и сложив ладони у рта, стараясь сохранить какое-то расстояние между собой и Иваном.

– Успокойся, ну. Успокойся, – приговаривал он, доставая носовой платок из кармана. – Тебе нечего бояться. На, вот платок. Я с тобой. Я тут. Успокойся…

– Уведи меня отсюда. Мне стыдно, – говорила она полушёпотом, пряча лицо, стоя близко к нему, но по-прежнему сохраняя дистанцию.

– Пойдём. Пойдём в машину, – он, держа её за плечо и стараясь сильнее прижать к себе, повёл Ясмину к своему авто. – Успокойся. Всё, всё…

Он усадил девушку на заднее сидение, сам обошёл машину и сел рядом. Ясмина всхлипывала. Он притянул её к себе, прижал её голову к своему подбородку, ощущая приятную упругость её густых волос, запах персика и кориандра от парфюма.

Приговаривал: «Ну, что ты? Чего испугалась? Ты со мной. Я тебя в обиду не дам. И вообще не отдам тебя никому».

– Почему ты так? – шёпотом спросила Ясмина и громко всхлипнула.

– Что «почему»? – но она молчала, и он, с недоумением в голосе, повторил вопрос. – Что «почему»? Чего я?

– Ты хотел меня бросить? – она сбилась на плач.

– Не-ет! – ошарашенный Иван даже отодвинулся от девушки, пытаясь увидеть её лицо. – Что за чушь? С чего ты взяла? Не выдумывай.

– А почему? – навзрыд сказала она, – почему ты так?

– Как? – спросил он.

Спросил, но знал, что отчасти она права, ведь перед тем, как всё сейчас случилось, он попытался показать свою отчуждённость, холодность. Он тогда захотел возвратить, привычную ему, роль верховенства. Видимо, не вовремя. Может быть, рано, – не предприняв каких-то важных знаковых действий, не сказав должных слов. Ведь у этой девушки нет опыта общения с мужчиной, а отношения их развиваются совсем (совсем!) не так, как должно бы быть по правилам её воспитания, по традициям культуры её народа. Ей нужна опора, уверенность, что она не будет брошена, что не останется в одиночестве, одновременно изгнанной своими родными и отвергнутой любимым мужчиной. И он, смягчившись, продолжил успокаивать её:

– Тебе показалось. Испугалась своих мыслей. Да? Испугалась мыслей?

Она кивнула: «Да».

Он прижал её к себе покрепче одной рукой, другой – гладил по голове, по плечам. Касался губами в лёгком поцелуе её волос, лба, ушка, руки, в которой она держала платочек. Ясмина успокаивалась, всхлипывания угасали. Иван шептал успокоительные слова. Его переполняла одна только нежность. Но не долго. Вслед за нежностью, к Ивану пришло вожделение. Близость девичьего тела, запах, тепло и доступность возбудили его до истомы, до особой степени. Он хотел коснуться груди девушки, хотя бы предплечьем, но это было невозможно, потому что она держала руки перед собой. Тогда его ладонь скользнула вниз и остановилась на её животике, сбоку. Девушка опустила одну руку, просунула её под руку Ивана, тем самым отнимая его ладонь от себя. Тогда он коснулся её подбородка, подтолкнул его вверх.

«Ты мне очень нравишься, Ясмина. Очень. Я тебя не брошу. Я хочу, чтобы ты была моей всегда. Только моей. Доверься мне. И ничего не бойся. Я тебя не обману».

Иван говорил это, приблизив своё лицо к лицу девушки, и глядя ей прямо в глаза. И она отвечала ему таким же прямым взглядом. Но не произнесла ни слова в ответ. Иван чуть притянул её голову к себе, склонил свою и прижался губами к её губам. Она ответила на его поцелуй. Ответила робко, едва подстраиваясь под нежные движения юноши. Глаза её были закрыты, дыхания не чувствовалось. Иван отклонил голову. Несколько секунд разглядывал лицо своей милой. «Солнышко моё», – сказал он. Она медленно открыла глаза. И тут же закрыла, потому что Иван привлёк её к себе для нового поцелуя. Через мгновение девушка одну руку положила на его плечо.

А рука Ивана скользнула вниз и легла на бедро Ясмины… И тут же была остановлена и отстранена.

Ясмина открыла глаза, отодвинулась от Ивана, и сказала:

– Не надо. Так не надо, – ударением выделяя слово «так».

– Как? – спросил Иван с наигранной наивностью кота, у которого мышь просит разрешения, незаметно пробежать мимо него. Он был возбуждён, и ему трудно было перейти на рельсы платонических чувств.

– Так, – снова с ударением сказала Ясмина, поправляя причёску, а потом и одежду. – Мы же не муж и жена.

– Но мы ничего такого и не делали.

– Угу, – она разглаживала юбку. – Мы даже не помолвлены.

– Да, что такого-то? – уж совсем дурачком сделался Иванушка.

– Ты мне даже не предложил ещё обручиться.

– Ласточка, ну ты как-бы хотела присмотреться сначала.

– Я хотела?!

– Ну я, я хотел. И ты согласилась…

– Вот и смотри, а не трогай.

– Ух, Ясминка, с тобой, чувствую, не соскучишься.

– С тобой тоже весело… прямо смешно до слёз, – она открыла дверь, спрыгнула, и быстро пересела на переднее сидение. – Как теперь домой прийти с такими глазами?

Иван также пересел вперёд. И сказал, шутя? всерьёз ли?:

– Ну, хочешь, я с тобой пойду, объясню всё?

Ясмина взглянула на него, пытаясь понять серьёзность его настроя. Одной рукой она прижимала

к лицу носовой платок, а второй вытаскивала из своей сумки косметические принадлежности.

– Другой раз, – сказала она. Потом замерла на мгновение, после чего спросила, – Ты можешь выйти?

– Замуж? Нет. Могу только жениться.

– Из машины, – Ясмине было не до шуток. Она прижимала к лицу платочек. – Пожалуйста.

– Зачем?

– Ну, надо, – он смотрел на неё в ожидании объяснений, и она продолжила. – Высморкаться мне надо. Что, обязательно мне надо тебе сообщать?

– А… Нет, могла не сообщать. Высморкалась бы, и всё.

– Ну!

– Понял, линяю, – он открыл дверь и слез с сидения. – Постарайся лобовуху не забрызгать. А я пока в «Шоколадницу» забегу.

Иван захлопнул дверь и направился к кофейне. Возвратился он минут через десять. В руках у него был пакет со сладостями и горячими напитками. Ясмина уже привела себя в порядок, но заплаканность глаз всё-таки была заметна. Она сказала:

– Кому это ты купил? Надо ехать. Только что мне звонили. Тётя с дядей будут ругаться.

– Нам купил. Тебе какао «Венское» и пирожное «Киевское», а себе блинчики с мясом и кофе.

– Не надо было.

– Ладно, я схожу, возвращу.

Ясмина игриво толкнула Ивана в плечо.

– Как мне сидение отодвинуть? – спросила она.

– О, наконец, наши отношения дошли до этой стадии. И всего лишь за пирожное? – говоря это, он повернул фиксатор и подвинул сидение с девушкой.

– Какой стадии? – не поняла Ясмина. И тут же сказала, – Хватит, так нормально. Только нам надо быстрее. Я телефон выключила, как будто в метро еду.

Через полчаса международная пара симпатизирующих друг другу молодых людей уже была возле дома Алифа.

– Ничего не хочешь сказать мне на прощание? – спросил Иван, разворачиваясь к Ясмине.

– Что, например?

– Например, долго нам ещё присматриваться?

– Не знаю, – ответила девушка, помедлив. – А ты что хочешь сказать?

– Знаешь, я для себя решение принял. Ты мне изначально понравилась, а теперь я только убеждаюсь, что не ошибся в тебе. Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Я готов обручиться с тобой. Готов встретиться с твоими родителями. Моим родителям ты нравишься. В общем, я жду твоего согласия, твоего «да».

Ясмина опустила голову, потом взглянула на Ивана. Руками она переминала сумочку.

– Не знаю. Зачем ты сейчас говоришь про это? Сейчас мне надо идти.

– Не вовремя? А когда вовремя?

– Ну, не сейчас. Почему ты вначале не говорил это? Наоборот, меня испугал. Совсем чужой был, – она замолчала, вероятно, подбирая слова. Потом чуть ли не с мольбой взглянула на Ивана. – Я боюсь.

– Меня? – с некоторым удивлением спросил парень.

Она сначала медленно кивнула, как бы в согласии, но следом отрицательно качнула головой:

– Нет. Наоборот. Нет, не тебя… Тебя наоборот, – она сбилась, застеснялась. – Я на тебя надеюсь… Не

знаю… не знаю, как сказать… что сказать. Сейчас не время. Надо было раньше тебе про это говорить. Теперь в другой раз.

– Ну ладно, ладно, – Иван взял Ясмину за руку. – Успокойся солнышко. Я понял тебя… наверное. Ты вот что. Я тебе уже сказал, могу ещё повторить: я тебя не обману. Можешь на меня положиться. Ты извини… тебе может кажется, что я тебя тороплю… но я понимаю, что ты и так… Ну, для тебя наши отношения много значат, ты и так поступаешь очень смело… Ты смелая, отчаянная. Я тебя не брошу. Можешь быть во мне уверена.

Он склонился к девушке, привлёк её к себе. «Ты будишь во мне особые чувства», – сказал он, и стал нежно целовать её. Влажные, прохладные губы Ясмины, едва заметно отвечали ему. Затем она нехотя отстранилась: «Всё, Иван», – произнесла она еле слышно и не твёрдо.

Это был первый раз, когда она назвала его по имени. Даже про себя, в мыслях, она умудрялась обходится без именования, и вот теперь… Первый раз. По имени. Вслух. Иван заметил это. Многократно он останавливал себя, чтобы не спросить, почему она не обращается к нему по имени? И вот… Всё-таки она умница.

Прилив нежности словно поднял его тело, как морская волна поднимает пловца. Он снова привлёк к себе девушку и осыпал ласковыми, но теперь уже более плотными прикосновениями. Она позволила ему проявить чувства, но только несколько мгновений. После чего уже твёрдо отстранилась, и сказала: «Всё!».

Она в этот раз долго оглядывала окрест, прежде чем покинуть авто. Они с Иваном успели перекинуться ещё несколькими фразами.

Дома она была встречена недовольством. В вину ей вменялось то, что она слишком много времени проводит вне дома и без опеки родственников, а также до неё невозможно дозвониться. Озвучила эти претензии тётя Роза. Алифа не было дома – он со своими друзьями где-то проводил время. Позже тётя Роза поведала о своём недовольстве Ясминой её родителям, а они поддержали тётю Розу и пожурили дочь.

Потом Роза, её дети и Ясмина стали обсуждать событие предстоящей субботы. В субботу выходит замуж родная племянница Розы. Жених из Москвы и свадьба будет в Москве. Разумеется, все, в том числе и Ясмина, были приглашены на свадьбу, и обязаны были участвовать как в торжестве, так и в хлопотах по устроению торжества. Надо было также выбрать подарки, приготовить себе платье, нафантазировать причёску, и ещё сделать сорок других не менее важных дел.

Каждая свадьба – смотрины. Любая из барышень, начиная с подрастающих девочек и заканчивая женщинами среднего возраста, оставшимися без мужа по той или иной причине, имеет случай приглянуться кавалеру. Поэтому все стараются пролезть на свадьбу родственников, и там, если даже не хлопнуть пару стаканчиков чая, то хотя бы показать себя потенциальным женихам. Только для Ясмины эта свадьба была лишь помехой. В то время как Забия ждала этого события, чтобы блеснуть во всей своей набирающей неотразимость красе, Ясмина думала о том, как преодолеть это памятное мероприятия никем незамеченной. Вместо броских нарядов, она предпочла бы шапку-невидимку и

вступила бы в борьбу за титул Мисс Невзрачность. Ей теперь лишнее внимание было ни к чему.

Некоторые из моих читателей, похрустывая между делом печеньем «Морозко» и попивая чаёк, скажут: «Ерунда! Оденься неприглядно, как монашка – и никто на тебя глаз не положит». Э, милые мои, тут специфику знать надо, однако. Да-да. Ясмина, конечно, могла бы одеться согласно арабским традициям, закрылась бы джильбабом и хиджабом, но тогда она приобрела бы немало поклонников среди престарелых соплеменников, подрастерявших мужскую силу, или молодых, но закомплексованных единоверцев. Ибо неуверенные в себе мужчины как раз и предпочитают женщин невзрачных, смиренных и безголосых, а свою несостоятельность в чём-либо оправдывают судьбой и надеются на помощь высших сил. Уж такие непременно захотят получить существо, скрытое в одежде, – в одежде, которая две тысячи лет назад... во-первых, служила защитой от солнца и мелкого песка арабской пустыни, а во-вторых, и мужчины носили схожее одеяние, что не позволяло злоумышленнику издали отличить в силуэте свободной одежды женщину от мужчины (что в пустынной местности даёт время подготовиться или дать дёру). Это, что касается истории ближневосточной моды... Также, на такую «скромницу» затаят обиду другие женщины. Скажут меж собой, мол, строит из себя праведницу, как будто она самая правильная, а они все из навоза слеплены.

Всё-таки даже на кавказской свадьбе незамужние девушки позволяют себе вольности в одежде. Разумеется, не такие вольности, какие можно встретить на некоторых (некоторых!) русских свадьбах,

когда подружек невесты можно принять за служек борделя.

Одеться безвкусно, абы во что, не позволяли Ясмине эстетические принципы. А если учесть, что и у многих других гостей, эти принципы тоже имеются, то разговоров о себе не избежать. Вот такой фокус с переодеванием.

Иван тоже думал о свадьбе, только о своей. Он был уверен, что хотя Ясмина и не сказала ему «да», но это дело времени, и вскоре непременно она даст согласие. А получив её принципиальное согласие, надо будет обращаться к её родителям за разрешением на брак, и, скорее всего, придётся их убеждать, отдать дочь за него. Где это будет происходить? Как? Возможно, придётся ехать в Махачкалу. Может быть, есть какие-то тонкости в сватовстве? Он прежде обещал Ясмине соблюдать традиции её народа. А что там особенного? Такие же традиции были и у русских, пока убийца русского духа Пётр Первый не начал их высмеивать и истреблять. Почти такие же. Поэтому и не зазорно их соблюдать. Хотя хочется сделать всё проще. Но это желание любого, кто хочет заполучить лакомый кусочек. У того, кто хочет сберечь, сохранить – иная политика.

Как вообще начать общаться с её родителями? Не собираются ли они сюда приехать в ближайшее время? Ехать туда? Могут прогнать... вот позорище-то будет. А то и побить могут. По телефону, как-то не то... Может быть «скайп»? А что? Не плохая мысль. Может быть, для начала, поговорить родителям между собой? Выяснить детали, договориться? Родители в любом случае должны принять участие. Да, будь Ясмина русской, было бы всё проще. За то и ненадёжней, халатней.

Отец за ужином спросил Ивана:

– Как у тебя там с твоей девушкой? Отношения выстраиваются?

– Да, – ответил Ваня.

– В каком направлении?

– Думаю, мы поженимся.

– Ты не спеши, – сказал Андрей Михайлович. – Получше присмотрись.

– Она девушка хорошая, домашняя, – вступила в разговор Светлана Николаевна, – тихая. Смотри сын, большую ответственность с ней берёшь. У неё ведь обратного пути нет.

– Знаю, – отвечал Иван. – Но я для себя всё решил. Пусть теперь она скажет своё слово.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, НУДНАЯ, ЗАУМНАЯ И НЕИНТЕРЕСНАЯ, МОЖНО ПРОПУСТИТЬ

«…ни один свободный человек не будет играть или петь, если он не пьян»
Аристотель, «Этика».

И вот она, дагестанская свадьба в Москве! Как вы себе это представляете? А, знаю… Представляете кортеж из тонированных машин, наполненных молодыми людьми зверской наружности, то и дело высовывающимися по пояс из окон авто, и палящих из пистолетов. При этом они орут как встревоженные бабуины и задирают людей как озлобленные павианы. Ну да, примерно так и было. Только не стреляли, почти не орали, не очень сильно задирались, но в целом… в целом, пантов хватало.

Однако Ясмина этого не видела. Не положено молодой девушке быть даже вблизи собрания молодых мужчин. И на свадьбе она была отделена от них. В большом зале для торжеств было расставлено примерно полсотни столов, приставленных друг к другу и образовавшими ряды, разделённые надвое широким проходом. Слева от входа была женская половина, а справа – мужская. Но у самой арки входа расположен был подиум с музыкантами и площадка, на которой сначала произносились торжественные здравицы, а потом начались пляски. Впрочем, плясуны с большим энтузиазмом пользовались и широким проходом между двумя половинами зала. Также в углу женской половины был устроен ещё один подиум, поменьше, но повыше, на котором восседали жених и невеста. С молодыми можно было поздороваться, поговорить ненавязчиво, сфотографироваться, к ним

можно было обратиться с личными пожеланиями. Напротив, через зал, справа от входа, была накрыта пара столов для детей и подростков, а также два стола для случайных гостей, неожиданных гостей, нежданных гостей и прочих категорий граждан, со статусом ниже званого гостя. Там в некотором количестве сидели русские девки, которых кто-то из молодых людей привёл на свадьбу, чтобы похвалиться или передать, скажем, приятелю, в обмен на услугу; несколько русских (на вид) парней и мужчин, которых хозяева посчитали возможным допустить на семейное торжество. А также там были русские и прочие немусульманские знакомые дальнего круга, которых выгнать жалко, а с приглашёнными гостями сажать слишком для них жирно. Им обычно говорят: «Спасибо, что пришли. Это большая честь для нас. Садитесь здесь. Тут у вас есть с кем поговорить, а то там по-русски никто говорить не умеет, вы там заскучаете. Знакомьтесь, это Петя, это Наташа». Хотя, надо сказать, что и среди желанных гостей за общими столами восседали русские мужчины и женщины, и в их порядочности, достоинстве или в значимости никто из окружающих не сомневался.

Разделение гостей сохранялось около часа, после чего мужская половина зала, подогретая водкой, а местами и коньяком, стала усиленно перемещаться и проникать в женское собрание. Это были мужья, сыновья и братья, которые присаживались к своим родственницам, чтобы поделиться новостями или впечатлениями. Или же жёны, матери и сёстры подзывали их, дабы узнать что-то или передать кому-то какие-то слова и пожелания. Ну, в общем, люди своего круга общались, выясняли, узнавали, обещали, сходились, договаривались… Кроме того, множество

детей сновало туда-сюда, присоединялись они и к пляшущим. Сидящие за столом были сгруппированы в компании и семейные круги, и эти группы, по десять-двадцать человек, сменяли друг друга на площадке для танцев. Также от каждого круга выступал человек со здравицей в честь молодых и их родителей. Выступали и женщины, и мужчины. Танцевать старались врозь и в семейном кругу, но случалось, что лезгинка вспыхивала вихрем чувств неприступной горянки и напористого джигита, впервые увидевших друг друга на этом празднике рождения семьи. Пару раз возникали стычки, но родственники моментально гасили ссору и выводили зачинщика на улицу. Потому что если в первую секунду не развести драчунов или явно встать на защиту своего, то через минуту пойдёт стенка на стенку.

Ясмина сидела рядом с тётей Розой и Забиёй. Забия ходила плясать раза три, и тянула с собой Ясмину, но та отказывалась наотрез. Даже Роза один раз вставала, чтобы принять непосредственное участие в танцевальной программе этого вечера и размять кости, а Ясмина... так и не подняла со стула своего изящного стана. Сказала, что она через день танцует, дайте хоть на свадьбе отдохнуть! Ух, и капризная же девчонка!

Вань, может передумаешь? Другую себе поищешь, а?

Впрочем, Ясмина не выглядела бякой, плаксой и кривлякой. Думаете, брови насупила, щёки надула, и сидит такая... вся красивая? Не-не, вы так не думайте. Подходили к её спутницам, и к ней лично, разные знакомые гражданки – подруги, родственницы. Она охотно включалась в беседу, интересовалась, иногда шутила. Она была в родной среде. Может быть, это

свадебное собрание не так уж сильно влекло её и возбуждало, как например, тётю Розу или Забию, и многих других, но тут Ясмина не чувствовала себя чужой.

От своей семьи молодым она передала три тысячи, в подписанном конверте. Вообще считалось нормальным, если семейная пара или человек даёт молодожёнам от полутора до трёх тысяч рублей, что в те дни равнялось пятидесяти-ста долларам. Самые близкие родственники или ближайшие друзья дарили, по меньшей мере, десять-пятнадцать тысяч рублей, но некоторые давали значительно больше. По договорённости со старшими родичами, молодым можно было вместо денег подарить что-либо полезное в хозяйстве, а многие одновременно дарили подарки и давали деньги. Родичи невесты были богаче и предприимчивее семьи жениха, и они взяли на себя всю подготовку свадьбы. То есть арендовали зал торжеств, наняли лимузин для жениха и невесты, составили программу дня, договорились с музыкантами, нашли жильё для своих родственников, приехавших издалека. Разумеется, семья жениха полностью доверила семье невесты сбор денег и подарков для новобрачных. Как говорили меж собой гости, и в узком кругу шептали родители молодых, затраты составили примерно триста тысяч рублей, а собрали где-то около шестьсот тысяч, не считая подарков и сумм от близких людей. Гостей на свадьбе было триста человек, из них более двух третей, по приглашению стороны невесты.

Когда после второй смены блюд, народ продолжил трапезу, к Ясмине подсела Алия. Занятная личность. Ясмина знала её ещё в Махачкале, откуда та была родом. Алия была старше нашей симпатии года

на четыре, если не более. Ей сначала определили место за столом с нежданными гостями, но она, откушав шашлычку и осмотревшись, переместилась к столу Розы. Те, кто знал Алию, поглядывал на неё с неодобрением и не спешил вступить с ней в разговор. Впрочем, отношение к ней было терпимым, чем та и пользовалась.

Перво-наперво, она завладела стулом одной из женщин, ушедшей плясать или по другим более неотложным делам, но быстро выцепила из ватаги гоношащихся детей какого-то пацана и приказала ему принести стул. Пацан схватил первый попавшийся свободный стул, однако был немедленно задержан одним из юношей, присматривающих за порядком и услуживающих гостям, – это был родственник невесты. Стул был поставлен на своё законное место, а юноша строго посмотрел на Алию. Потом подошёл к отцу невесты, сказал ему что-то, указывая на гостью, получил распоряжение – после чего принёс другой стул, а вслед за этим и чистый комплект столовых приборов. Алия в это время уже приковала к себе внимание соседок и постепенно вовлекала их в разговор. Обращалась она и к Ясмине.

Алию считали даргинкой. Но при этом ей делали весьма серьёзные послабления в плане поведения. Дело в том, что её отец был даргинцем, а мать – еврейкой. Жила она с матерью, потому что отец ушёл из семьи и женился на своей двоюродной сестре, когда дочке исполнилось лишь пять лет. Первое время он помогал своей семье, но затем сильно поругался с бывшей женой. А ещё его новая жена прибежала со своими родичами к матери Алии и потрепала её (вовсе не по приятельски) за волосы. Отец перестал помогать своей бывшей семье и даже стал избегать свиданий.

Мать девочки, которая вышла замуж без согласия семьи, и, оставаясь вдалеке от своих родственников, в первое время с трудом сводила концы с концами. Потом, благодаря лучшим чертам своего еврейского характера, а именно последовательности и целеустремлённости, она начала прилично зарабатывать. Оставшись с маленькой Алиёй без помощи мужа и родных, она сначала устроилась на рынке продавцом, а спустя некоторое время, наняла контейнер и стала возить ширпотреб из Турции. Чтобы этого добиться пришлось ей сходиться с разными людьми, как правило, с мужчинами, зачастую ненадолго, но близко. Да и в дальнейшем, когда стала нанимать продавцов себе на подмену, а сама ездила за товаром, приходилось не раз платить за свою женскую долю в челночном бизнесе известным способом. А потом получилось так, что она излишне доверилась некоторым, и её обманули. Пришлось начинать всё с начала. Подрастающая же Алия оставалась либо дома одна, либо с матерью на рынке.

Девчонкой она росла любопытной, бойкой, а заступиться за неё было некому. Вот и совратили её. Соседский парень наобещал ей долгую семейную жизнь, да только стал пользоваться шестнадцатилетней Алиёй без всяких обязательств, а потом ещё и начал друзьям рекомендовать для утех. Открылось всё, и мать пошла к родителям подонка, чтобы они женили его на девушке, но её осмеяли и прогнали. Она пригрозила обвинить парня в изнасиловании, но ей и дочери очень серьёзно и доходчиво посоветовали забыть об этой идее. Отец тоже не помог. Она приходила к знакомым людям в погонах, но люди в погонах привыкли только получать от неё. Это был позор. Бессильная мать отправила

дочь в Москву на учёбу, подальше от соседских парней, которые не давали проходу опозоренной Алие. В Москве Алия вскоре вышла замуж за симпатичного юношу, так же как и она имевшего еврейские корни, но очень быстро у неё испортились отношения со свекровью. Развелась через год, а ещё года через полтора снова вышла замуж, в этот раз за русского. Но и этот её брак оказался коротким. Теперь она была бездетной разведёнкой. Поговаривали, что детей она иметь не может, потому что ещё в Махачкале родители совратившего её парня заставили Алию сделать аборт, и операция привела к роковым последствиям. Так говорили, но даже её близкие знакомые и родственники не знали ничего достоверно. На свадьбе она оказалась по праву родства с семьёй жениха.

Будь Алия чистокровной даргинкой, её не пустили бы в это семейное собрание. Даже тут, в Москве. В Махачкале её не пустили бы, даже не смотря на то, что она полукровка. Впрочем, времена меняются и всё больше людей стали отходить от жёстких религиозных установок, а потому Алия могла чувствовать себя в отношении с людьми довольно уверенно. Редко когда её прогоняли или высказывали воочию свою презрение. Вот и сейчас она рассказывала о чём-то женщинам, и ей отвечали, немножко отстранённо и холодно, но отвечали. Мужчины поглядывали на неё, кто – зло, кто – пожирающе, переговаривались и посмеивались. Многие считают её красивой… А на вкус автора, ничего в ней нет выдающегося.

Ясмина глядела на Алию и думала: «Я бы так не смогла – после позора появляться на людях, вести себя развязано, лезть с разговорами. Но всё-таки она

достойна уважения за то, что борется. Она не сбежала, не скрылась от людей знающих её, и она не очень обращает внимание на чужое мнение. Встречается с русскими, ищет себе мужа. Живёт… стремится к личному счастью, хочет того же, чего хотят для себя другие».

А что? Ведь Алия жила в некоторых предусловиях. Она родилась в обществе, где поддерживаются определённые правила. И её совратили, почти не выходя за пределы правил. И по ним же осудили. И парень, растливший её, и она сама, очевидно поддались одному и тому же инстинктивному влечению, но он не понёс никакого наказания, а она была унижена и, по сути, вытеснена из общества. Где справедливость? Почему юную девушку можно морально уничтожить, если за неё некому отомстить? Благо, что произошло это не в Афганистане или Аравии, и у человека есть возможность выбрать себе общество с другими правилами общежития. И благо, что люди её колыбельного общества, достаточно мудры, чтобы позволить сделать это оступившемуся юному созданию. Чем и пользовалась Алия. Впрочем, её моральный облик был вовсе не однозначен.

Но, пора нам, мой эксклюзивный читатель, обратиться к личной жизни Ростислава Клыня, снявшего на мобильник очередное скандальное видео. О нет! Извините, бес попутал. Возвращаемся к рассказу об Иване и Ясмине.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, ОБРУЧАЮЩАЯ

«...когда он, как ему казалось,
по собственной своей воле женился на своей жене,
он был не более свободен, чем теперь, когда
его запирали на ночь в конюшню»
Л. Толстой, «Война и Мир».

В понедельник Иван приехал в университет, и Ясмина улучила пятнадцать минут, чтобы с ним повидаться. Наших героев теперь сильно влекло друг к другу, с каждым днём сильнее. Взаимный интерес и желание быть рядом заполняли их всё больше. Они условились встретиться в воскресение. В этот день, с утра, Ясмина намеревалась с подругами пройтись по нескольким магазинам и рынкам. Девушки собирались присмотреть себе обновки на летний сезон. Наша принцесса задумала пораньше отделиться от своих спутниц, чтобы прогуляться с Иваном в центре города. Так она и сделала.

Возле «Детского мира» Ясмина рассталась с подругами, сказав им, что ей надо очень спешить по какому-то делу. Девушки, кстати уже мало сомневались, что Ясмина ведёт тайную личную жизнь. Они, правда, не думали, что она встречается с Иваном. Думали, с каким-то парнем своей народности или, по крайней мере, с кавказцем. Только Лана иногда высказывалась, будто ей кажется, что это Иван, но остальные подруги неистово ей возражали. Конечно, пытались что-то узнать и у самой Ясмины, но та пресекала такой интерес к себе. Собственно, она в

последнее время меньше общалась с ними. Когда же просила прикрыть её, на случай вопросов и проверочных телефонных звонков, то говорила, что идёт гулять, хочет побыть одна.

Парень и девушка, чьими именами названо наше повествование, встретились в начале Мясницкой улицы. Иван, понятное дело, девушку приобнял за талию, в щёчку её чмокнул – ну, всё, как у них, местных парней, водится на не первом свидании. А Ясмина… она другая. Она девушка, целомудренная, строгая, кавказского воспитания. Разумеется, застыдилась прилюдного проявления чувств. Отклонилась телом своим гибким, заулыбалась застенчиво, мол «чё ты на людях-то меня тискаешь, Вань? опупел чё ль?». Отшагнула в сторону, локоток слегка выставила. В общем, сделала всё так, как порядочная девушка должна делать в таких случаях. И понял Ваня, что заплыл за буйки. Растерялся чуть. Спрашивает:

– Ты чего?

– Ничего, – отвечает красна девица.

– А почему отстраняешься? Думаешь, увидит кто-то?

– Нет. Я сама так не хочу. Мне не нравится так. Люди же смотрят. Ты для них делаешь?

– Да, нет… Я не думал ничего такого. Просто, думал, тебе будет также приятно, как мне.

– Ага… приятно. Чего приятного, когда тебя парень у всех на виду обнимает? Я что, такая? Я не хочу, чтобы ты себе разрешал со мной это.

– Как скажешь. Извини. Больше не буду.

– Я серьёзно. Я понимаю, что для тебя это может нормально, но я этого не хочу.

– И я серьёзно. Не буду больше, раз это тебе неприятно.

–Да, не приятно, когда люди видят.

Они стояли напротив друг друга. С одной стороны от них лежала Лубянская площадь, гудящая и шумящая несущимися по ней машинами, а с другой – Мясницкая улица, теряющаяся в вывесках, дорожных знаках и проводах. Стояли два человека, имеющих взаимную тягу, но сдерживаемых осторожностью и условностями собственного миропонимания. Иван поглядел по сторонам и, отворачиваясь от Лубянки, предложил:

– Пойдём?

Ясмина, тоже повернулась вслед за Иваном, и сделал шаг вперёд:

– Пойдём.

– А куда? Может быть, ты хочешь сходить куда-то?

– Нет. Мне всё равно, – но сделав несколько шагов, указывая рукой, сказала. – А вон книжный магазин. Зайдём туда? Мне надо посмотреть там книгу.

– А… это «Библио-Глобус». Пошли. Хочешь книгу купить?

– Да, для себя.

– Какую?

– А тебе будет не интересно, – Ясмина улыбалась. – Она больше для женщин.

– Роман какой-то?

– Нет.

– Психология?

– Нет. Одна бразильская журналистка пишет. О себе.

– Понятно. Похождения всякие, интимного характера.

– Нет! Не совсем так.

– Не думал, что тебе такое нравится. А только что обняться не захотела.

– Совсем не так. Вот куплю и дам тебе читать, тогда узнаешь.

– Как называется-то? – спрашивал Иван, открывая дверь магазина, и пропуская вперёд Ясмину.

– Не помню. Я её по картинке узнаю. У знакомой одной видела.

Они пробыли в магазине минут сорок. Когда вышли на улицу с пакетом, в котором находились три книги, Ясмина спросила:

– Ты на машине?

– Да.

– А где она?

– Там, недалеко, за углом, – Иван указал кивком головы в сторону Лубянской площади. – Ты хочешь куда-то поехать?

– Нет. Так спросила.

– Хочешь, оставим пакет в машине и пойдём дальше?

Он забрал у Ясмины пакет с книгами, и они пошли по Мясницкой в сторону Бульварного кольца.

– Как твои родители? – спустя некоторое время спросила Ясмина.

– Нормально. Кстати, тебе привет передавали. Забыл сказать.

– Спасибо. От меня им тоже передай.

– И сестра передавала привет.

– Спасибо. И ей тоже. Что она делает?

– Что обычно, учится, рисует. Отец хочет для неё арендовать площадку на «Винзаводе», для выставки, а она не соглашается.

– Винзавод?!

– Бывший. Одно название осталось. Там сейчас выставочные залы.

– А почему сестра не соглашается?

– Говорит, рано пока. Наверное, боится, что её раскритикуют.

– Дорого стоит аренда?

– Не знаю. Но суть не в этом. Отец хочет не персональную выставку устроить для неё. Там есть ещё пять-шесть желающих. Все вместе, на одной площадке. Так дешевле и интереснее. Несколько художников больше соберут людей, чем один. По крайней мере, пока художники не известны. Приходят на одного, а смотрят других тоже. А выставки по-любому нужны, чтобы продвинуться. Чем раньше – тем лучше. Поэтому отец настаивает. Но она вся прямо на нервы исходит, когда о выставке слышит.

Они шли по чистому тротуару, омытому коротким утренним дождём, а недавно и поливальными машинами. Дул несильный ветерок, и солнце время от времени скрывалось в полупрозрачных облаках.

Ясмина была одета в тёмно-синие джинсы, лазоревую рубашку навыпуск и сероватый пиджачок. Её ноги были обуты в лакированные лазоревые туфли на шпильке и с высоким задником. Шелковистые локоны её волос в основании головы были охвачены боковыми прядями косичек. На Иване были бежевые брюки свободного покроя, серебристо-серые кроссовки, полосатая сине-фиолетовая рубашка и пиджак абрикосового цвета.

Они шли хотя и рядом, но врозь, и Иван чувствовал неловкость от этого. Наконец, когда очередной встречный прохожий прошёл между ними, Иван приблизился к Ясмине и, чуть выставив согнутую в локте левую руку, предложил: «Прошу». И Ясмина,

ни слова не говоря, не глянув на него, и даже не улыбнувшись, зацепилась за руку Ивана и даже довольно плотно прижалась к нему. Дальше они шли рука об руку.

В какой-то момент он спросил Ясмину:

– А ты умеешь готовить?

– Ну да. Но ничего сложного. А что ты хотел узнать?

– Хотел узнать, умеешь ли ты готовить? – он с улыбкой взглянул на свою спутницу. Ясмина застенчиво улыбнулась в ответ.

– Суп могу сделать, котлеты… из мяса могу что-то сделать. Ты хочешь узнать, могу ли я русскую кухню готовить? Ну, не знаю… Пельмени не делала, голубцы тоже. Борщ могу. Щи не делала. Щи разные бывают. Могу блины, оладьи. Что ещё? Я себе готовлю на завтрак суп молочный с вермишелью. Мне нравится. И кашу рисовую с молоком. Тоже люблю. Готовить – не трудно. Если надо, я могу приготовить.

– А печь сладости умеешь?

– Сама не делала, но помогала маме, бабушке, и с сёстрами пекла. Что-то могу…

– Я просто вспомнил о восточных сладостях.

– А… Ну это в Иране, в Индии… оттуда пришло к нам что-то, но не много. У нас готовят, конечно, на праздники и на свадьбы. Сейчас больше покупают. Мало кто сам выпекает. Старики только.

– У нас бабушка печёт сладости иногда. Мать ей помогает тоже.

– Русские сладости другие. У вас с этим… как зовут, забыла… ну, чтобы тесто вспухало.

– А! Дрожжи.

– Да. У вас с дрожжами много сладостей. И на молоке. Они не очень долго хранятся и тепло не любят. А у нас наоборот.

– Ну, не только на дрожжах и молоке… Но, в общем, да.

– А ты что, сладкое любишь? Сладкоежка, да?

– Не сказал бы, что прямо так, очень… К слову пришлось. Раз мы затронули кулинарную тему, то решил раскрыть её шире.

Ещё через некоторое время Иван сказал:

– Слушай, а ведь скоро семестр заканчивается. Ты, наверное, домой поедешь?

Ясмина взглянула на Ивана и кивнула.

– А родители сюда, в Москву, не собираются?

– Нет пока. Осенью, наверное. За мной брат старший должен заехать, из Воронежа.

– В отпуск едет?

– Да. С семьёй.

– А он женат?.. я давно хотел спросить.

– Конечно. Он же старше меня. У него жена русская, и у них двое детей.

– Значит, ты уже тётка?

– Угу.

Немного помолчав, Ваня спросил:

– Ты понимаешь, да? почему я о твоих родителях спрашиваю?

– Да, – отвечала Ясмина неуверенно.

В этот момент они подошли к цветочной лавке, и парень, бросив девушке «сейчас», зашёл внутрь. Спустя минуту он появился на улице с букетом белых хризантем и алой розой на совсем коротком обрезке стебля. Он тут же вручил букет Ясмине, а розу вставил в верхнюю прорамку её пиджака.

– А пойдём, сфотографируемся, – предложил он, после того как отошёл на несколько шагов от Ясмины и оглядел её, любуясь.

– Ой, я не готова. Надо по-другому одеться.

– Ты намекаешь, что сначала тебе надо купить платье?

– Нет! Ты что? Просто я не готовилась… и причёска не такая.

– Перестань! На свадьбу будешь готовиться, а сейчас у нас будет фото-импровизация. Там. Вон вывеска, – и он, взяв Ясмину за руку, потянул в фотоателье.

За снимками их попросили зайти через час. Молодые люди продолжили прогулку. Шагов через сто пятьдесят, на углу в переулке, им попалась симпатичная кофейня. Ребята сели за столик и сделали заказ. Иван сказал:

– Ясмина, давай поговорим о серьёзном. Нам надо определиться. Ты не против?

Она отрицательно покачала головой.

– Тогда слушай. Я готов сейчас зайти в магазин и купить обручальные кольца. Мне нужно твоё принципиальное согласие. Если ты дашь согласие, мы можем обговорить детали. Твоё слово, – и он выжидающе посмотрел на Ясмину.

Она несколько секунд сидела, опустив взор, а потом подняла взгляд на Ивана. В увлажнившихся глазах Ясмины была даже не скорбь, а боль. Тихая душевная боль. Девушка выждала некоторое время, и произнесла:

– Я согласна, – и тут же продолжила. – Но этого мало.

– Хорошо. Ты дала мне ответ. Я надеялся именно на такой ответ. Теперь мы могли бы обговорить

частные вопросы. Или ты хочешь, чтобы я сначала купил обручальные кольца?

– Нет. Может даже пока не надо. Только… – она осеклась. К ним подошёл официант и стал расставлять на столе заказанные блюда (сок, блинчики, пирожное). Когда он ушёл, пожелав приятного аппетита, Иван сказал:

– Я знаю, ласточка. Знаю, какие трудности у нас могут быть и чего ты боишься. Мы это сейчас обсудим.

– Слушай, Иван! Только это не так, что «давай поженимся, поживём, а потом, если не понравится, разойдёмся». Нет! Это навсегда!

В этот момент она глянула куда-то в сторону и сказала негромко: «Давай в другом месте поговорим, ладно? Тут много людей. Как будто все меня знают, смотрят и слушают. Я хочу поговорить, но не так», – и она развела в стороны поднятые к верху ладошки.

Посидев в кофейне более четверти часа, они встали, и Иван сказал:

– Идём, где-то тут должен быть ювелирный магазин.

– Зачем? Может потом?

– Потом суп с котом. Пошли искать! А давай ты будешь у всех спрашивать, где тут ювелирный, и объяснять, что нам надо срочно обручиться, а?

– Ага, конечно… – натянуто улыбнулась девушка.

Они довольно быстро набрели на золотную лавку, где из двух десятков, имевшихся в наличии, колец, Ясмина минут двадцать выбирала достойное её безымянного пальчика. Не выбрала! Иван удивлялся: для него они все были или одинаковыми, или почти одинаковыми. Отличались лишь весом и размером. Он готов был купить три пары (денег у Ивана хватало), чтобы свести ошибку выбора к минимуму, но такой

выход из покупательского тупика не устроил Ясмину. Она была раздражена. Молодые люди пошли искать другую лавку. Нашли в каком-то переулке. Но перед магазином Ясмина резко остановилась и сказала:

– Может быть, всё-таки рано? Просто, мне нужно тебе объяснить, понимаешь? Я не хочу просто так!

– Нет! – твёрдо объявил Иван. – Если что-то не так, то кольца можно сдать. Оставь мне эту заботу. Ладно?

Минуты через три выбор был сделан. Иван оплатил покупку, и хотел надеть кольцо на пальчик Ясмины прямо в лавке, но не тут-то было: купил? вот и хорошо, ты этого хотел, а теперь выслушаешь, что я хотела тебе сказать, и тогда уже посмотрим, что делать с кольцами.

Они направились обратно на Мясницкую, чтобы получить фотографии. Похоже, снимки понравились обоим, хотя Ясмина нашла в них объекты для самокритики. Иван предложил сфотографироваться снова, теперь уже с кольцами на пальцах, но девушка поспешила покинуть ателье. Впрочем, лицо её светилось. Затем они пошли к машине Ивана. Там и состоялся их самый важный, наверное, разговор.

– Давай сначала поговорим, а потом поедем, – предложил Ваня.

– Вот слушай, – Ясмина, сидевшая на пассажирском сидении, развернулась к нему всем туловищем. – Я согласна… да? Но это должно быть серьёзно.

– Я это понял. Хотя, знаешь, загадывать на пятьдесят лет нельзя…

– Вот так, да? – оборвала его Ясмина.

– Подожди! Подожди. Я ещё не всё сказал. Загадывать нельзя, но стремиться надо. Я тебя понял.

И ты меня пойми. Я понял, чем руководствоваться. Надо стремиться сохранить брак. Я понял. Но сейчас я и в мыслях не могу представить, чтобы тебя бросить.

– Сейчас?

– Да, сейчас. Я тебя прошу, ты не придавай особого значения некоторым словам. Ты услышала только это слово, а остальные я для кого говорил?

– Тогда, вот ещё. Пока мы не сыграем свадьбу, у нас ничего такого не будет. Понял, да?

– Как не понять? Доходчиво и прямо. Я сразу понял, о чём идёт речь. А почему?

– Ты что?.. – Ясмина осеклась, видимо, проглатывая оскорбительное слово. – Совсем не понимаешь? Если это будет, то я буду опозорена. Я же не русская. У нас так нельзя. Только после свадьбы. Если свадьба не получится у нас, тогда кто меня возьмёт? Даже нормальный русский меня не возьмёт.

– Ну, это ты…

– Э, я знаю, да! Я же тебе сразу говорила, чтобы ты выслушал сначала. А ты хотел сразу кольца купить. Ты для этого хотел купить?

– Стоп! Ясмина, не нервничай. Давай, спокойно обсудим. Я просто хотел уточнить. Ты мне назвала причину, и до меня дошло. Если мне объяснять спокойно, то я на лету схватываю. Имей это ввиду и чаще пользуйся.

– Хорошо. Понимаешь? это и для меня надо. Мне тоже… ты мне тоже нравишься. Лучше, если до свадьбы мы будем просто гулять и всё. Не надо меня долго целовать, и в губы. Не надо обнимать. Мне трудно остановить тебя… и себя. Поэтому… Понимаешь, да?

– А, ну да. Понимаю. Ладно. Хотя я привык к другому.

– Может, тогда ты найдёшь себе русскую? Обнимай, целуй, что хочешь, делай! Они ничего не скажут. Скажут только «давай, давай». Они такие. Найди себе русскую.

– Я уже нашёл тебя. Я подожду. Ещё есть условия?

– Не знаю. У меня нет, но мои родители… и другие родственники…

– Другие родственники?

– Да. Я боюсь, что отец не согласится. Если бы ты был мусульманин… понимаешь?

– Блин… ну он же у тебя был военным, в России жил. Что, он так прямо будет против?

– Это ничего не значит. Наши родственники и друзья ведь другие. Даже если отец будет на моей стороне, он же должен думать о семье… Мне тяжело объяснить тебе. Это надо там жить, знать. Отношение людей такое. Они будут искать причину, чтобы унизить нашу семью. Мусульманская девушка должна выходить замуж только за мусульманина. Такой у нас закон.

– И ты так считаешь?

– Я не знаю, – в её глазах появились слёзы. – Я не знаю! От меня могут все отвернуться. Все родные и друзья. Моего ребёнка будут обзывать, унижать. Мою дочку могут… Я не хочу этого. Я не хочу остаться одна, если родственники не будут со мной общаться. А если ты потом отвернёшься от меня? Или с тобой что-то случится? Я останусь одна! Я боюсь, понимаешь? боюсь.

Она заплакала. Достала носовой платок из кармана пиджака, но опустила голову, уткнулась в ладони и громко зарыдала. Растерявшийся Иван говорил успокаивающие фразы и гладил Ясмину по

волосам. К своему стыду, он обнаружил, что в нём растёт возбуждение. Даже в такую минуту близость девушки будила в нём мужское вожделение, и он чувствовал злобу к себе… и эта же злоба оборачивалась нежностью и состраданием к Ясмине. Девушка рыдала с минуту, а затем быстро замолкла и успокоилась. Угасающие всхлипы несколько раз колыхнули её тело. Она вытерла слёзы, высморкалась. Иван, глядя в её покрасневшие глаза и на порозовевший кончик носа, сказал: «Ты меня расстраиваешь. Я уже сам боюсь. Боюсь, что ты заплачешь, если я заговорю о женитьбе». Ясмина посмотрела на Ивана, потом опустила взгляд, и произнесла:

– Я боюсь говорить родителям. О тебе, о нас… Я не знаю, как это сделать? Мне страшно.

– Ну, я так и понял.

– Отношение поменяется сразу. И я не знаю, что будет. Как жить?

– А что будет? Не выгонят же они тебя.

– Не знаю, – видимо, оставаясь в собственных мыслях, а не отвечая Ивану, произнесла Ямина.

– Да ну… какой смысл? Им вообще лучше шум не поднимать, если они так на религии заморочены. И другие тоже, если такие замороченные.

– Почему ты не хочешь принять ислам? – вдруг спросила Ясмина, подняв на Ивана большие, помутневшие в эту минуту, глаза.

– Я? – в изумлении спросил Иван. – Ну, знаешь… Я не весть какой христианин, но менять веру… Нет, я не имею ничего против. То есть, кое-что имею… Слушай! Я же обещал, что не буду препятствовать тебе в религии. Веруй, в кого хочешь!

– Ты опять не понимаешь. Это надо не мне… нет, подожди. Это надо мне, потому что другим это важно.

– А я другим не предлагаю замуж за меня выходить. Ага.

– Опять не понимаешь. Я не могу так. Ты хороший, ты нужен мне. Но мои родители и мои родственники тоже мне нужны. И все мои друзья и знакомые. Я хочу с ними хороших отношений.

Она замолчала. Молчал и Ваня, раздумывая над словами Ясмины. Вот, вроде бы всё решилось уже, и Ясмина согласна стать его женой, на всю жизнь готова стать его… но чужое мнение разделило их, чужой устав. Ему не легко, а уж как тяжело ей!

Они долго сидели молча, несколько минут. Ясмина думала, что сказала достаточно, чтобы её можно было понять. Иван слушал редкие всхлипывания Ясмины, и думал о том, что оба они находятся в тупике страха: они оба боятся потерять друг друга, а Ясмина ещё боится продолжения их связи. В конце концов, страх поглотит их чувства, поглотит их совместное будущее. Никто так и не узнает, могли бы они испытать совместное семейное и личное счастье? Но многие уже сейчас уверены, загодя и не ведая их истории, что они не имеют права на совместное счастье и счастливыми быть вместе не смогут. Только действия, решительные действия могут подавить страх воображаемых неприятностей. И Иван сказал:

– Я не хочу тебя терять, но я тебя совсем не получу, если мы зависнем в таком положении. Куда не кинь, всюду клин. Менять веру в угоду кому-то я не собираюсь. Я вот, от тебя тоже мог бы ожидать, или даже требовать перейти в православие, но я ведь ни разу тебе об этом не заикнулся.

– Я тоже не сама. Мне лично от тебя этого не надо.

– Но тогда о чём речь? Я знаю одно: надо попытаться, и тогда мы узнаем. Я посватаюсь к тебе, поговорю с твоими родителями.

– Отец разозлится и меня заберут домой.

– Мы ещё вначале обсуждали такой вариант, но я предложу его опять. Допустим, мне откажут, а я тебя украду? Если ты не против, конечно.

– Родственники придут с полицией и заберут меня домой. Они скажут, что ты меня похитил. Если не отдашь, начнут дело о похищении. У нас всегда так делают, если девушку крадут без её согласия.

– Мало ли, что они скажут. Ты скажешь, что добровольно…

– Это значит, что я убежала с кафиром. Меня будут ненавидеть. Это позор для семьи. Я так не могу.

– Замкнутый круг. Ладно, ты говоришь отец, отец… а мать что?

– Она сделает, как скажет отец. Даже если не согласна. Но она будет согласна с ним.

Иван опять погрузился в раздумья. Через некоторое время он сказал:

– Так. Я подумаю, поговорю со своими. Придумаем чего, не придумаем, но через неделю я поговорю с твоими родичами. Нет никакого смысла ждать. Согласна?

Ясмина помолчала, и сказала еле слышно: «Не знаю». Иван поглядел на неё, улыбнулся, после чего, обхватив одной рукой за плечи, притянул к себе. Она, словно ожидая такого жеста, прильнула головой к его груди. Оба понимали, что такое проявление нежности нужно обоим, и Иван даже в мыслях не желал в эти

мгновения большей близости. Так они сидели несколько минут, а потом Иван спросил:

– Ясмина, но ты ведь со мной?

– Да, – отвечала она не отнимая головы от его груди.

Иван испытывал опасение, что это «да» останется последним «да» услышанным от Ясмины. Она может подчиниться воле обстоятельств и отказаться от него. Откажется ради спокойной жизни, ради предсказуемого будущего, ради своего колыбельного мира. Ему надо было повести её за собой, прикрепить её к себе. Она нужна была ему. Иван сейчас больше всего на свете хотел удержать Ясмину. Он заговорил:

– Я не знаю, как дальше сложится, но есть двое, ты и я. А вокруг другие люди… родичи, друзья, знакомые и вообще незнакомые… но мы для себя приняли решение. У нас есть одна цель на двоих. У нас с тобой собственные намерения. Я купил кольца не просто так. Это показывает моё намерение. И твоё тоже, верно? – он осторожно отстранил Ясмину и вытащил из кармана кольца. – Я хочу в знак нашего обоюдного намерения, надеть их на пальцы.

Он взял руку Ясмины. Девушка повиновалась. На секунду она подняла взгляд на него. Он улыбнулся. После этого он взял меньшее кольцо и надел его на безымянный пальчик Ясмины. Она поправила колечко, несколько мгновений глядела на него безучастно, а потом, сжав ладонь в кулачок, положила руку на бедро. Второе кольцо Иван, с небольшим усилием, надел на палец своей левой руки. Он побольше развернулся телом к девушке, выставил обручённую ладонь немного в сторону и вперёд, другой рукой прижал правую ладонь Ясмины к своей. Их обручённые руки сцепились пальцами. Он наклонился

к Ясмине. Она тоже едва заметно подалась к нему. Они поцеловались.

Позже он довёз свою избранницу до её дома. Они попрощались. Она вышла из машины и скрылась, сначала за углом, а потом в подъезде. Он не видел, как она, задержавшись на секунду перед лифтом, сняла кольцо с пальца и положила глубоко в сумочку.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, ЗАСТАВЛЯЮЩАЯ НАПРЯЧЬСЯ

«Ступай размеренной поступью и понижай свой голос,
ибо самый неприятный голос – это рёв осла»
Коран, сура «Лукман».

И случилось так, что в день тайной помолвки Ивана и Ясмины, её подруги зашли в магазин, который содержал хороший знакомый Алифа и Розы. Жена владельца магазина, работавшая там же продавцом, знала подруг Ясмины, так как они уже не раз заходили сделать покупки. И вот, хозяйка-продавец видит, что Ясмины с девчонками нет, спрашивает у них, мол, куда подругу подевали? Те отвечают, что дела у неё свои, потому и отделилась она. Женщина через некоторое время, то ли засвидетельствовать своё почтение, то ли из интереса, позвонила Розе. В ходе разговора она спросила, чего это ваша племянница не зашла с подругами к ней в магазин? Не поссорились ли они?

И тётя Роза стала допытываться у Ясмины, почему она не была с подругами? Где она была, когда подруги искали себе обновы в лавке? Сомнения стали одолевать её. Она и так заметила, что глаза у племянницы вроде как заплаканные, что внутренне она напряжена. Да и частые её отлучки из дома в последнее время припомнила тётя Роза. Ясмина не могла дать ей приемлемого ответа. Ей действительно было трудно объяснить своё отсутствие. И она не нашла ничего лучше придумать, как сказать, что у неё началась…

Извините, но автор не врач-гинеколог, а потому о таких интимных моментах в жизни женщины вынужден говорить намёками. Ну, неприлично об этом говорить мужчине. Автор полагается на понимание своего хорошо воспитанного читателя.

В общем, это началась неожиданно и ей пришлось отлучиться, чтобы без посторонних сделать то, что в таких случаях делает женщина. Роза не поверила, потребовала доказательств. Ясмина пошла в ванную комнату, легонько порезала бритвой палец, произвела некоторые манипуляции… но убедить тётю ей не удалось. Наоборот, она вызвала возмущённое недоверие. В некоторых случаях женщине очень трудно обмануть другую женщину, особенно опытную. В общем, – назрел скандал. Роза позвонила подругам Ясмины, Лане и Меси. Те были на стороне подруги, но что они могли сделать? Ведь они не сговаривались с ней. И Роза прямо обвинила Ясмину в том, что та с кем-то тайно встречается. Алифа не было дома, но она позвонила ему и рассказала о своих подозрениях. Тот пообещал скоро приехать и разобраться.

А Иван… А Иван понимал, что ему необходимо поговорить с родителями, но не мог решиться. Что он скажет? Что девушка, за которой он ухаживает, и которая снится ему по ночам, не может ему принадлежать? Что Ясмину не отдадут за него, если он не станет мусульманином? Ему было крайне неловко. Он позвонил своему другу Кириллу, и вместе они поехали в борцовский клуб. Там у Ивана был хороший товарищ, даже, можно сказать, друг. Звали его Аслан, убых по народности. Чуть старше Вани, он недавно стал одним из двух помощников тренера. Иван помнил, что у Аслана был друг Алексей, прежде занимавшийся самбо вместе с ними. Он, в свою

очередь, был чуть старше Аслана, но несмотря на это они дружили, и некоторое время довольно близко. Иван же был знаком с Алексеем постольку-поскольку. Однако он знал, что Алексей женился на родственнице Аслана, мусульманке. К этому Ваня постепенно и подвёл разговор с Асланом.

– Как же родители отдали за него девушку? – спрашивал Ваня своего товарища. – Вы же мусульмане, а он нет.

– Он ислам принял, – отвечал Аслан. – Не хотели отдавать. Её в доме закрыли, наказали. Тогда он пошёл и принял ислам. И потом пришёл к её отцу, сказал, что теперь он мусульманин. Отец сначала не хотел. Может, не верил или ещё почему-то не хотел, а потом дал им жениться.

– Он что, обрезание сделал?

– Нет, – усмехнулся Аслан. – Можно без обрезания. Надо найти двух мусульман и сказать им шахаду по-арабски или по-русски. Это такое свидетельство мусульманина, почти молитва, совсем короткая. Эти два человека становятся свидетелями. И всё.

– Так просто?

– Да. Мне кажется, он так просто сделал, чтобы жениться на ней. Не по-настоящему.

– Как это?

– Так. Что, думаешь, кто-то проверять его будет? Один раз в год сходит в мечеть, чтобы намаз сделать, и всё. Бывает, что родственники требуют, но это редко. Они живут отдельно, к тому же его жена и её семья не очень религиозные. Так... чтобы другие родственники ничего не говорили, считают Лёху мусульманином, а как на самом деле, кто знает? Сейчас такое время. Я

сам так, номинально мусульманин, но реально… Пусть каждый живёт, как хочет.

– А ты видишься сейчас с ним?

– Да. Вот, в ту субботу сидели у него, коньяк пили. У его старшего сына день рождения был, три года.

– А, дети, значит, уже есть?

– Конечно. Двое. Мальчик и девочка.

– А мальчику надо обрезание делать?

– Да. Через год хотят делать.

– А если не будут?

– Нельзя. Ты что? Скандал будет. Это закон. И для чистоты тоже хорошо. Гигиена. Обрезание обязательно у нас. Это даже не столько религиозная, как народная традиция.

– Но Лёха-то русский.

– Ну и что? Если он принял ислам, то обязан сделать обрезание сыну.

– Ты же говоришь, что он не по-настоящему.

– Нет. Я так не сказал. Я сказал «может быть». Теоретически. Но вообще, в исламе есть такое понятие, как «ложная клятва» что ли… когда человек говорит, что он мусульманин, а на самом деле – нет. Знаешь, в Саудовской Аравии, мусульмане-сунниты платят меньше налога, чем другие. И ещё раньше было, что собирали дань с евреев и христиан больше. Или на войне, когда брали в плен, то всех, кто не мусульманин, убивали или продавали в рабство. Вот, чтобы этого не было, некоторые, в основном евреи, потому что они обрезаны, обманывали, что они мусульмане. Вот это называется, по-моему, мунафик. Так делать нельзя. Поэтому я про Лёху так не говорил. Это между нами, ладно? Просто болтали.

Неизвестно почему, но настроение Ивана поднялось после этой товарищеской болтовни. Автор теряется в догадках о причине, ну прямо теряется. Между тем, события в доме Алифа и Розы, к концу этого разговора пока не начались. Иван ещё час пробыл в клубе и поехал домой уже полный решимости поговорить с родителями. Так или иначе, через неделю, а то и раньше, ему придётся сделать шаг, как он обещал Ясмине.

Отец должен был возвратиться домой к пяти вечера – у него в этот день были важные дела в Москве, с партнёрами. Ваня же горел желанием поделиться с Ясминой своими новыми мыслями. Наконец, он отправил ей эсэмэску такого содержания: «Я знаю, что надо сделать. Но надо обсудить с тобой». Роза в эти минуты начинала домашнее следствие. У Ясмины болела голова, распухая от множества вопросов, поступающих как снаружи черепной коробки так и рождающихся внутри неё. Подруги, одна за одной, перезванивали ей, пытаясь узнать, что происходит? Тётя Роза контролировала эти звонки, спрашивая «Кто это?» и прислушиваясь к разговорам. Сообщение от Ивана она тоже встретила в полной боевой готовности, в отличие от Ясмины. Услышав короткий мелодичный сигнал девушка взяла телефон, увидела отправителя и… обомлела. Иван значился у неё как «Галина Максимовна» – так звали одного из университетских преподавателей Ясмины. Тётя Роза была тут как тут! «Кто это?» – спросила она. «Так, – отвечала Ясмина, ускоренно удаляя сообщение. – Реклама. Про кредит что-то». «Дай, посмотрю», – говорит старшая родственница». «А я уже стёрла», – отвечает ей побледневшая Ясмина.

И сразу же подозрения тёти Розы к Ясмине перешли в фазу обострения. Она потребовала у племянницы телефон. Ясмина попыталась протестовать (без лозунгов и транспарантов – одним бухтением), но тётя повысила громкость речи и ужесточила формулировки. Ясмина отдала ей мобильник. Домашнее следствие обзавелось первым вещдоком. Тётя Роза начала просматривать контакты, требуя развёрнутых сведений о каждом фигуранте телефонного перечня. Под подозрение попадали все, начиная с бесплатной службы сервиса Мегафона. Когда очередь дошла до «Галины Максимовны», Ясмина конечно сказала, что это её препод, но только говорила она как-то неубедительно. Неубедительно – для тёти Розы. Та сразу внесла Галину Максимовну в список экстремистов-соблазнителей. Таким образом, они дошли до конца перечня, и в дедуктивные сети тёти Розы попала тройка лиц, вызывающих наибольшее подозрение и отвращение. Возглавляла тройку Галина Максимовна. Однако тётя пока ничего не стала предпринимать и перешла к отправленным и полученным сообщениям. Но тут Ясмину нельзя было вывести на чистую воду, так как она старалась сразу же удалять всякие сообщения, не говоря уже о посланиях Ивана. Проверив телефон, Роза однако не стала возвращать его племяннице. Видимо, она рассудила, что если удалённое Ясминой сообщение было не рекламой, то Ясмина должна на него как-то среагировать. А если она не ответит, то может поступить повторное сообщение или даже звонок. Поэтому она устроила засаду на телефоне.

Ну, а Иван, не подозревающий о происходящем с Ясминой, и уж тем более не догадывающийся, что кем-то он идентифицируется как «Галина Максимовна»,

ожидая отца, сел за стол, чтобы пообедать. С ним обедали мама и бабушка. Заговорили о Ясмине. Иван рассказал об их отношении всё как есть, в том числе и о сегодняшнем разговоре. Правда, до поры он утаил новость о своей тайной помолвке. Затем он в вкратце изложил историю рассказанную Асланом. Нельзя сказать, что маме и бабушке Ивана понравилась идея с переменой вероисповедания.

Пока разговаривали, возвратилась домой сестра. Даша тоже включилась в разговор и поведала о том, что у неё есть хорошая знакомая лезгинской народности. Девчонка из культурной, образованной семьи, и в Москве её предки уже лет около ста живут, ещё со времён социалистической революции. Тоже вроде как числятся мусульманами, но она стала встречаться с русским парнем. Парень тоже из культурной семьи, сам МГИМО заканчивал, а семья богатая. Отец у него работает в крупной госкомпании управляющим. Так вот, родители девочки, можно сказать, не имели ничего против. Только попросили, чтобы девушку никак не ограничивали в вероисповедании. Обручили её, теперь готовятся к свадьбе.

Но тут беседующие сошлись на том, что отношение к вероисповеданию зависит от того, из какого круга люди. Если культурные, высокообразованные, то и отношение к религии у них спокойное, без заскоков. А если это селяне, спустившиеся вчера с гор, или торговец, то такой скорее будет ориентироваться на других людей, на исконные правила своего круга, а не на собственный рассудок. К такому выводу пришли беседующие. Автор же не спешит обнародовать собственное видение данной проблемы.

А что же происходит с Ясминой?

Гостиная. Приехал Алиф. Вид у него был как у грозовой тучи. Перво-наперво он выслушал свою супругу. Рассказ Розы был эмоциональным, изобилующим категорическими высказываниями. Мой благородный читатель, ваш покорный слуга тоже зачастую категоричен в суждениях, но в сравнении с ней, наверное, просто мямля. Алиф слушал свою благоверную, и порою медленно поворачивал лицо к Ясмине. Ну прямо чёрный ворон. Того гляди, глаз выклюет. У Ясмины сжималось сердце. Да что там сердце! Она вся сжалась!

Выслушав жену, Алиф спросил племянницу:

– Ну, что скажешь, Ясмина?

Племянница прямо взглянула на дядю и сказала:

– А что мне говорить? Я ничего плохого не сделала.

– Вай, на неё посмотри! – воскликнула тётя, а Алиф спросил:

– Ты слышала, что говорит Роза?

– Слышала.

– Она обманывает?

– Не знаю.

– А кто знает? Кто про тебя знает?

Ясмина молчала. От дверей гостиной на неё глядели брат и сестры. Тётя Роза сверлила её злыми глазами. Алиф продолжил:

– Ясмина, твоя семья, твой отец лично доверил нам тебя. Мы за тебя отвечаем. Пока ты у нас, мы несём за тебя ответственность перед твоей семьёй. Мы в любом случае несём за тебя ответственность. Если ты опозорила себя, твой позор ляжет на всех нас.

Ясмина молчала, а Роза подтвердила слова мужа парой довольно грубых фраз. Алиф строго посмотрел на супругу, и та умерила свой пыл морализотора.

– Смотри, – говорил Алиф Ясмине, – я тебя не обвиняю. Ты приехала в Москву, здесь другая культура, ты почувствовала свободу, отец далеко. Так, да? Но не забывай, что ты не русская. У нас свой устав. Поэтому ты должна вести себя прилично, как положено мусульманке, даргинке.

Племянница слушала молча.

– Ты себе мужа хочешь найти? У нас так не водится, ты знаешь. У нас мужчины выбирают скромных девушек. Парень тебе должен предложить, а у тебя есть право согласиться или не согласиться. К тебе недавно сватались, а ты не соглашалась. Тебя никто не принуждал, верно? У тебя полная свобода. Может тебе нравится кто-то, а он тебя не замечает? Тогда скажи нам, твоим родственникам, и мы найдём способ познакомить его с тобой, намекнём ему. Так у нас делается. Скажи, есть у тебя кто-то на примете?

Ясмина быстро взглянула на дядю и тут же опустила взгляд:

– Нет.

– Да что с ней разговаривать? – возопила Роза. – У нас в её телефоне есть несколько номеров, надо позвонить на них.

– Роза, помолчи, – предложил Алиф своей супруге, после чего обратился к Ясмине. – Может быть, дело зашло далеко? Ты встречаешься с кем-то? Может быть, дело зашло слишком далеко? Отвечай.

– Нет.

– Что, нет? Не встречаешься или не зашло далеко, а?

Возможно, если бы эти вопросы задавали отец и мать, она сразу сказала бы им правду, попыталась бы убедить их в своём праве на выбор, но она не хотела открываться перед второстепенными родственниками, особенно в присутствии тёти Розы. В то же время, она не хотела отказываться от части своей жизни (тайной), ставшей уже весьма значимой. Поэтому она медлила с ответом. Для Алифа же её молчание говорило о многом. Он посмотрел на племянницу, сдерживая гнев, и спросил: «Ясмина, ты встречаешься с кем-то?».

И Ясмина ответила: «Да».

Выдохнули со стоном брат и сестра Забия, вскрикнула Роза, готовясь наброситься на девушку с руганью. А Ясмина тотчас продолжила:

– Но я никого не опозорила. Ничего такого у нас не было. И он хочет жениться на мне. Через несколько дней он будет разговаривать с моим отцом и свататься ко мне.

– Кто он? – спросил Алиф.

– Вот, он будет свататься, тогда узнаете.

Это прозвучала грубо по отношению к людям, у которых жила Ясмина и которые несли ответственность за неё. Сразу уразумев это, она, опережая возмущение родственников, сказала извинительным тоном:

– Пусть он с отцом поговорит сначала, и потом можно объявлять. Разве нет?

Алиф внимательно смотрел на племянницу несколько секунд, а затем задал ей вопрос:

– Ясмина, я сейчас спрашиваю тебя очень серьёзно: ты не опозорила нас?

И Ясмина, не чувствуя в эту минуту за собой вины, ответила:

– Нет.

Вроде бы она должна была таким ответом успокоить всех, но Алиф взорвался:

– Ты как русская потаскуха бегаешь на свидания в тайне от нас, и говоришь, что не опозорила?! Это не позор? Ты не знаешь, чем это заканчивается, ай бесстыжая?!

Он уже вскочил со стула, встал над съёжившейся Ясминой. Его дети скрылись в коридоре. Роза испепеляла племянницу взглядом полным ненависти. На языке у Ясмины вертелась фраза «я ничего не сделала», но произнести что-либо она сейчас была не способна.

– Когда к тебе сватаются, как положено, ты отказываешь, – продолжал горланить Алиф, – а сама гуляешь с мужчинами? Ты что, хочешь поссорить нас с Салимом? Чтобы он с меня спрашивал, почему мы тебя не сберегли, а? Хочешь, чтобы из-за тебя мы все дерьмом были вымазаны? Твою девичью честь нам доверили беречь, а ты, оказывается, такая бессовестная. Думаешь, твоя семья далеко, а на нас можно плевать?

– Нет! – наконец обрела дар речи Ясмина. – Что я вам сделала?

– Мы тебе доверяли!

Последние слова он сказал резко, быстро. После них на секунду повисла тишина.

Ясмина хотела что-то сказать в своё оправдание, но в этот момент Алиф замахнулся на неё…

– Замолчи! – рявкнул он.

Ясмина машинально отшатнулась и зажмурилась. Но дядя, постояв над ней несколько секунд, сказал, отступая:

– Пусть твой отец разбирается с тобой. Но после этого, думаю, тебя лучше отправить домой. Нам не нужен позор из-за тебя.

– Ты что, не хочешь узнать, с кем она встречалась, что они делали? – обратилась к нему Роза.

– Нет, – ответил ей Алиф, уходя из комнаты. – Пусть Салим и Халида сами узнают, с кем их дочка гуляет. Сейчас я ему позвоню.

А теперь посмотрим, что происходит в известном нам загородном доме.

Андрей Михайлович пришёл раньше, чем обещал. Светлана Николаевна вышла встречать его на крыльцо, вслед за ней вышли и остальные. Кроме Даши, которая поспешила зачем-то к себе в комнату. Через несколько минут она спустилась в столовую, где собрались бабушка, мать и Иван. Ещё через некоторое время к собранию присоединился и глава семейства, помывшись и переодевшись в домашнее. Супруга ещё на крыльце предупредила его, что сын хочет поговорить с ним. Теперь она уже накрыла на стол, приготовив для него суповую тарелку, а у остальных были чашки к чаю.

– А вы что, только чай? – спросил Андрей Михайлович, садясь за стол.

– Пора к ужину готовиться. Это ты сегодня загулял, – ответила ему супруга, и стала наливать мужу суп.

– Ну, сын, какие новости? – обратился Андрей Михайлович к Ивану, сам, между тем, приступая к супу.

– Есть кое-какие, но ты покушай сначала. Я подожду.

– Боишься подавлюсь? Что же за разговор ты мне приготовил?

– Да, есть у сына трудности, – сказала Светлана Николаевна.

– А мы предупреждали, – подсолила воду разговора бабуля.

Через три-четыре минуты с супом было покончено, Светлана Николаевна забрала у Андрея Михайловича тарелку, а дочь налила ему чаю.

– Так, – начал Иван. – Мы тут уже говорили, и я уже рассказал маме кое-что, но самое главное приберёг до твоего приезда.

– Мм… ну-ка, ну-ка… слушаю…

Все смотрели на Ивана, и он, оглядев всех, остановил свой взгляд на отце, и сказал:

– Я обручился с Ясминой!

Мой эрудированный читатель, помните «немую сцену» из гоголевского «Ревизора»? Тут сцена была один-в-один. Только лица симпатичнее.

Вопреки ожиданиям Ивана, отец не проявил радости:

– Вот новость! – сказал он и, подождав пока остальные члены семьи коротко выскажутся, продолжил. – Нам твоё желание понятно, но перед таким шагом тебе надо было хотя бы предупредить нас.

– Но ты же знал всё! – недоумевая, возразил Иван.

– Во-первых, не всё, а во-вторых, это серьёзное решение. Выбор жены, женитьба это твоё право, но родителей об этом надо, как минимум, предупреждать. А то делаешь что-то, а потом приходишь с проблемой.

– Я же только обручился.

– А для чего? Жениться не собираешься?

– Собираюсь…

– А чего тогда ерунду говоришь?.. «я же только обручился…», – Андрей Михайлович откусил от тульского пряника, пожевал, запил чаем, а затем продолжил. – Мы с матерью тут не мебель. Это не только твоё дело, но и дело всей семьи. По крайней мере, субординацию соблюдать надо.

– Чего же вы от меня хотите? Я же не тайком встречался с Ясминой. Вы все всё знали. Чем должно было это закончиться? Размолвкой?

– Сынок, я только говорю, что ты должен был, хотя бы из уважения, предупредить нас, твоих родителей. Я думал тебе это объяснять не надо. Мы же не семья люмпенов, в которой все сами по себе. Твоя семья тоже должна строиться с самого начала не по люмпенским правилам.

Отец замолчал. Иван не знал, что сказать в своё оправдание, да и надо ли говорить? Потом вступила в разговор мать:

– А всё равно, сынок, для нас твоё обручение в радость. Хотя радость неполная, из-за того, что ты нам раньше рассказал.

– А что там? – спросил Андрей Михайлович.

– Боится он, что за него не отдадут Ясминку, – тут же ответила отцу Даша.

– Ну, это с самого начала было понятно.

– Да ты выслушай сначала, – упрекнула сына Ванина бабуля. – Ты ведь … речь знаешь о чём идёт?

– О чём? Скажите, если это не секрет.

Иван не спешил входить в разговор и удовлетворять интерес отца. После того, как отец его отчитал, Ваня не знал, стоит ли полагать на его помощь и совет. Но не прошло и минуты, как общими

усилиями, в основном женскими, до главы семейства были доведены все новости дня. Выслушав печальную историю Ивана и Ясмины, Андрей Михайлович изрёк: «Да, положение у тебя, сын, не завидное. Но мы что-нибудь придумаем. Только я, лично, хотел бы услышать от тебя, что ты намерен предпринимать? Очерёдность шагов».

Иван взглянул на отца, куснул мармеладку, глотнул чая, потом опять взглянул на отца и произнёс небрежным тоном:

– Я обещал до конца недели поговорить с её родителями. Свататься буду.

– Как? По телефону?

– Думаю, по скайпу.

– Так… минус один, – слова эти были непонятны как для Ивана так и для остальных. – Что ещё?

Иван пожал плечами:

– А что ещё?

– Насколько я понимаю, основная трудность для тебя – вероисповедание? Как ты собираешься решить этот вопрос?

– Ты предлагаешь мне принять ислам?

– Я пока не предлагаю ничего. Мне интересно, как ты будешь выходить из ситуации?

– Я хочу поговорить об этом с Ясминой.

– Только собираешься?

– Ну, я только сегодня кое-что узнал. В принципе, есть вариант, но я думаю, его надо обсудить с ней.

Андрей Михайлович отставил от себя опустошённую чашку. «Налить ещё?» – спросила супруга, он отрицательно качнул головой.

– На счёт скайпа ты меня удивил, сын. Если бы твоя девушка была итальянкой, или не приведи господи, немкой, то такой способ знакомства и

сватовства я бы посчитал вполне подходящим. Но даже не все русские родители, нормальные русские, такое дистанционное общение посчитают подходящим. А ты собрался свататься к кавказской девушке! Сам знаешь, у меня много друзей и знакомых с северного Кавказа, и я не представляю, чтобы кто-то из них согласился бы отдать дочь незнакомому человеку, которого впервые увидели и услышали по скайпу. Это как же надо себя не уважать и быть настолько равнодушным к судьбе своего ребёнка?

– Я думал пригласить Ясмину к нам, сесть нам вместе перед компом и познакомиться. Может, не сразу свататься, но должны же они понять…

– Да они и так сразу поймут. Что она сама говорит? Она ведь, как я понял, не сообщала им о тебе? Значит, боится. Говорили вы об этом?

– Да. Она говорит, что вряд ли.

– Ну?

– Что?

– С чем ты к её родителям пойдёшь? – Андрей Михайлович поглядел несколько секунд на потупившегося сына и сказал. – Я тебя понимаю, как мужчина мужчину. На таких и надо жениться. Она девушка хорошая, не порченная, но ведь ей, насколько я знаю мусульманские традиции, даже неблизкое знакомство с тобой может боком выйти. Ты об этом подумал? Помнится, мать тебе говорила как-то, что ты с ней большую ответственность на себя берёшь.

– Да, – вошла в разговор Светлана Николаевна, – видно, что девушка родителей слушается и боится. Другая бы, как в омут с головой… а эта не такая. Видать, сердечко разрывается у неё, бедняжки.

– Ага, – Андрей Михайлович тронул жену за руку. – Только давай без сантиментов. Тут надо думать, какие козыри мы имеем? Если имеем. А о каком варианте ты, сын, хотел поговорить с Ясминой?

Иван замялся. Та идея, что крутилась в его голове, изначально предала ему некоторое воодушевление, но теперь у него был иной настрой. Вариант о котором он упомянул имел признаки лицемерия, низости.

– Я сначала хочу просто посвататься, как посватался бы к любой девушке, но если мне откажут, из-за того, что я православный, то… я приму ислам для вида. Я не хочу обманывать, но что ещё делать, если вынуждают?

– Видишь, что он хочет? – вступилась за свою веру бабушка. – Отречься от своего Бога! Это же надо… а?!

– Ну… мама, – сказал Андрей Михайлович. – Может и не так однозначно, но что-то недоброе в этом есть.

– Ну а что? – оправдывался Ваня. – Я же хочу жениться, и только. А если мне, как условие, предложат ещё и веру поменять, то что я, по-вашему, должен делать? Отступиться? С какой стати? Я же её не собираюсь ограничивать в религии. Пусть будет мусульманкой. Естественно, без фанатичности. Но я бы на фанатичку и так не позарился бы.

– Вообще-то, это их право, её родственников и её самой, ставить тебе условие. Полагаю, они будут рассчитывать, что ты выполнишь условия или откажешься, а не станешь юлить.

– Да, зачем юлить? – вновь заговорила бабуля. – Вот, раньше было… если выходишь замуж – прими

веру мужа. А это что за мужик, если под веру бабы своей подстраивается? Срам!

– Ну ладно, мам, всякое бывает, – отвечал ей Андрей Михайлович. – Мы не такие верующие и фанатики, чтобы такие же условия ставить.

– А они верующие! Вот и получается, что они сильнее. Они условия ставят, а вы только юлить можете, чтобы угодить им.

Повисла тишина. Наверное, можно было бы найти доводы против такой точки зрения, но никто не стал этого делать. Потому что, по сути, бабушка была права: исполняющий условия всегда в этот момент слабее, чем ставящий их. Слабый вынужден подчиниться или искать обходные пути. Такова истина.

Однако отвлечёмся на некоторое время от разговора этих добрых, но слабых в своей вере людей.

Алиф позвонил в Махачкалу Салиму. Супруга во время разговора была рядом с ним. После взаимного приветствия, с полагающимися в таких случаях вопросами о близких, и просьбой приветствовать их, Алиф сказал:

– Салим, у меня для тебя есть плохая новость.

– Что случилось? – обеспокоился Салим.

– Непоправимого не случилось. Потому что мы, твои родственники, как положено родственникам и как я обещал, бережём честь твоей семьи, как собственную.

– Что случилось? Говори!

– Речь идёт о твоей дочери Ясминат.

– Я слушаю, слушаю!

– Она с кем-то встречается, скрывая от всех. Как я понял, у них ничего такого не было, мы вовремя заметили, но… В общем, мы опекали её как могли и сколько могли, но дальше, Салим, твоя забота.

– Это точно? Вы её видели с ним? Кто он?

– Салим, не видели, кто он не знаем, но она сама призналась.

– Что она сказала?

– Сказала, что встречается, что между ними ничего не было… ты понимаешь. Ещё говорит, что он хотел жениться, будет свататься… Но так же все говорят.

– Когда вы узнали?

– Как узнали, сразу тебе позвонили. Только что. Сам смотри, что дальше делать. Наверное, тебе лучше приехать за ней. Или кто-то из твоих пусть приедет.

– Ладно, сейчас я ней поговорю.

Не попрощавшись, Салим дал отбой.

Не прошло и дюжины секунд как в руке Розы зазвонил Ясминин телефон и на нём высветилась надпись «Папа». Роза поспешила к племяннице, и протянула ей мобильник. Ясмина, шёпотом разговаривавшая с Забиёй, испуганно переводила взгляд с телефона на тётю, и обратно, и не решалась взять аппарат. Потом всё же взяла. Роза тут же шикнула на дочь, понуждая её уйти, а сама уселась в кресло, напротив племянницы.

Ясмина поднесла трубку к уху и сказала с вопросительной интонацией:

– Папа?

И в ответ услышала грозный голос Салима:

– Я тебя убью, Ясмина. Слышишь? Я тебя убью.

– Но, папа…

– Умолкни! Опозорить нас хочешь? Говори, кто он? Что у вас было? Говори!

Ясмина побледнела от ужаса! Её трясло. Она с трудом удерживала в руке телефон. Ей стала очевидна кошмарность положения, в которое она попала. Ведь

они знали только, что она с кем-то встречалась. Не более! Что будет, когда станет известно, что он русский?! Что с ней будет?

Ей захотелось бежать. Предложи Иван в эту минуту бежать с ним – и она согласилась бы, оставив в прошлом свой колыбельный мир.

– Отвечай! – крикнул в трубку Салим, прерывая молчание и раздумья Ясмины. Она вздрогнула, встрепенулась. Всё ещё испытывая страх, она пыталась взять себя в руки.

– У них хорошая семья. Они богатые. Я была у них в доме. Большой дом. И у него есть квартира в Москве. Для нас.

– Что?! Для вас?

– Папа! Он будет свататься ко мне, может завтра или послезавтра. Папа, у него всё есть, и он любит меня!

– Что? Повтори! Я тебя убью, Ясмина!

– Но, папа!.. Ты же обещал, что я сама смогу выбрать себе мужа.

– Ты дурой не прикидывайся. Или ты совсем обрусела там, омосковилась? Откуда его семья? Кто его родители?

– Они… из Москвы, – Ясмина замялась. Она не знала, что говорить.

Русский на вопрос «кто они?», назвал бы статус, профессию, но Ясмине было понятно, что она должна сказать, из какого они рода, какой народности, и только потом называть статус, род деятельности.

– Ну, папа! Ты сам с ними поговоришь. Они хорошие…

– Я не хочу разговаривать с людьми, которых не знаю! Их сын гуляет с моей дочерью, они об этом знают, и до сих пор не познакомились со мной?! Это

хорошие? Ясмина, ты там совсем обрусела, стыд потеряла и совесть. От рук отбилась совсем. Я тебя накажу. Всё! Ты меня разозлила. Моему терпению пришёл конец. Через несколько дней я приеду за тобой. Вот я тебе устрою! Ты у меня будешь знать! Скоро я приеду… Ты сиди дома, никуда не выходи. Одна никуда не выходи. Только попробуй, я убью тебя! Поняла?

– Но что мне делать?

– Умолкни!

– Папа! Но папа, мне надо учиться!

– А сейчас ты об учёбе вспомнила? А раньше о парнях думала?

– Нет! Ты же меня знаешь!

– Ясмина, ты меня разозлила! Теперь я буду с тобой по-другому общаться. Всё, хватит! Слишком много я тебе позволял. Теперь будет по-другому!

– Папа…

– Всё! Из дома не выходи одна. Я тебя предупредил. Жди меня.

Салим положил трубку.

Ясмина опустила руки на сдвинутые колени. Мобильник оставался в её руке. Роза встала с кресла, подошла к ней и сказала: «Дай мне свой телефон». Племянница безучастно взглянула на неё и отдала аппарат.

А возвратимся на минуту к Ивану и его семье… Здесь некоторое время было бурное обсуждение сложившихся обстоятельств. Потом разлили чай по чашкам, и разговор за столом стал спокойнее.

Андрей Михайлович спросил Ивана:

– Ты мне вот что скажи. Как далеко ты готов пойти ради своей девушки? На что ты готов пойти? Что, на ней свет клином сошёлся для тебя?

– Мне нужна только она. Она для меня. Но мне не нравится, что кто-то примешивает к нашим личным отношениям религию и национальность. Мы хотим сами решать за себя.

– Чего же не решаете? – Видя, что Ивану нечего ответить, отец продолжил. – Ладно. Эти разговоры дальше уже не принесут пользы. Мы выяснили, что нам надо. Давай теперь действовать. Вот, что я предлагаю.

Андрей Михайлович, отодвинул от себя чайную пару, наклонился вперёд, положил руки на стол.

– Привези её сюда. Причём, чем быстрее ты это сделаешь, тем лучше. Мы с ней поговорим. Я и мама пообщаемся с ней, а то ведь мы знаем о ней очень мало. Я имею ввиду и её саму, и семью. Вот. Познакомимся с ней получше. А потом мы созвонимся с её родителями. По скайпу, заметь. Посадим рядом с Дашей. Ничего объяснять пока не будем. Пусть сидит рядом с Дашей, общается с родителями, и мы с ними пообщаемся. Поговорим… а потом может и выступим в качестве твоих сватов. Или, может быть, договоримся об очной встрече. Можно даже пригласить их к нам, хотя обычно сваты ходят к невесткиным родичам. Но у нас случай особый. В общем, надо нам наладить общение. Как тебе такое предложение?

Ваня, внимательно слушавший отца, взглянул на мать, и ответил отцу:

– Хорошо. Ну, а если они ответят «нет»?

Андрей Михайлович откинулся на спинку стула:

– Тут, сын, вот на что тебе надо обратить внимание: если девушка предана тебе, хочет быть с тобой, то следует бороться за неё. Но помни, у всего есть цена и за всё надо платить, тем или иным способом. Если же девушка не может определиться,

сомневается, не решается, то лучше отступить, потому что у неё будут причины для укоров. Ты лучше знаешь настрой своей девушки. Не знаешь?.. узнай. Вот так. А мы тебе поможем, чем сможем.

– Я согласна с отцом, – сказала Светлана Николаевна и через секунду добавила, – как всегда.

– Почти! – поднял указательный палец Андрей Михайлович. Широко улыбнулся, протянул свою руку к ладони супруги и накрыл её своей ладонью. – Почти…

– Что? Тили-тили-тесто? – весело спросила Даша, взглянув сначала на родителей, а затем на брата.

– Рано ещё, – сказал отец.

Семья ещё некоторое время сидела в столовой и обсуждала меж собой новости уже без напряжения. Иван, однако, покинул тёплую компанию первым, минут через пять. Он поднялся к себе в комнату, и чтобы развеяться, позвонил одному товарищу, другому… Потом он лёг на диван и лежал с открытыми глазами. Вспомнил про обручальное кольцо. Чтобы мать и бабушка не заметили кольцо до прихода отца, он снял его и положил в карман брюк. Теперь он вынул его из кармана и надел на палец. «Что делает Ясмина? – подумал он. – Может быть, также колечко надела на пальчик, гладит его, и думает обо мне?».

Частично Иван был прав: мыслями Ясмина обращалась к нему то и дело, но чтобы кольцо пальчиком гладить!.. Размечтался. Скорее, она думала о том, как бы кольцо то засунуть куда подольше, пока тётя не устроила капитальный обыск. Обручилась ведь без согласия родителей, тайно. Хорошо, хоть совместные фотографии остались у Ивана.

После разговора с Ясминой, Салим позвонил супруге. Коротко он рассказал о случившемся, объявил, что собирается ехать за дочерью,

предупредил, чтобы держала язык за зубами. Халида сразу связалась с Ясминой. Роза вновь принесла и отдала телефон племяннице.

Наверное, не стоит в подробностях передавать разговор Халиды с дочерью – он мало отличался от разговора Салима с Ясминой. Те же «я убью тебя» и прочее. Только мать более настойчиво требовала от дочери подробностей свиданий: мол, правда ли, что между вами ничего такого не было? и обещала устроить медицинский осмотр в узком семейном кругу.

Переломной точкой общения стал вопрос Халиды «как его зовут?». Она задала этот вопрос три раза, но Ясмина немедленно приступала к характеристике своего кавалера, не называя его имени. Мимо матери такая странность не прошла. Она в очередной раз севшим вдруг голосом спросила:

– Скажи мне, как его зовут? Кто он?

А Ясмина, понимая, что надо говорить, отвечала:

– Он хочет свататься, а как? Меня не выпускают из дома, тётя забрала телефон. Он же без меня не сможет узнать ваш номер и адрес.

– Ей девушка, он не русский?.. – и по голосу матери чувствовалось, что она готова сорваться на крик и ругань. Если бы она была рядом с дочерью, то…

Ясмина, Ясминочка, рано или поздно это должно было открыться. Как же иначе? Оттягивай не оттягивай эту минуту, думай о том или не думай, а настанет час истины. И вот он вроде бы настал, и надо сознаться… Но в девушке боролись два начала. Одно требовало: «Забудь о нём, перечеркни свои самые сильные переживания, вычеркни из жизни последние месяцы… и его вычеркни из памяти. И возвратится всё на круги своя. Придётся ещё немного проглотить грубостей и

упрёков, но вскоре всё успокоится». А второе начало одёргивало: «Ты будешь угождать чужим ожиданиям, привычкам и правилам? Или будешь создавать свои правила, воплощая своё видение женского счастья? Для них или для себя живёшь? Ты уже потеряла часть свободы, ты потеряла возможность учиться… какие ещё принуждения ждут тебя впереди? Ради чего и ради кого? Уступить ради спокойствия? или бороться ради счастья? Ведь выдадут теперь за какого-нибудь дурака, по быстрому, не спрашивая согласия. А будешь артачиться, то сгнобят всем миром, задавят морально, оставят без всего».

И непримиримая горская суть, задор молодости взял верх в душе даргинской девушки! Она готова была сказать имя и народность своего помолвленного, но… Но рядом была тётя Роза, а Ясмина не хотела при ней говорить вообще. Сейчас она ненавидела свою тётю, по чьей вине всё летело кувырком.

– Тебе тётя хочет что-то сказать, – этими словами оборвала разговор Ясмина, и всунула, чуть ли не бросила, трубку в руку Розы. После чего вышла из комнаты и закрылась в ванной. Она знала, что за это хамство ей придётся ответить, но чувства брали верх над здравым смыслом.

Халида не хотела разговаривать с Розой: после выходки дочери она была в ярости и требовала возвратить её к разговору. Роза звала племянницу, стучала в дверь, но та не выходила из ванной, страшась матери. И Роза, стоя в коридоре перед санузлом, обсуждала с Халидой всё, что сегодня открылось. Ясмина, оставшись в одиночестве, расплакалась.

Потом тётя переместилась в кухню, так как Алиф потребовал чаю. Забия тоже пришла на кухню, но

через минуту оставила родителей и подошла к ванной, чтобы полушёпотом войти в контакт с Ясминой. Та почему-то только сильнее разразилась плачем. Успокоилась минут через пять. Забия, со своей маленькой сестрой, к этому времени успели уже сходить к родителям и сообщить им: Ясмина льёт слёзы и не открывает дверь ванной. Их брат тоже крутился поблизости, интересуясь происходящим. К ванной подошёл Алиф и призвал Ясмину выйти. Потом пошёл допивать свой чай.

Прекратив плакать, Ясмина умылась и открыла дверь. Не желая ни с кем вступать в разговор, она прошла в комнату и легла на свою кровать, свернувшись калачиком. Пришла Роза и сказала, чтобы Ясмина немедленно позвонила матери. Делая громадное усилие над собой, всхлипывая, девушка взяла трубку и набрала абонента «Мама».

Она знала, что скажет ей мать, но то, что она услышала, было грубее ожидаемого. В разговоре с Розой Халида сдерживалась, чтобы не сказать лишнего в части своих подозрений, а вот на дочь она выплеснула свои эмоции. В конце разговора мать потребовала ещё раз от Ясмины, чтобы она не выходила из дома без сопровождения родичей и дожидалась приезда отца.

Роза не слушала разговор племянницы. В комнате были её дети. Она во время разговора Ясмины, делала выговор сыну по какому-то поводу. Потом она вышла с ним, но вскоре возвратилась. В этот раз она предъявила претензии старшей дочери. Когда Ясмина закончила разговор по телефону, Роза вновь забрала у неё телефон и вышла из комнаты. Забия подсела к сестре, заводя беседу.

Иван тоже не оставался в одиночестве. К нему зашла Даша. Слово за слово, а потом она сказала: «Слушай, ведь надо поздравить вас с помолвкой! Во-первых, поздравляю тебя, а во-вторых, дай мне телефон – я позвоню Ясминке и поздравлю её». Ваня набрал номер Ясмины и протянул аппарат сестре. И вот картина:

Звонит телефон, Роза берёт его… и что она видит? «Галину Максимовну» она видит! Лицо Розы стало хищным, злорадным. А потом она услышала Дашин голос: «Привет, Ясминка!». Роза, ожидавшая услышать мужской голос, спросила: «Кто это?». На что Даша вопрошала с удивлением: «Ой, а это кто?». Роза помедлила с секунду, и сказала: «Ясмины тётя, Роза. Сейчас…», – и понесла трубку племяннице. Отдавая ей мобильник, Роза сказала: «Какой-то очень молодой голос у твоей учительницы», – но задерживаться в комнате не стала, чтобы подслушать разговор, а поспешила на кухню. Хотя перед тем, как выйти из комнаты, со значением посмотрела на своих старших детей.

Ясмина, увидев на экране надпись «Галина Максимовна», испытала, выражаясь репортёрским языком, смешанные чувства. Несколько секунд она не могла вымолвить слово. Наконец, она сказала в трубку «алё»… и услышала незнакомый девичий голос. Незнакомый, ибо раньше она не слышала Дашу по телефону, и не узнала её.

– Привет. Ты что, моешься в ванной что-ли?

– Нет…

– А чего телефон взяла твоя тётя? Ты меня узнала? Это я, Даша. У меня же нет твоего номера, вот и звоню с телефона брата.

Но Ясмина уже поняла, с кем говорит, узнала. И слёзы вновь потекли из её глаз.

Кап. Кап. Кап, кап, кап-кап, кап, кап-кап-кап…

– Ясминка, я хочу поздравить тебя, – стала говорить Даша, и успела произнести слова поздравления прежде, чем заметила, что Ясмина рыдает.

– Ты чего? – забеспокоилась Даша. – Ты плачешь? Ты что?

– Всё плохо, – ответила Ясмина, подавляя рыдания.

– Ой, да что с тобой? Что случилось?

– Меня увозят домой, в Махачкалу-у-у, – зашлась рыданиями Ясмина.

– Не может быть! – лицо Даши сильно изменилось, и Иван, заметив это изменение и тревожный взгляд сестры на него, выхватил у неё трубку.

– Ясмина! Что? Что случилось? – спрашивал Иван.

Услышав голос Ивана, Ясмина перестала рыдать. Она убавила громкость телефона, вытерла слёзы, подумала немного, собираясь с мыслями, и сказала:

– Отец приедет за мной, чтобы отвезти меня в Махачкалу.

– Когда?

– Не знаю. Может, послезавтра.

– Ты рассказала о нас?

– Нет. То есть… Я не сама. Тётя забрала телефон. Она берёт трубку и слушает. Я сейчас дома, с сестрой и братом.

– Не можешь говорить открытым текстом? Понятно.

– Меня увезут.

– Что я должен сделать? Скажи! А да, ты же не можешь…

– Ты спрашиваешь?! Я должна говорить?

– Мне надо связаться с твоими родителями. Я говорил только что со своими. Они хотят познакомиться и сосватать нас. Мы готовы. Давай я приеду за тобой.

– Меня не выпускают из дома. Даже в универ и на танцы мне запретили ходить. Одной мне нельзя выходить.

Брат и сестра прислушивались к разговору Ясмины. Забия догадывалась, что она разговаривала не с Галиной Максимовной, поэтому решила выйти из комнаты и вывести своего брата, но тот оттолкнул сестру и глядел во все глаза на Ясмину. Ему не нравилось происходящее и он был не на её стороне.

А Иван сказал:

– Я тебя услышал. Слушай теперь меня. Я в любой момент могу забрать тебя и отвезти к нам. Или вообще в другое место, где тебя не найдут. Найди возможность выйти из дома. Я буду ждать тебя в машине там, где обычно останавливался. Найди возможность связаться со мной. В «Одноклассниках» и «Фейсбуке» теперь уже поздно мне создавать учётки. Если поедешь в универ, то я могу ждать тебя там. Через кого я могу связаться с тобой? Есть подходящий человек?

Ясмина помедлила, вникая в слова Ивана. Сказала:

– Лана, Оля…

– Отлично. Не вешай нос, Ясминка. Решайся. И ещё… Дай мне номер скайпа своих родителей, прямо сейчас или отправь в сообщении. У тебя есть ещё, что мне сказать?

Ясмина опять медлила, раздумывая. Она ожидала от Ивана большей решимости, действий. Но он, похоже, решил принятие решений взвалить на неё. Она произнесла:

– Мой телефон забирает тётя. Она смотрит, кто звонит. Я, я, – в этот момент снова слёзы выступили на её глазах, комок подступил к горлу. Она не могла сказать то, что ей хотелось. И она боялась, что уже никогда не сможет.

– Не плачь. Я выезжаю к твоему дому и буду ждать. Всё. Целую, – Иван нажал «отбой».

Ясмина, не дожидаясь пока тётя заберёт телефон, набрала эсэмэску с псевдонимом родителей в скайпе. Однако Роза в этот раз не торопилась лишить её средства мобильной связи – она вела довольно эмоциональный разговор с Алифом, закрывшись на кухне. Забия снова подошла к Ясмине, о чём-то спросила, а её брат стал играть на компьютере, хотя явно прислушиваясь к разговору девушек.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ… КАЖИСЬ

«…В женской слабости много глубоких смыслов,
Потому она выпрямит, а не сгорбит»
Сола Монова, «Сильным».

Окончив разговор с Ясминой, Иван направился во двор – родители были там. С ним пошла Даша, по пути узнавая, что произошло с Ясминой. Уже когда они вышли из дома, пришло сообщение от неё со скайп-псевдонимом. Ваня рассказал своим родителям о произошедшем в доме Алифа.

– Я хочу поехать к ней, – сказал он. – Буду ждать её возле дома. Если она решится, привезу сюда.

– Один? – спросила Светлана Николаевна.

– Позвоню Кирюхе, Илье… посмотрим. Кстати, тут она прислала номер скайпа своих родителей. Только не знаю, нужен ли он сейчас?

– Сейчас он необходим, – сказал ему отец. – Пойдём, посмотрим. Успеешь ещё к своей ненаглядной. Пошли, Света.

Все, в том числе и бабушка, разговаривавшая с кем-то по телефону в кухне, поднялись в гостиную второго этажа.

– Ты что, прямо сейчас хочешь с ними говорить? – спросила Светлана Николаевна мужа, идя за ним в гостиную.

–Теперь можно говорить прямо, если им всё известно. Так зачем оттягивать?

– Ты что? Я пока не готова. Надо же одеться, причесаться. Что же мы в домашнем…

– Куда торопиться? – поддержала её свекровь. – Надо обсудить, подготовиться как-то.

– Ну, готовьтесь, готовьтесь – легко согласился с ними Андрей Михайлович. – А мы пока откроем скайп, найдём их.

Старшие женщины пошли переодеваться, а отец с детьми вошёл в гостиную, где стоял общий компьютер. Включили прибор, и уже через две минуты нашли махачкалинского абонента. Дождались, когда придут Светлана Николаевна со свекровью, ещё немного поговорили и набрали номер. Однако оказалось, что абонент находится вне сети. Родители решили звонить время от времени, пока абонент не появится, а Ваня поспешил к своей симпатии.

Таким образом, через десять минут Иван выехал к Ясмине. Он хотел позвонить ей, добравшись до места: вдруг после разговора с ним, она решится бежать.

Иван не успел ещё выехать из дома, как его отец позвонил в службу безопасности своей конторы и попросил начальника службы послать пару человек к тому месту, где Иван намеревался ждать Ясмину и где он обычно высаживал её. Адрес он узнал только что у сына. Попросил своего подчинённого, чтобы его ребята только приглядывали незаметно со стороны, а в случае нападения на Ивана вызвали бы полицию и сами постарались бы защитить парня. Разумеется, эти меры безопасности Ивана Андрей Михайлович обещал оплатить дополнительно.

Примерно в то же время...

Халида поделилась с мужем своими подозрением о русском ухажёре их дочери. Салим побагровел. Побагровел, набычился, но не стал обсуждать подозрение супруги. Новости о своей сестре

и подозрения не обошли Зарину. Она пошла к себе в комнату и позвонила Ясмине. Тут разговор был уже без грубости: у младшей даже проскальзывали нотки восхищения. Особенно когда Ясмина рассказала о том, какой дом у родителей её парня, что для молодых уже есть квартира, что он недавно занялся собственным предприятием. Впрочем, на вопрос «как его зовут и кто он сам?» Ясмина ответила коротко: «Скоро узнаешь». Поговорив ещё немного, младшая спросила прямо: «Скажи честно, только мне: он тот самый русский? Я никому не скажу». Ясмина, поглядев на сидевшую рядом Забию и её брата, произнесла:

– Не задавай глупые вопросы. Сказала же, скоро узнаешь.

– Ну, скажи хотя бы, он родом с Дагестана?

– Нет.

– Нееет?!

Но Ясмина уже испугалась, что слишком разоткровенничалась раньше времени и поторопилась закончить разговор.

А содержание разговора тут же стало известно её родителям. И теперь уже подозрение Халиды в том, что у старшей дочери русский ухажёр, переросли в уверенность. Она захотела немедленно по скайпу поговорить с Ясминой, но отказалась от этой идеи, так как не желала, чтобы подозрение, а тем более его подтверждение, вышло за пределы семьи. Не было сомнений в том, что Роза, уклоняясь от обвинений её и Алифа в недогляде за порученной им племянницей, растрезвонит о случившемся, по ходу обеляя свою семью и очерняя Ясмину. Вышла заминка, и пока Салим и Халида обсуждали, как им поступить, решил позвонить Ясмине и поучить её жизни младший брат. Настрой у него был очень злобный. Он наговорил

сестре много разных гадостей, пообещал ей кару и смерть. Были ли у него серьёзные намерения? Кто знает?

Парень являлся фанатом известной махачкалинской футбольной команды. В его компании, да и вообще в среде, к которой он принадлежал, ненависть ко всему русскому была основой, цементом этой среды. Здесь не было место разуму, спокойным размышлениям, взвешенному рассмотрению. Лишь лозунги, крайности и ярость. А постоянные стычки с бандами соперников из Москвы, Ростова, Питера формировали особую ненависть именно к русским. И вдруг такая подстава от родной сестры! Страшный позор! Несмываемый.

В общем, наслушалась Ясмина от него. И этот разговор её сильно испугал. Человек, который должен был бы ей защищать, предстал перед ней серьёзной угрозой. Грубое, оскорбительное общение с сестрой заметили родители и сделали ему замечания, на которые он ответил также грубостью. Пришлось Салиму дать сыночку по шее. Тот впал в истерику, выбежал из дома.

В доме Салима было неспокойно. Он сам пошёл на двор и занялся там какими-то хозяйственными мелочами. К Халиде зашла соседка и они беседовали на кухне минут десять, а потом прибежал сынишка соседки, сказал матери, что её зовут домой, и та ушла. Зарина стала обсуждать с матерью услышанное от Ясмины – о загородном доме, о квартире для молодых и о прочих интересностях. Салим, возвратившийся вскоре со двора и присевший выпить чаю для успокоения нервов, молча слушал их разговор. Что было необычно. Потому что дети, в первую очередь девочки, покидают помещение, когда заходит отец.

Так принято. Но сейчас Зарина бодро обсуждала семейные новости, а ни отец, ни мать не выставляли её вон. Это было удивительно. Удивительное событие продолжалось минуты три, после чего Салим отправил младшую дочь заняться чем-нибудь полезным, и остался наедине с женой. Они разговаривали.

Оправдаются ли их подозрения? Если да, то как поступить с Ясминой? Если эти люди в самом деле такие богатые, то может быть пока не следует торопиться с решением? Чего ждать от Ясмины? От того парня? От них обоих? Не совершат ли они что-то этакое? Конечно, можно понять желание дочери, найти себе жениха. Сейчас времена такие, что девушкам больше воли дано, они могут сами искать свою пару. С этим надо смириться. С другой стороны такие поиски чреваты серьёзными последствиями. Девчонка молодая, неопытная – задурит ей голову какой-нибудь проходимец, попользуется ею, а потом что? Кому нужна потаскуха, которая отдаётся мужчине не дожидаясь свадьбы? Такая и после свадьбы на стороне может иметь кого-то. Коли слабинка имеется в девушке, и один её нашёл и воспользовался, то и другой найдёт, и третий. Охочих до этого много. Нормальный мужчина такую замуж брать не будет. Так что волю-то давать дочерям надо, но только в меру. В меру взрослого понятия. А коли видишь, выходит за пределы разумного, того гляди свернёт на лихую дорожку – надо одёргивать. Ну и дети есть дети, тем более дочери. Их беречь надо от всякого недоброго – поступка ли, слова ли. Вот так.

Ломали родители головушки, ломали. Решили пока не говорить о случившемся даже самым близким родичам. Завтра Салим сам скажет. Но без всяких

подробностей, а тем более предположений. То же приказали младшей дочери, – чтобы молчала.

Тем временем, Алиф также обсуждал с супругой, как поступить с Ясминой. Сначала он посоветовал Розе пока оставить в покое племянницу и не отбирать у неё телефон. Их дети рядом с ней – она под контролем. Но Роза сказала, что племянница может отсылать и читать с телефона сообщение в соцсетях, и никак её не проконтролируешь. И нужно опасаться не только её сговора с ухажёром, но и того, что в общении с подругами она наговорит лишнего, может выйти огласка последних событий. Решили так: забрать у Ясмины мобильник и выключить его, а кому надо, тот сможет связаться с племянницей через них. То есть, теперь с Ясминой могли общаться, по сути, только близкие родственники и ещё несколько человек узкого круга.

Ну, а ухажёр был настороже. Ещё выезжая из дома, он позвонил двум своим друзьям, чтобы предложить им составить себе компанию в своеобразной засаде. Один друг был далеко за городом и не мог откликнуться немедленно, а второй, по имени Егор, спросил только, куда подъехать? Иван забрал его возле одной из станций метро, и через пятнадцать минут друзья были уже у дома Ясмины.

Ваня был предусмотрителен. Приехав к месту, не стал сразу звонить своей симпатии, памятуя, что её общение подвергается цензуре. Он связался с сестрой, попросил её позвонить Ясмине, сказать, что занял известную ей позицию и находится на связи. О звонке он договорился с Дашей ещё перед отъездом и оставил ей номер телефона Ясмины. Через пару минут Даша сделала обратный звонок Ивану и сообщила новость от оператора мобильной связи: «Телефон

абонента выключен или находится вне зоны доступа». Иван попросил её повторить попытку минут через десять. И через десять минут, как мы понимаем, результат был тот же. Тогда Иван рискнул, и сам набрал номер Ясмины. Удостоверившись, что связи с ней нет, он созвонился с отцом. Отец сказал, что родители Ясмины, если судить по скайпу, тоже находятся вне сети. По идее, надо, чтобы Ясмина связалась с ними, дабы они вошли в Интернет. Но раз такая возможность отсутствует, то приходится только ждать.

Время было уже вечернее. В Махачкале, в семье Салима, настроение вроде бы… вроде бы… Халида выпытывала у дочери подробности её разговора с сестрой и обе строили реальные и нереальные предположения. Затем Халида разговаривала с супругом. Он сказал, что полетит в Москву послезавтра под утро. Завтра уладит дела на работе, билет купит, а уже утром следующего дня будет в Москве, иншалла. Халида рассказала, о чём она только что разговаривала с Зариной. Они снова стали обсуждать сложившееся положение… и как-то едва уловимо настрой изменился – спокойнее что ли стал?

Позже семья ужинала, и Салим сказал своему младшему сыну, возвратившемуся с психической прогулки: «Ты на себя много не бери. Ясмина твоя сестра, но последнее слово в этой семье пока не за тобой». После ужина дети хотели пойти на улицу, пообщаться с соседскими ребятами, но родители их не пустили, чтобы те лишнего не сболтнули посторонним. Позвонила мать Халиды, проживающая у сына, сказала, что собирается сейчас зайти с племянницей, но дочь отговорила её, пообещав завтра утром прийти к ней сама. Потом супруги сидели на веранде, пили чай, поглядывая в телевизор, слушая шум родной

улицы, и тихо разговаривали. Халиде позвонила Роза, сказала, что забрала у Ясмины телефон и отключила его, от греха подальше. Халида лишь сказала ей, чтобы она без промедления возвратила мобильник, если дочь захочет позвонить им, родителям. Допив чай, Салим позвонил Алифу и коротко переговорил с ним, узнав, как там Ясмина, и нет ли новостей? Попросил не ограничивать дочь ни в чём, кроме разговоров по телефону с чужими людьми. Родственники поняли друг друга: каждый старался оградить семью от недоброй молвы.

Затем Салим звонил старшему сыну, в Воронеж. Рассказал ему о происшедшем. Сын выслушал отца, задал несколько вопросов, но по его тону было заметно – он воспринял новости о сестре спокойно. Поинтересовался у отца, что тот собирается делать? Салим ответил ему, что поедет послезавтра в Москву, за Ясминой. Сын на это также ничего не сказал.

После этого супруги стали беседовать между собой. Они собирались немного позже связаться с Ясминой по скайпу. Оба догадывались, что ухажёром их дочери является тот самый парень, с которым Алиф разговаривал пару месяцев назад. Значит, он из богатой семьи? Обеспеченная, культурная семья, к свадьбе сына уже подготовили, сам парень уже своё дело имеет. При другом раскладе о таком можно было бы только мечтать. Может быть он мусульманин? Принимают же русские ислам. Если так, то может быть не стоит горячиться? Нет, если было бы так, Ясмина сказала бы. А вариант замужества для дочери-то хороший. Но, что говорить об этом? Многие не поймут. На свадьбу и двадцати человек не соберёшь, а могли бы и триста пригласить с лёгкостью. Сейчас, конечно, и узким кругом в ресторанах устраивают гулянья. Опять

же, случись что, поддержки не будет от родственников и друзей. А если развод? У русских пары разводятся часто. С ними нет никакой гарантии, ненадёжные они. После развода с русским свои уже замуж не возьмут, а если с детьми останется женщина, так это, считай, на свою шею их повесить. А выходить за другого русского тоже чревато: алкоголики через одного, извращенцы, маменькины сынки, слабаки. Мужчин нормальных мало среди них. Так что, с такими рисками нечего и думать.

Далее Салим и Халида некоторое время занимались своими делами отдельно. Где-то в начале девятого вечера Салим пришёл в гостиную, где супруга сидела с дочерью и занималась шитьём, поглядывая телевизор. Зарина развлекалась с мобильником, иногда делясь с матерью забавными, на её взгляд, находками. «Включи скайп, – сказал Салим Халиде, и обратился к дочери. – А у тебя дел нет? Иди, скажи брату, чтобы он меньше играл там в игрушки на компьютере. Вообще отберу у вас эти глупости, а то одни развлечения у вас в голове в последнее время».

Халида включила ноутбук, и спросила Салима: «Чай будешь? – и без паузы, не дожидаясь ответа, сказала. – Сейчас принесу». Она пошла на кухню, чтобы сделать мужу чай. Пока в Махачкале для одного военного инвалида подогревается традиционный российский напиток, автор расскажет, что происходило до этого момента в Москве.

Сказать по правде, ничего особенного. Несколько раз Иван звонил Ясмине, по его просьбе это делала и Даша – безрезультатно. Он хотел уже было звонить Оле, но воздержался, помня о том случае, когда она попросила его не втягивать её в сердечные дела с Ясминой. Звонили ему родители, интересовались

происходящим, мама звала на ужин. Связался с ним и старший брат, которому мать всё рассказала. Были ещё звонки от друзей по разным поводам и без повода.

Родители конечно сильно беспокоились, в отличие от самого Ивана. Ожидание влекло нервное напряжение. В этот вечер в их доме кто-то обязательно находился возле компьютера, следя за тем, чтобы не пропустить момент, когда махачкалинский абонент выйдет на связь. Этот момент наступил в начале девятого. Светлана Николаевна заметила сигнал программы, взволновалась, позвала мужа. Тот пришёл через минуту, следом за ним в гостиную пришли Даша и Софья Леонидовна.

– Ну что, – сказал Андрей Михайлович, – Рискнём, Света? Сосватаем сына после помолвки?

Он поправил одежду, пригладил волосы. Родители сели на диван, Даша подвинула к ним столик с компьютером и села на пуфик рядом с диваном так, чтобы видеть монитор, но не попадать в обзор камеры. Софья Леонидовна села рядом с сыном. Через минуту, подготовившись, нажали на кнопку связи. Все замерли, уставившись в монитор и слушая сигнал вызова. Но абонент не отвечал. Когда вызов прекратился, Даша подошла к компьютеру, проверила настройки, переговариваясь с родителями. Снова нажала кнопку связи.

В славном городе Махачкале Хромой Салим сидел в гостиной и ждал чая. При этом он разговаривал по телефону с одним из своих друзей. Вдруг ноутбук подал сигнал. Он знал, что так звучит сигнал вызова в скайпе, но... Но Салим во всяких там компьютерах-шампьютерах не разбирался, и не хотел вникать в эти безделушки для лоботрясов. Однако, послушав сигнал, он крикнул супруге:

– Ну, что так долго?

– Иду, – ответила она из кухни.

Через минуту она принесла мужу чай. К этому времени скайп уже перестал сигналить. Салим, закончил разговор по телефону и сказал Халиде, что был («вроде бы – посмотри там») вызов: наверное, Роза звонила. Жена мельком взглянула на монитор, и стала составлять с подноса на стол сладости, сахар и чашки с чаем – себе и мужу. Не успела она закончить это дело, как снова скайп подал сигнал. Оба супруга одновременно посмотрели на экран.

– Ответь им, – приказал Салим жене. – Чай потом попьём.

Но хозяйственная Халида уже расставила приборы на столе. Теперь она взяла поднос, положила его на стул, и подошла к компьютеру. Повела мышкой, клацнула кнопкой.

– Это не Роза, – сказала она с удивлением. – Я его не знаю. Посмотри.

Муж взглянул на монитор.

– Русский какой-то, – сказала Халида. – Смотри, и другие звонки от него. Ответить?

– Реклама не может быть?

– Не знаю. Раньше не было.

Салим немного помешкал, и произнёс:

– Ответь.

Вот тут-то родители Ивана и Ясмины и предстали друг перед другом. Да-да. С одной стороны – хмурый, небритый мужчина; довольно высокий, сухощавый, носящий густые седоватые усы, сидящий за столом на деревянном стуле, а рядом с ним женщина лет сорока, с круглым лицом и широким станом, одетая в длинный домашний халат тёмного цвета, с блёклой раскраской. С другой стороны – пара нарядно одетых, уже

немолодых людей, ухоженных, подтянутых, улыбающихся, и с ними бабуля, тоже молодцовской выковки (ни дать ни взять, передача «Магазин на диване»). Но вопреки ожиданиям некоторых, люди на белом кожаном диване не стали предлагать ни мясорубку, ни универсальный резак, ни браслеты из циркония.

– Здравствуйте, – сказал мужчина, сидевший рядом с двумя женщинами.

– Здравствуйте, – отвечала Халида, непонимающе глядя на этих людей, и не решалась сесть на стул. Она держала руку на мышке, готовая дать отбой пронырливым киберторгашам. Салим промолчал. Он не то чтобы догадывался, а скорее уже предчувствовал, с кем придётся сейчас разговаривать.

Женщины, сидевшие рядом с мужчиной, тоже поздоровались. А на лицах их были крайне застенчивые улыбки.

– Ну что же, – сказал мужчина, – я думаю, вы догадываетесь, кто мы. Давайте знакомиться. Я Андрей. Моя супруга, Светлана. Моя мама, Софья Леонидовна. Не знаю, видите или нет, но тут ещё наша дочь, Дарья.

Он замолчал, ожидая ответного жеста, но на некоторое время повисла тишина. Халида не отвечала. Она успела подумать, что это родители того самого русского парня, что гулял с Ясминой, но ведь его не было тут, и мужчина не упомянул о нём. Поэтому она была в недоумении. Примерно такая же реакция была и у Салима. Но он умел принимать решения и действовать быстрее.

– Меня зовут Салим, – сказал он сухо, как бы походя. – Но кто вы? У вас есть ко мне дело?

– Простите, я не расслышал вашего имени, – сказал Андрей Михайлович.

– Салим, – он подождал, пока русский повторит вслух его имя. – Так что вам надо?

– Наши дети дружат. Близко дружат. Наш сын и ваша дочь.

Салим и Халида переглянулись.

Дружили! – сказал, как отрезал, Салим. – Больше не будут дружить.

Несколько секунд длилась тишина, потом Андрей Михайлович, виновато улыбаясь, сказал:

– Подождите. Ну, подождите! Может, не будем спешить?

Понимая, что нужно вступить в разговор, Светлана Николаевна произнесла:

– Ваша дочь, Ясминочка, была у нас в доме один раз. Она нам очень, очень понравилась.

Салим взглянул на Халиду и та ответила Светлане Николаевне:

– Ну и что? Она другим тоже нравится. Пусть ваш сын будет гулять с другой.

Казалось, что родители Ясмины едва удерживаются от грубости и крика, и готовы вот-вот оборвать разговор.

– Подождите, подождите, э… з… – видимо, Андрей Михайлович силился вспомнить как зовут собеседника, но из-за волнения и по причине незнакомости имени оно начисто стёрлось в его памяти. – Вы, может быть, не поняли. У нашего сына самые серьёзные намерения. И нам… ему… нам с ним есть что предложить. И они оба, друг друга…

– Нет! Нет, – отрезал Салим. – Даже обсуждать не будем.

И тут же сказал супруге на русском языке: «Выключи. Выключи их».

Он отвернулся от монитора с камерой и потянулся к чашке чая. Халида молча выполнила указание мужа.

«Вот это да!» – произнесла Софья Леонидовна, когда связь прервалась и программа обозначила это специфическим звуком. Андрей Михайлович и Светлана Николаевна переглянулись между собой.

– Что будем делать? – спросила супруга.

– Ничего, – ответил супруг.

Андрей Михайлович, хлопнул себя по коленям, и быстро поднялся с дивана.

– Пока ничего, – сказал он, подходя к окну. – Что тут сделаешь? Кабы лицом к лицу общались бы, а вот так, на расстоянии... У них, свои понятия.

– Ну, давай ещё попробуем поговорить.

– Не буду. Ты же видишь, через губу разговаривают. Не по нутру мне всё это.

– Вот если бы девчонка ихняя с Ванюшкой сбежала, то по-другому они запели бы, – произнесла Софья Леонидовна. – А так, гляди, и за людей нас не считают.

– Это ещё не известно, как в таком случае обернулось бы, – отвечал ей сын. – Хотя, конечно...

Он задумался. Светлана Николаевна набрала номер Ивана, поинтересовалась, как у него дела и рассказала о состоявшемся только что разговоре с родителями Ясмины. Потом она попросила сына возвратиться домой, так как уже поздно и сегодня нет смысла ждать там свою ненаглядную. Но Иван решил для себя, и сказал об этом матери, что будет тут ждать до десяти вечера. Светлана Николаевна, беспокоясь о сыне, уговаривала его, но тот на уговоры не поддался.

А дальше случилось следующее…

Салим говорит жене, – резко, злобно, почти кричит: «Ну-ка дай мне эту! Набери её! Я ей сейчас устрою». Халида набирает номер Алифа и Розы – не проронив ни слова, боясь что-либо сказать. Салим, действительно в эти мгновения был взбешён. Когда Роза ответила, он попросил её, едва сдерживаясь, чтобы ему дали поговорить с дочерью по скайпу наедине. Роза, повторив просьбу Салима своему мужу, пошла и позвала Ясмину в гостиную, а сами супруги удалились, и прикрыли за собой дверь комнаты. И тут такое началось!

Салим не сдерживался в выражениях, как и в угрозах. Он спокойный и добродушный человек, хотя и строгого нрава, но такое с ним случалось, наверное, раза два-три в жизни. Будь Ясмина рядом, он бы её избил, в этом нет сомнения. От невозможности применить силу к своему ребёнку, поправшему правила его народа, религии и семьи, он вложил бушующую в нём ярость в слова и в голос. Напуганная Халида подбежала к открытому окну и быстро захлопнула его. Потом кинулась к двери их гостиной и плотно закрыла её. Она пыталась какими-то движениями, отрывочными звуками напомнить супругу, чтобы он сдерживался, но тщетно. «Убью! – кричал он. Убью! Закопаю в огороде. Скажу всем, что ты пропала. Задушу!». Дочь и сын слышали его и в страхе переглядывались. Они не понимали, с чего взялась эта вспышка гнева у их отца. Но через минуту злости у Салима поубавилось и он начал допытываться у дочери правды и подробностей. Тогда-то брат и сестра Ясмины, слушавшие крики отца у дверей, поняли причину его раздражения. Они уловили смысл, и если сестра была в немой растерянности, то брат

стукнул кулаком в стену и быстро пошёл к себе в комнату. Отойдя немного, он обернулся и крикнул сестре: «Что ты там подслушиваешь? Иди к себе в комнату! Слышала, что я тебе сказал? Иди к себе!».

Эх, Ясмина! Несчастная девушка. Бледная, перепуганная – она сначала понимала лишь часть слов отца. Из-за его крика звук из ноутбука доносился с сильным посторонним шумом и искажался порой до неразборчивой какофонии. Ясмина даже не пыталась ничего произнести. Она глядя на монитор, лишь со страхом думала о том, что её ожидает там – дома, в Махачкале. Потом, когда Салим стал задавать ей вопросы, грозно выкрикивая их, она безропотно отвечала. Голос её был тихим, бессильным, и отец, не слыша её, повторял вопросы раз за разом, злясь и крича ещё громче. Более всего он упрекал её тем, что она злоупотребила их доверием – не каждый родитель отпустит свою дочь из семьи на учёбу; вообще, редко кто. Клеймил её за то, что она повела себя вовсе не как даргинка и мусульманка. Особенно он допытывался у Ясмины, не испорчена ли она? Он грозил самой жестокой расправой, если это случилось. Ясмина утверждала, что сохранила себя. Салим опять спрашивал. Она говорила, зачем ей врать? Зачем ей надо было бы скрывать, если бы это произошло? Ведь всё, рано или поздно, откроется. Но Салим напоминал ей, что совсем недавно она утверждала, будто у неё никого нет, хотя это была неправда. Как ей теперь верить? И Ясмина отвечала, что она не хотела открываться тёте и дяде, и при них не хотела, но родители другое дело – родителей она не обманывала.

В конце разговора Салим приказал дочери, чтобы она завтра же забрала свои документы из

университета, а послезавтра он приедет за ней. И опять потребовал от неё, не выходить из дома без сопровождения родственников. После этого он вышел из гостиной и спустился во двор подышать свежим воздухом, успокоиться.

А к ноутбуку подсела Халида. В этот раз она не кричала, не обзывалась – после буйства Салима это было ни к чему. Она была строга, жестковата, но жёсткость проистекала из желания погасить жалость, вспыхнувшую в данную минуту в её материнском сердце. Говорила Халида не долго. А Ясмина, заливаясь слезами, спрашивала её: «В чём я виновата? В том, что встречалась с человеком, который хочет на мне жениться и который мне нравится? Я в этом виновата? Ну и что, что он русский? В Коране сказано, что нельзя выдавать мусульманок за язычников, а русские же не язычники, они – христиане, люди Писания. Почему за нормального русского нельзя? А что, наш сельский чурбан с гор лучше? Лучше, если меня закроют от всех и сделают из меня то, что захочется этим отсталым деревенщинам? Разве я хуже их? Почему я не могу жить своей жизнью?». И Халида, на глазах которой выступили слёзы, снова сказала что-то жёсткое и оборвала связь.

Зарина подслушивающая разговор, прошла в свою комнату. Но перед этим она заглянула в комнату брата и сказала, чтобы он меньше играл на компьютере. Тот психанул, вскочил со стула, но сестра быстро забежала к себе в комнату и закрыла дверь. Парень вышел в коридор и увидел свою мать, проходящую на кухню. Он понял, что родители закончили разговор с Ясминой и тут же позвонил ей по скайпу.

Ясмина, сидела перед компьютером и рыдала. Услышав вызов, она взяла себя в руки и посмотрела, кто вызывает. Вытерев слёзы, через дюжину секунд ответила брату, боясь вызвать новую порцию гневных оскорблений за то, что медлит с ответом. А брат опять говорил ей гадости, обзывал неприличными словами и обещал убить. И Ясмина сорвалась…

Её довели до предела, дальше которого она не могла безропотно сносить угрозы, оскорбления, а главное – диктат чужой воли. Она почувствовала себя загнанной в угол. Страх перед скорой встречей с этими людьми, встречей, сулящей лишь неприятности, заставил её действовать.

Ясмина потянулась к ноутбуку и резко опустила его крышку. «Сгинь в аду» – произнесла она (конечно, на даргинском языке), и пошла в девичью комнату. Тётя находилась в коридоре, чуть поодаль от двери. Похоже, она подслушивала. «Всё? Закончила разговор?» – спросила она, но Ясмина не ответила.

В комнате Ясмина села на свою кровать. Забия задала ей один вопрос, другой… но и её Ясмина не удостоила ответа. Через несколько секунд зашла Роза, выразить недовольство тем, что племянница выключила ноутбук и не хочет с ней разговаривать. Выразила – и тут же ушла. Она направилась в гостиную, чтобы позвонить Халиде, а затем своим родителям. Забия пошла за ней и забрала с собой младшую сестру.

Алиф в это время был в ванной. Он принимал душ и брился. Троюродного брата Ясмины дома не было: парень пошёл к приятелю, жившему в соседнем доме. Как только тётя и сестра скрылись в гостиной, Ясмина достала из секретера деньги, какие-то бумаги… положила их в сумочку. С сумкой в руке, она открыла

дверь комнаты, выглянула в коридор. Её никто не видел. Стараясь не шуметь, она дошла до прихожей, надела лёгкие летние туфельки и тихонько отворила дверь квартиры. Вышла. Она закрыла за собой входную дверь, отжав что есть силы вниз ручку замка, чтобы его щелчком не привлечь к себе внимание домочадцев, потом медленно её отпустила. Всё это она делала затаив дыхание, повинуясь всплывшей из глубин психики могучей уверенности в том, что именно так и надо теперь поступить. Так и надо!

Ясмина спустилась по лестнице на два этажа и вызвала лифт. С каждой секундой напряжение в ней росло. Сейчас, сейчас они уже обнаружили её отсутствие; уже кинулись к входной двери, к лифту, вниз… казалось ей. Она вышла на улицу. Кто-то подходил к подъезду справа. Знакомый силуэт. Это брат, возвращающийся от приятеля! Глаза Ясмины расширились от страха, внизу живота похолодело. Однако нет – это незнакомец. Она быстро зашагала налево от подъезда. Там, за углом, за аркой соседнего дома обычно её высаживал Иван. Это место не видно из окон квартиры Алифа.

Будет он там ждать в это время? Он обещал. Но, кто его знает? Если нет – она, может быть, возвратится. Оставит где-нибудь колечко обручальное, и возвратится. Значит, не судьба. А если он твёрд в своих намерениях, ответственен – то пусть он её защищает. Он не признавался в своём самом сильном чувстве к ней. Он, как настоящий мужчина, – ждёт, что Ясмина сделает признание. Он не как другие русские. И она, она первой сделает признание, как и положено девушке, передающей свою судьбу в руки мужчины. Если он тут, если он ждёт…

Иван сразу же увидел Ясмину, как только она появилась в тёмном проёме арки. Он разговаривал с товарищем… – и вот она появилась. Он оборвал свою речь на полуслове, выскочил из машины, кинулся навстречу девушке! Она была одета просто, по-домашнему; волосы её прикрывала невзрачная косынка, только серая с белым низом сумка бросалась в глаза.

Ясмина, увидев знакомую машину, а потом Ивана, выпрыгнувшего из неё, обрадовалась, ускорила шаг, однако через секунду остановилась, поджидая его.

– Что ты будешь делать? – спросила она, когда парень подошёл. – Если я скажу, что больше не хочу обратно, что ты будешь делать?

Иван не успел ответить. Ему было, что ответить, но он стал подбирать слова повесомее. А она через секунду продолжила:

– Что ты будешь делать, если я скажу, что люблю тебя и хочу быть с тобой?

И опять он не успел ответить. В этот раз он не знал, что отвечать, ибо последняя фраза Ясмины лишила его возможности внятно мыслить. А Ясмина, заметив, как выражение его лица стало крайне серьёзным, озабоченным, и в то же время глаза его посветлели, заблестели маленькими искорками, и пристально глядели на неё… и Ясмина произнесла:

– Я люблю тебя.

При этих словах она перевела взгляд с подбородка и губ Ивана на его глаза. Секунду она молчала, а затем сказала:

– Защити меня. Сделай то, что должен сделать настоящий мужчина для своей женщины.

Он привлёк её к себе, обнял, погладил её голову, поцеловал в щёку. В заплаканных глазах Ясмины снова стояли слёзы. Только что она вверила свою судьбу в руки другого человека, но она продолжала чувствовать тревогу.

– Пошли, – сказал Иван, и повёл девушку к машине. Его товарищ стоял на тротуаре, ожидая пару. Он поздоровался, но Ясмина не ответила и даже не заметила его приветствия. «Егор, сядь за руль, – обратился к нему Иван. – Довези нас до метро, туда, где тебе удобно выйти, а дальше мы поедем одни». Егор сказал: «Хорошо» – и занял водительское место. А Иван усадил Ясмину на заднее сидение и сам сел рядом с ней. «Я довезу вас до дома. А что?» – сказал Егор. Иван ответил: «Нет. Не надо. Ты сейчас езжай домой, отдыхай. Ты мне можешь завтра понадобиться. Так что, спасибо тебе, но ты отдыхай, готовься. Завтра, послезавтра». Машина тронулась. Пропустив попутку, они выехали на вторую полосу и набрали ход. Ребята не видели, как вслед за ними двинулся чёрный внедорожник их тайной охраны.

Иван не стал звонить родителям и предупреждать их о своём скором приезде с Ясминой. Однако Андрей Михайлович знал об этом уже через несколько минут после того, как Ясмина села в машину его сына. Ему сообщили об этом ребята из охраны. То есть, он не знал точно, что сын с невесткой едут домой, но логично было предположить именно это. А через несколько минут, когда молодые были ещё в пути, раздался сигнал вызова скайпа. Андрей Михайлович намеренно держал компьютер включённым, ожидая звонка из Махачкалы – и вот он последовал. Это был звонок от Салима.

– Слушайте, – сказал он сходу, – я не знаю, известно вам, где моя дочь или не известно, но вам лучше сейчас же найти её и возвратить в дом наших родственников. Или вы будете искать своего сына, и, может быть, никогда не найдёте его. Ясно, да?

– Эй-эй, уважаемый… Я вас могу понять, поэтому не хочу воспринимать ваши слова серьёзно… – начал отвечать Андрей Михайлович, но Салим прервал его.

– Нет. Вы их воспринимайте серьёзно. Потому что я говорю сейчас серьёзно. У нас словами не бросаются.

– Да? Ну, тогда и мой серьёзный ответ выслушайте. Мне ваши угрозы по шарабану. Мы вам предлагали поговорить спокойно. Мы готовы были выслушать ваши условия…

Но пунцовый от злости Салим хлопнул крышкой ноутбука – и связь прервалась.

Светлана Николаевна не слышала этого разговора: она пришла в гостиную через несколько секунд после того, как он оборвался. Андрей Михайлович рассказал ей, что произошло.

– Я позвоню Ване, – сказала Светлана Николаевна.

– А смысл? Сейчас они приедут уже. Вот увидишь.

– Я понимаю, но всё равно. Я беспокоюсь. Почему он не позвонил?

– Ему сейчас не до нас. Тебе надо к тому привыкать, Светик. Привыкнуть и смириться.

Супруга с грустью поглядела на Андрея Михайловича и сказала: «Я позвоню».

Она набрала номер Ивана. «Сынок, ты почему не звонишь? Почему ничего не рассказываешь?» – «Мам, я сейчас приеду. Я не один, мам» – «Я знаю, сына. Но почему ты сам не сообщил нам?» – «Откуда тебе

известно? Что-то случилось?» – «Её отец звонил только что, угрожал нам». Иван потянул с ответом, потом сказал: «Мам, мы скоро будем. Дома поговорим. Ладно? Ну всё, давай». Он нажал «отбой».

– Ну, и что ты узнала? Что он едет домой с невестой? Вот новость-то! Чего звонила?.. – бурчал Андрей Михайлович.

– Ой, да что, мне теперь с сыном нельзя по телефону поговорить? ...

Но не будем замусоривать наше повествование обычными супружескими препирательствами.

Егор довёз молодых до одной из метростанций, где и оставил их. Иван сел на место водителя и предложил Ясмине пересесть вперёд.

– Подожди, – сказала она. – Подожди пока. Не торопись. Мне надо узнать одну вещь. Иди сюда. Садись тут.

Иван переместился обратно на заднее сидение.

– Что ты хочешь узнать?

– Ты любишь меня?

Только Иван собирался ответить, после некоторой паузы, как Ясмина спросила его:

– Почему ты не говоришь мне... – и прильнула к плечу Ивана. Она взялась одной рукой за его запястье, а второй стала гладить его плечо. Гладила неумело (будто ища опору, осязая чуждое), как это делают все юные, неопытные в ласках девушки, – ... я тебя люблю?

Он повернулся, перехватывая её руки, потом опустил их. Положив локоть одной руки на спинку сидения, и касаясь шеи Ясмины, а второй рукой держа за плечо, он глядел ей в глаза. В полумраке салона её лицо было особенно красивым, особенно привлекательным, трогательным.

– Скажу, – произнёс он. – Обязательно. Но в другой обстановке, в других обстоятельствах. Сейчас мне нужно тебя защитить.

Он поцеловал девушку в щёку, в губы, затем поцеловал её руки, подняв их к своему лицу.

– Ты не бросишь меня? – спросила Ясмина.

– Не надо так плохо думать обо мне, – говорил Иван, продолжая ласкать девушку.

– Ты для меня теперь всё.

– Как Пушкин? – иронизируя, спрашивал парень и целовал симпатию в висок.

– Я же из-за тебя… Я не смогу жить…

– Ласточка моя, Ясминушка, милая… я не оставлю тебя. Я… тебя… не брошу. Ты моя навсегда.

Через минуту они снова были в пути.

– Твой отец звонил нам? – спросила Ясмина. Она сидела теперь на переднем пассажирском сидении.

– Да. Я тебя тут ждал, так что подробностей не знаю. Мне мама позвонила, рассказала.

– И что?

– Ничего. Разговора почти не было. Он не захотел говорить.

Девушка опустила голову, подумала, потом сказала:

– Я так и думала. Сейчас они будут нас искать и придут к вам.

– Кто?

– Дядя, его родственники и друзья. Отец завтра приедет теперь. Он хотел послезавтра приехать.

– Он только что опять звонил.

– Сейчас?

Иван кивнул:

– Угрожал. Мать так говорит. Подробностей не знаю.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, ТЬФУ-ТЬФУ-ТЬФУ

«Побуждение, импульс не обязательно противоречит
уму и здравому смыслу, ибо здравый смысл
сам по себе является импульсом»
А. Маслоу, «Мотивация и личность».

К тому времени, когда Иван привёз в отцовский дом Ясмину, был ещё один звонок из Махачкалы. Об этом рассказывали мать и бабушка Ивана. Звонила по скайпу Халида. Она плакала, говорила, что теперь они опозорены, что Ясмине грозит опасность за самовольство и пренебрежение законами её народа. Светлана Николаевна тоже не могла удержать слёз, рассказывая об этом и глядя на спутницу сына. Ясмина слёзы сдерживала, но было видно, как сильно она напугана, зажата. Она не отходила от Ивана в первые минуты после приезда, держалась за его руку. Но, собственно, у всех было тревожное состояние.

Вслед за молодыми приехал Володя с женой; детей они оставили дома, с няней. Потом женщины и Даша пошли на кухню и забрали с собой Ясмину. Они поили Ясмину чаем с мятой, расспрашивали её и успокаивали. Мужчины пошли в гостиную второго этажа. Там они обнаружили, что опять были вызовы из Махачкалы. Не успели отец и сыновья перекинуться парой слов, как поступил очередной вызов. Ответили. Это снова была Халида. Но в этот раз рядом с ней был её сын. Так же вблизи неё находилась и дочь, но не показывала лица. Халида опять запричитала, но сын перебил её. Увидев трёх мужчин, он стал вызывающе допытываться, кто посмел положить глаз на его сестру. Иван назвал себя. Понеслась брань. Андрей

Михайлович пытался утихомирить брата новоиспечённой невестки и своего сына, который стал отвечать на оскорбления. Халида также пыталась воздействовать на своего сына. Даже Забия на секунду попала в поле зрения вебкамеры, когда хотела чуть остудить пыл своего братца, но была тут же им оттолкнута.

Андрей Михайлович, стараясь не отвлекаться на ругань и угрозы, предложил Халиде позвать её супруга, чтобы обсудить складывающиеся обстоятельства и попробовать договориться. Оказалось, что Салим поехал в аэропорт, чтобы отбыть в Москву скорейшим образом. Она снова заплакала, запричитала, прося возвратить им дочь. Брат Ясмины, который на короткое время исчез с экрана и не был слышен, опять возвратился и снова начал петь свою воинственную и нецензурную арию. Пришлось Андрею Михайловичу оборвать связь.

А минут через десять, когда мужчины спустились в кухню, зазвонил телефон Ивана. Звонок шёл с мобильника Ясмины. Сначала в телефоне звучало женское «алё», но когда Иван ответил, то последовала пауза, потом вопрос «кто это?», а после того как Ваня назвался, послышалась приглушённая речь, шум… и затем мужской голос. Это был голос Алифа. Но Иван узнал его не сразу, и даже не столько узнал, сколько понял по словам, что говорит дядя Ясмины, с которым он уже имел беседу.

– Ваня, ты не послушал моего совета. Не хочешь ты по-хорошему. Теперь ты будешь наказан. Слышишь меня?

Алиф спрашивал, видимо для того, чтобы проверить, правильно ли они с супругой и сыном

вычислили телефонный номер похитителя их племянницы?

– Слышу.

– Ты будешь наказан Ваня. В любом случае ты будешь наказан. Только если ты будешь вести себя правильно, то тебе будет не так больно и страшно. Поэтому ты постарайся, чтобы мы тебя наказали только за то, что ты уже натворил. Понял, да? Дальше будь послушным мальчиком. Будешь послушным?

Родственники закончили переговариваться и смотрели на Ивана. Смотрела на него и Ясмина. Он не сказал и не подал ей виду, что говорит с Алифом, но она догадывалась. Другие тоже догадались, что Ване звонит кто-то из московских родичей Ясмины.

– Конечно. Только я не знаю, кого теперь мне слушать. Вы бы назвались что ли, чтобы я знал.

– Узнаешь. Скоро узнаешь. В лицо ты меня видел, а имя тебе знать не обязательно. Вместо меня может быть любой другой из нашей семьи.

– Я понял. Но давайте закончим церемониал и перейдём к делу. Скажите, что вы хотите, а я скажу, что я готов для вас сделать.

– Ты что борзый такой, а?

В этот момент Андрей Михайлович спрашивал:

– Ты с кем говоришь? Кто звонит? Дядька её, да? А ну дай, дай я с ним поговорю. Посмотрю, что там?..

Но Иван покачал головой, рукой показал, чтобы ему не мешали. Алиф тем временем продолжал психическую атаку:

– Думаешь, я с тобой по телефону поговорю и всё? На этом закончится? Ошибаешься. Я приеду к тебе. Приеду к тебе домой. И не как прошлый раз, два-три человека, а уже нормально так... Вот тогда будем говорить с тобой по-другому. Мама тебе не поможет.

– Дядь, конкретные предложения есть?

Повисла тишина. Через несколько секунд Алиф сказал:

– Привози Ясмину обратно. И сам приезжай, а то мы накажем посторонних людей, а ты же этого не хочешь, правда?

– Нет.

– Вот. Молодец.

– Я сказал нет, не привезу я вам Ясмину. Она будет со мной. Мы женимся.

– Э, слышь да? жених, я сейчас приеду и из тебя невесту сделаю, … твою порву.

– А без угроз и оскорблений можно? Мы ведь будущие родственники.

Андрей Михайлович прервал общее молчание:

– Вань, ты только не дерзи. Спокойно говори. Не надо заводить ситуацию в тупик. Спокойнее. И громкую связь включил бы что ли.

Алиф, видя, что угрозы не очень действуют, сбавил обороты:

– Ваня, ну если ты считаешь, что мы будем родственниками, то давай встретимся. Не хочешь сам приезжать? Давай я приеду. Говори, куда.

– У Ясмины есть родичи поближе вас. С отцом её я буду разговаривать, а с вами… ну, позже, может быть.

– Её отец далеко. У неё я тут старший. Я для неё как отец. Я за неё отвечаю. Так что, давай, не прячься. Скажи куда приехать, я приеду, поговорим, обсудим… по-родственному.

– Нет, я дождусь, пока её отец приедет. И мать её звонит нам. Так что…

– Ты боишься что ли? Я думал, ты не такой трус.

– Думайте, что хотите. Я сказал.

– Ваня, ты же всё равно не спрячешься. Мы тебя везде найдём. Ты что, думаешь, мы тебя не найдём? Номер твой у нас есть, а скоро и адрес узнаем. Только когда мы тебя сами найдём, то тебе будет очень плохо.

– Не ищите, не старайтесь. Я прятаться не собираюсь. Отца Ясмины мы сами пригласим, и вы можете с ним приезжать. Будем рады. Но пока Ясмину я вам не покажу. Что вам ещё не понятно? Её я вам не покажу и не отдам. А договариваться будем обязательно.

– Слушай, если ты её тронешь, с тобой уже никто не будет договариваться. Ты меня понял? Я тебе прямо говорю. Если ты её испортил, то тебе … Понял ты меня?

– Ничего такого. Я ей обещал, что буду соблюдать ваши законы, если вы не станете с меня запрашивать больше, чем с дагестанца. Так что, до свадьбы у нас ничего не будет. В этом можете не сомневаться. Я это понимаю.

– Хорошо, что ты это понимаешь, но ты уже перешёл черту. Тебе не надо было так поступать. Девушка приехала оттуда, считай из деревни, жизни не видела, а ты ей голову заморочил. Ты за это заплатишь. Не запускай процесс, Ваня. Пока ещё не все знают, лучше привези её обратно или скажи адрес, и я приеду её забрать. Потом будет поздно. Ты не знаешь, с кем связался.

– Знаю. А вы обо мне и моей семье, наверное, совсем ничего не знаете. Так что, не надо меня пугать и уговаривать. Ясмина будет со мной, для неё так безопаснее. Я вам сказал, что вы ещё хотите? Вам я её не отдам.

– Ну, сука, скоро мы встретимся с тобой, тогда ты у меня по-другому заговоришь.

– До встречи.

Иван нажал кнопку разрыва связи.

Он положил телефон перед собой и только теперь, со времени начала телефонного разговора, взглянул на Ясмину. Она сидела съёжившись и взирала на Ивана глазами полными мольбы и надежды. Раздались вопросы «Кто это был?», «Ну, что там?», «Что он сказал?». Глядя на молчавшую Ясмину, Иван проговорил:

– Ничего. Всё в порядке. Мы тоже не пальцем деланы. Разберёмся.

После этого Иван всем объяснил, что дядя Ясмины требовал привезти обратно племянницу или назвать адрес, чтобы забрать её.

Дослушав Ивана, Ясмина сказала:

– Если они увидят, что силой не могут ничего сделать, что их не боятся, – они приедут с полицией. У дяди есть друзья в полиции. Они приедут и заберут меня.

В следующую треть часа шло обсуждение того, что надо сделать, дабы защитить молодых. Родственники Ясмины могли без труда её тут найти. Адрес можно было бы узнать через знакомых в полиции по мобильнику Ивана, или в университете. Решили Ясмину пока отправить в дом Володи и Веры.

Кроме того, Светлана Николаевна и Софья Леонидовна, связались с Халидой и уверили её, что Ясмина непорочна, и брачных отношений с Иваном у неё не будет до свадьбы, и это по её же настоянию. В разговор всё время вмешивался брат Ясмины и вызывал на разговор Ивана. Халида была раздражена, но не скандалила. Она лишь требовала, чтобы ей дали возможность поговорить с дочерью. Ей сказали, что это невозможно – Ясмина находится в другом месте. С Халидой было ещё двое женщин, которые заговорили

на повышенных тонах, стали угрожать. Родичи Ивана поспешили прервать связь.

Ясмина разрывалась в желаниях: ей и хотелось поговорить с матерью, но и было боязно. Иван советовал ей повременить. Завтра, когда немного всё утрясётся, можно будет пообщаться.

Потом Иван повёз Ясмину в дом старшего брата. Поехали на двух машинах: супруги – на своей, а молодые – на Ванином додже. Перед отбытием двух пар опять поступил звонок от Алифа. Иван дал отбой. Звонок пошёл повторно. Иван не стал отвечать. А минуты через две поступил ещё один звонок – с незнакомого номера. Юноша снова нажал отбой, и подумал, что может быть следует вовсе отключить мобильник до утра. Своей спутнице Иван ничего не говорил – она и так понимала, что звонки идут от её родственников.

Немного погодя, Ясмина сказала:

– Знаешь, что я хочу тебе сказать? Я должна это сказать.

– Да. Говори, я слушаю.

– Я уже с тобой. И хочу быть с тобой. Как там будет дальше, я не знаю. И ты не знаешь.

– Говори.

– Может получиться так, что… как это объяснить?.. не знаю. Понимаешь, я хочу, чтобы мы женились, я хочу, чтобы у нас была своя семья. Но вот я сейчас понимаю, да, что я могу потерять всех моих родственников. Всех, кого я знала, с кем росла. Может быть, даже нам придётся прятаться, тебе и мне. Это очень плохо.

– Чего ты хочешь?

– Подожди. Дай мне сказать. Понимаешь?.. у меня есть отец, мать, и сестра, и братья. И ещё есть

бабушки, дедушки, тёти и дяди, дальние сёстры и братья. Как я буду жить без них? Мне же всегда будет их не хватать. Если я заболею, или мой ребёнок заболеет, не дай Аллах, никто не придёт к нам, не будет рядом. Они даже не будут знать. Даже некоторые мои подруги могут со мной не общаться.

– Ясмина, у нас целая жизнь впереди. У тебя будут новые подруги, новые знакомые…

– Это не то. Новые у меня всё-равно были бы. А те люди, которых я знаю, и они меня знают? Мои родные? Как? Если мой отец от меня откажется, я потеряю всех своих родных. Как будто я не жила. Мои отец и мать не будут держать в руках моих детей, не будут их ласкать, не будут их учить. Мои родственники не будут радоваться моим детям. Мои дети не смогут играть с их детьми. Они не смогут приезжать к ним в гости, дружить. Ты говоришь, что у нас вся жизнь впереди, но никто не знает, сколько. Будущее мы не знаем. А моё прошлое? Как мне жить без него?

Она замолчала, опустила голову. Молчал и Иван. Во всей полноте открылась перед ним картина выбора, стоящая перед Ясминой. Ему очень хотелось, чтобы эта девушка была всегда рядом. Но какова цена? Ей придётся разорвать все давние связи с миром и начать существование с нового листа. Он представил, как бы он чувствовал себя, если бы сейчас, в эту минуту, ему пришлось бы навсегда отказаться от семьи, от друзей? По-настоящему, безвозвратно! И у тебя ничего нет, кроме карманных денег и тумана в будущем. Боже, какое дикое одиночество! Через пару часов захочется есть, ночью надо будет где-то спать. Чтобы заиметь свой угол и кусок хлеба придётся от кого-то зависеть, чем-то поступаться. Какой ужас! Ужас! Не на кого положиться, не к кому прийти. Да, он мужчина, он

силён, красив, умён. Он может наладить новую жизнь, обрести друзей, семью. И через что придётся пройти для этого? Но она, девушка? Девушка, которая вовсе не желает расставаться со своим прошлым, со своими близкими, с тем миром, который и сделал её такой привлекательной для него? Каково ей?

– Что же делать? – спросил Иван подсевшим голосом…

Ещё полчаса назад он, разговаривая с Алифом, испытывал некоторый мандраж, может быть даже страх, как и должно быть перед неизвестностью, перед важными событиями, но тогда он чувствовал в себе решимость… теперь он был в растерянности. У него появилось сомнение в своём праве на эту девушку. Из-за той цены, что придётся ей заплатить за свой выбор. И он судорожно искал выход, нащупывал зацепки.

– Что же делать? – спросил Иван подсевшим голосом. – Мне казалось, что ты решилась окончательно. Разве нет? Ведь ты же сама пришла.

И вот эти последние слова – «ведь ты же сама пришла» – через секунду показались ему подлыми, недостойными мужчины, недостойными порядочного человека. Эти слова как-бы снимали с него ответственность за всё, что сейчас происходит и что случится с ними в будущем. Ване стало неудобно, стыдно после этих слов. Но, как известно, слово не воробей: вылетит – не поймаешь.

Однако Ясмина эти слова восприняла не так остро. Впрочем, не факт, что они не засели в её памяти навсегда. Только не получили немедленного отклика в душе.

– Я боялась, – сказала девушка. – Мне позвонил отец и сильно ругался. Говорил, что сильно накажет меня. А потом звонил брат. Он был очень злой. Я

боюсь его. Он может сделать что-то плохое. Он такой. Мне стало страшно. Я испугалась и захотела убежать.

– Понятно. Убежала от неприятностей, но, оказывается, не от тех.

Как боксёр, умеющий держать удар, Иван начал приходить в себя, отодвигая чувства на задний план. Он искал приемлемый для обоих выход. И опять вопрос:

– Ну а как же твои слова о любви?

Она взглянула на Ивана. Взглянула так, словно открыла в нём, что-то новое, и не приятное для неё.

– Я сказала, что хотела. Правду. Но…

Она опять замолчала, собираясь с мыслями.

– Я боюсь. Я боюсь остаться… и боюсь своих…

Она вскинула голову, поглядела на Ивана, дотронулась рукой до подбородка. Сказала:

– Мы делаем не так. Не правильно.

Иван повернулся к девушке, на секунду совершенно забыв о дороге. Они уже подъехали к дому брата. Машина чуть было не въехала в Володино авто.

– Почти приехали, – сказал Иван. И тут же поправился, – Нет, не почти. Приехали. Вот тут.

– Мне надо сказать, – промолвила Ясмина, с ожиданием смотря на парня.

– Пойдём в дом и там поговорим.

– Нет… лучше здесь.

– Ладно. Сейчас. Припаркуюсь только, и скажу Вовке.

Он поставил свою машину рядом с братовой и, опустив стекло, сказал ожидавшим их Володе и Вере:

– Вов, Вер, вы идите, нам поговорить надо. Пять минут. Ладно?

– А в доме нельзя? Там хоть всю ночь разговаривайте, – заметил старший брат.

– Вов, ну… сейчас придём.

– Пусть поговорят, а мы пока приготовим для Ясминки спальню. Не мешай им. Пошли, – сказала Вера.

Супруги удалились, а Иван, повернувшись к Ясмине, сказал:

– Всё? Я готов.

Но мы совсем забыли о прочих участниках сей истории. Так что, пока оставим наших героев, перед их последним серьёзным разговором и посмотрим, чем заняты их близкие.

В доме Салима никто не спал. Мало того, в его доме собирались люди, несмотря на довольно поздний час и грядущее начало рабочей недели. Сам хозяин дома отбыл в «нерезиновую». Он успел дать десятки распоряжений, сам быстро оделся и, буквально, выбежал из дома. Дело в том, что до последнего московского рейса этого дня оставалось менее двух часов. Салим вызвал племянника, работавшего таксистом, позвонил нужным людям, чтобы его пропустили к самолёту по зелёному коридору, распорядился о билетах. Пробок в это время не было, но племяннику пришлось гнать машину через пригород Махачкалы и Каспийск. Дважды их останавливали депеэсники и пришлось расплачиваться за лихачество. В конце концов, Салим благополучно добрался до самолёта. Следующий рейс был лишь в половине восьмого утра.

Халида хотела ехать с ним. Салим сказал «нет». Халида говорит ему, мол, что же я буду сидеть тут на нервах, и поговорить не с кем? Тогда решили сообщить родственникам, что Ясмину украли. Только одну

частность надо было скрыть, – что украл русский. Просто сказать, мол, только что это случилось, а кто сделал – не знаем пока. Салим позвонил своему брату и сказал, что случилось (по тому варианту, о котором договорился с супругой), и сообщил, что едет немедленно в Москву. Брат должен был поведать обо всём матери. Конечно, он изъявил желание составить Салиму общество, но тот отказался, попросил приглядеть тут за семьёй.

Сразу после этого он позвонил старшему сыну в Воронеж. Объяснил: так и так, вылетаю срочно к месту происшествия, и ты (Ибрагим – имя старшего брата Ясмины, как у её деда) сейчас же туда направляйся. Тот говорит отцу: «Ты же сам военный, офицером был, знаешь, что такие вопросы не я решаю. Если отпустят, то сейчас же сяду в машину и поеду в Москву». Салим ему отвечает: «Я знаю, что ты на хорошем счету, значит, тебя отпустят. Не звони, а иди прямо к командиру домой, разбуди, если спит, объясни ситуацию – он тебя отпустит. Давай. Ты нам нужен». Ибрагим сделал, как ему сказал отец, и его отпустили на трое суток. Он тут же попрощался с женой и детьми, и поехал на своём «рейндж ровере» в Москву.

Выехав, Ибрагим позвонил сестре. С её мобильника ответила ему Роза. Передала телефон супругу. Алиф рассказал, что узнал телефон русского, уже звонил ему, разговаривал, но безрезультатно. Сказал, звонил ещё, но тот перестал отвечать на вызовы. Где Ясмина, он не знает. Звонил ему повторно именно для того чтобы поговорить с Ясминой. Ибрагим попросил Алифа выслать ему эсэмэской номер того русского. Попрощались. Через минуту старший брат Ясмины получил номер телефона Ивана.

Получил, и сразу набрал номер. Но ответа на его вызов не было. Ибрагим решил дозвониться позже.

Надо сказать, что Роза, подслушавшая разговоры Ясмины с отцом и братом, поняла, что за ней ухаживал кафир. Уверенности у неё не было, но такой вывод она сделала из подслушанного. Сразу же поднимать скандал на новый уровень истерики она не стала, потому что при собственной дочери ей было неудобно даже говорить о таком извращении. Да и просто, такой поворот событий не укладывался в её извилины. Она подошла к ванной и спросила мужа, скоро ли он выйдет? Тот ответил, что минут через пять. Роза решила позвонить Халиде и получить объяснения от неё. Позвонила с мобильника, но Халида в этот момент была занята в семейной стычке: Салим скандалил с сыном, потому что услышал, как тот опять ругал Ясмину и угрожал ей. Халида даже не слышала вызова Розы. Забия же по скайпу связалась с сестрёнкой Ясмины. В процесс общения включилась и Роза. Вот Ясминина сестрёнка Зарина и сказала (по большому секрету), что у Ясмины русский ухажёр. Ну а сама Ясмина в это время совершала побег.

Так что ураган Роза начал бушевать ещё в гостиной, но когда он переместился в девичью комнату, чтобы потрепать причёску одной непослушной девчонке, то превратился в завывающий вихрь, который быстро промчался по квартире и вынесся на лестничную площадку.

Ой, что было! Алиф выскочил из ванной полубритый и полуголый, Роза исступлённо названивала со своего мобильника на телефон Ясмины, а Забия вела онлайн-репортаж о происходящем по скайпу, непосредственно в дом хромого Салима. Потом Алиф впрыгнул в брюки и

понёсся к лифту, спустился на первый этаж и там встретил сына, возвращающегося от приятеля. Промедли тогда Ясмина и могла бы именно она встретиться с троюродным брательником. Отец с сыном кинулись в разные стороны, чтобы высмотреть беглянку. Но та была уже далеко и бесстыже прижималась к груди «ванюши».

В общем, о том, что Ясмина сбежала, в Махачкале, в её семье, узнали почти в тот же момент. Там тоже начался переполох. Брат Ясмины кричал: «Я поеду в Москву, убью обоих». Салим кричал ему: «Замолкни, или я убью тебя». Лицо Халиды стало тёмным, грубым; она только произносила: «Зачем?».

Горе, горе пришло в дом хромого Салима: дочь сбежала с инородцем, с кафиром!

Салим решил ехать в Москву немедленно. Может быть, удастся поправить положение. Или хотя бы сделает что-то, что должен делать мужчина и отец семейства. Он приказал супруге скорее собрать ему вещи. Халида пошла в их комнату, чтобы приготовить мужу сменное бельё и прочее. Через минуту или две он кликнул её из гостиной, и когда она пришла, сказал: «Набери мне этих». Женщина выбрала в скайпе номер родителей Ивана и нажала «Позвонить». «Иди», – сказал муж, и Халида вышла из гостиной, чтобы продолжить сборы. Ну, а разговор Салима с Андреем Михайловичем, нам уже известен.

Салим также разговаривал с Алифом и Розой. Он просил их, не говорить о том, с кем сбежала его дочь. Но Роза уже успела с кем-то обсудить горячую новость. В общем, попытка скрыть некоторые детали случившегося не удалась. Поэтому, когда Салим уехал в аэропорт, а к нему в дом стали подходить и подъезжать родственники – большинство родичи

жены – то вскоре они уже были в курсе произошедшего. Халида успела связаться с родителями Ивана ещё до первых гостей, но вскоре у неё в гостиной было уже около десятка женщин и несколько мужчин, и все эти люди требовали немедленно связаться с родителями похитителя и надавить на них. Халида вняла их требованиям, но русские не отвечали на вызовы по скайпу.

Семья Алифа была, конечно, в постоянной связи с Махачкалой. И вот, когда шло бурное обсуждение посредством скайпа, сын Розы, в ответ на какую-то фразу, сказанную матерью, заявил, что слышал разговор Ясмины и уверен, что она разговаривала с тем самым русским. Таким образом, был изобличён некто Иван, похититель кавказских невест, скрывавшийся в мобильнике одной из них под псевдонимом «Галина Максимовна». Алиф позвонил ему, дабы напрячь. Иван напрягся, – но невесту из рук не выпустил.

Алиф не собирался спать: ему предстояло встретить в аэропорту Салима. Да и никто не думал спать. Было совершенно не до сна. В том числе и кое-кому в Махачкале. Слух о том, что Ясмина сбежала, достиг ушей одного влиятельного в её роду человека. Этого человека зовут...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, ПОУЧИТЕЛЬНАЯ

«Открывая вселенную в поисках чашечки кофе,
ты однажды изменишь прямые на жалкий
дрожащий пунктир,
и сюжет станет прост, как в кино - эпилог
катастрофы...
Интересно, захочет ли кто-то сбежать в
твой
сегодняшний мир?»
Алисса Росс, «Детство».

Придётся нам, мой сердечный читатель, сделать махонькое отступление от линии повествования. Так вот, назовём этого человека Ахмед. Тем более что слово Ахмед созвучно его настоящему имени. Он довольно известен в Дагестане, потому сведущие вероятнее всего поймут, о ком идёт речь. Но случай, о котором я сейчас поведаю, знают очень немногие – по сути, только семейный круг, в том числе и Ясмина.

Ахмед доводится родственником Салиму, двоюродным братом. Помните, мой разносторонне развитый читатель, в самом начале нашего рассказа, шла речь о дяде Салима? И было сказано, что этот дядя оказывал покровительство ему и желал чтобы Салим в дальнейшем занял его место – место самого влиятельного человека их рода. Но этого не произошло. Салим стал тем, кем стал. Конечно, он имел знамовес, имел влияние, но всё же самым значимым человек в роду стал Ахмед. И не только в роду, но и в иных кругах.

Дело в том, что в то время, когда Салим начинал устраивать свою семейную жизнь в Махачкале, Ахмед укреплялся в Москве. Через несколько лет он попал в тюрьму. Отбывал срок за убийство двух человек в сообщничестве с двумя младшими родственниками и тремя друзьями. Лихие были годы, и Ахмед тогда промышлял в каменных джунглях столицы. Да, занимался охотничьим промыслом. Охотился со своими друзьями на богатеньких буратин, а так же враждовал с соперниками за промысловые угодья. За убийство своего соперника и его приближённого Ахмед и был арестован и осужден. Жертвами были разбойники из Грузии, а на Петровке в те дни операми через одного тоже были уроженцы Грузии. Что показательно. Если бы те двое убили Ахмеда, то вряд ли их «нашли». Хотя, опера получали бы внеочередные звания, должности и премии. А вскоре уволились бы и купили на первую пенсию, да на паях с добрыми друзьями, ресторанчик в пределах Садового кольца. Впрочем, почему «бы»? Можно пройтись по центру Москвы и поинтересоваться, кто истинный владелец (или был одним из первых хозяев в девяностых) местных, кафе, ресторанов, ювелирных лавок и модных бутиков.

Автор не позволил себе лишнего?

Итак: Салим, будучи человеком добропорядочным, по натуре не захватчиком, никогда не привлекался дядей для каких-то тёмных дел и выяснения отношений с соперниками. Он имел спокойный и законный удел в дядином хозяйстве. Хотя после времён закона и справедливости, коими были для большинства людей советские времена, пришло время хищников, удельных князей и беззакония, – а это значит, что приходилось за кормушку биться

насмерть. И вот, выходит из тюрьмы Ахмед. Возвращается в родной город, где у него жена и двое детей. Он идёт к дяде и предлагает свою помощь. Мол, остепенился, но убийственных навыков не утерял, готов служить. Вроде как Винсент Манчини пришёл к дону Майклу Карлеоне, в «Крёстном отце». Кстати, дядя немало усилий приложил, чтобы племянник как можно скорее вышел на волю. Делал он это не только из собственного интереса, но даже более из-за обращений к нему родичей, особенно отца Ахмеда. Ну и когда тот возвратился после отсидки домой и пришёл с предложением своих услуг к дяде, он ему, конечно, не отказал. И Ахмед постепенно стал принимать на себя всё больше дел. Ведь дядя уже был староват, прямого наследника не имел (удивительно, но он так и остался до конца верен своей единственной жене, родившей ему сына-инвалида). И когда дядю убил один из братьев С-ых, то Ахмед взял все дела на себя. Надо сказать, он был успешен.

Однако Салима он стал обделять. Может быть, испытывал ревность, – ведь Салим числился в любимчиках у дяди, – а может быть исходил из практических соображений. В конце концов, видя такое положение дел, Салим пришёл к Ахмеду и сказал ему, что полностью обосабливается. Он ушёл с должности в горкоммунхозе, и занял тихое место в районной управе.

Ахмед к тому времени заматерел, сильно разбогател, обзавёлся очень большими связями. Теперь он имел трёх жён. По паспорту, правда, в жёнах у него числилась одна. Но это обычное дело на Кавказе. Все жёны жили в отдельных домах с детьми. Первая и старшая жена ждала его, когда он сидел в тюрьме. Она с четырьмя детьми жила в пригороде

Махачкалы. Как и вторая, с тремя детьми. Третья жена жила в Губдене, имела двух детей и ждала третьего на момент описываемых вашим покорным слугой событий. На ней Ахмед женился, когда ей исполнилось семнадцать лет.

Но давайте сейчас поговорим о старшей дочери Ахмеда от первой жены и возвратимся на несколько лет назад. Тогда произошёл примечательный случай.

Был у Ахмеда давний друг, ещё со школьной скамьи, по имени Сурен. Армянин. Сурен занимался продажей строительных материалов и сантехники. Так же он имел сношения, дружеские и родственные, с влиятельными и богатыми армянами из Москвы. Кстати, адвокат, вытаскивавший Ахмеда из тюрьмы, был предложен Суреном. В общем были они крепко повязаны, а кроме того и дружили.

Сидят они как-то раз в лучшем ресторане Ахмеда, в центре Махачкалы, кушают жареное на углях мясо молодого барашка из Краснодара, коньяк французский попивают. И Сурен говорит: «Ахмед, ты мне друг. Ты мой лучший друг. И я к тебе обращаюсь, как к другу, потому что знаю тебя хорошо, знаю как очень хорошего человека». И далее Сурен поясняет: мол, так как вырос среди мусульман, знает хорошо их закон, по которому они не выдают своих женщин за мужчин другой веры. Но только из дружеского доверия хочет всё же поднять этот вопрос. И всё дело в том, что его сын Артур воспылал прекрасными чувствами к дочери Ахмеда Зумруд. И что самое примечательное, Зумруд питает к Артуру такие же, а может быть даже ещё более прекрасные чувства. Но так как связь мусульманки с иноверцами порицается, и оба боятся справедливого, в какой-то степени, гнева Ахмеда, то сильно страдают. Зумруд запрещает своему

возлюбленному свататься и даже заикаться перед отцом об их браке, а сама никак не решится заговорить об этом с отцом, да всё откладывает разговор, да откладывает. А страдания уже такие, что и терпежа почти не осталось.

И вот, Сурен решился сам поговорить с другом об отношениях между их детьми. Решился с надеждой, что друг не накажет свою дочь и не станет препятствовать браку молодых. Ахмед молча выслушал, ничего не стал спрашивать. Потом он сказал, что поговорит с дочерью, и как она решит по итогам разговора – так и будет. Препятствовать он не будет, по причине дружбы с Суреном. Но Сурен должен понимать, что связь мусульманки с христианином не приветствуется в их среде, и значит он (Ахмед) должен поговорить с дочерью о возможных неприятных последствиях, о том, как к этому отнесутся родственники и прочие неравнодушные люди. А решение пусть принимает сама Зумруд. Сразу после этого Ахмед ушёл.

И вот что он сделал… Поехал к своей второй жене – на тот момент их у него было две – забрал её с детьми и повёз к своей первой супруге. Зумруд была старшей дочерью от первой жены, с которой он был в браке ещё до тюремной отсидки, и росла она, в общем-то, без отцовского воспитания. Собрал он всех в гостиной, выставил на растерзание два торта, которые прихватил из ресторана и приказал пить чай. Время было вечернее, после ужина.

Также он приказал рабу Грише очистить полностью от мебели и вещей одну из комнат. Совсем маленькая комната без окон, чулан.

Гриша – домашний раб, который обслуживал дом первой жены Ахмеда. Его нашли в Орле. Русский

мужчина пятидесяти лет, имеющий слабость к выпивке. Один из племянников привёз его Ахмеду. Ахмед просил того подыскать ему раба, который делал бы работу по дому, но не напивался бы до невменяемости. Племянник приглядел Гришу. Напоил, наобещал и привёз в Махачкалу тёпленького. Бывший инженер, у которого не заладились семейные отношения, оставшийся без жилья. Родственники были к его судьбе равнодушны, а он стал выпивать. Однако он пил не до упада, что позволяло ему выглядеть вполне сносно. Именно такой тип доходяг и подходит для бесплатной обслуги. Таких «гриш» множество в Дагестане и в прочих местностях Кавказа. Они, можно сказать, добровольно отдают себя в рабство, потому что им предоставляется какой-нибудь угол, простая одежда, выпивка, еда с хозяйского стола, присмотр, если занедужится. Эти рабы не являются членами семьи, как у древних афинян, к примеру, и за один стол с хозяевами их никто не пустит, но они имеют свободу передвижения и личное время. Наказанием для них обычно служит лишение выпивки или слова «Уходи, ты нам не нужен». Они держатся за свои рабские оковы, потому что боятся людей, боятся соперничества, боятся законов свободного мира. Если их продают или передают, другим людям, то с такими «гришами» как бы советуются, как бы просят их сделать одолжения. Это всего лишь игра на струнках рабской души «гриши», который обязательно согласится со своим собеседником, с хозяином – согласится с любым его предложением. Таков устав раба – человека без внутреннего стержня, без опоры на родственный круг, без мужества.

И вот, Гриша по приказу хозяина очистил комнату, а с наружной стороны двери прикрепил петли

для навесного замка. Кроме того в двери изначально был врезан замок с ручкой. Сделав эту работу, Гриша принёс и отдал ключи от комнаты Ахмеду. Ахмед попросил его отнести в комнату деревянный самодельный табурет.

Потом Ахмед объявляет: мол, моя старшая дочь Зумруд встала на неправильный путь. Она забыла к какому народу принадлежит, какой она веры. Наверное, её мать недостаточно строгой была в воспитании и без отцовского пригляда она сильно разбаловалась. И продолжает: мол, я попробую поставить её на путь истинный.

После этого он ведёт Зумруд в ту самую комнату, где нет окон, а из обстановки только табурет. Сажает дочь на табурет и говорит примерно следующее:

«Зумруд, ты меня сильно расстроила. Наверное, ты почти забыла, что такое стыд и позор, и я хочу напомнить тебе о них. Ты не настолько испорчена, чтобы тебя отдавать армянам. Я не хочу тебе говорить, из какого ты народа и какая у нас религия, и какие у нас законы. Ты сама это знаешь, и тебе надо только вспомнить. И когда ты вспомнишь, и найдёшь нужные слова, которые мусульманка должна сказать армянину, тогда ты сможешь выйти из этой комнаты и войти в свою семью. Если ты захочешь есть или пить, тебе принесут. А с туалетом придётся подождать. Когда вспомнишь, кто ты, и станешь как мы все – нормальные люди, мусульмане, – тогда и нужду справишь как человек. А пока ты животное. У животных нет стыда, нет морали.

Мы все будем ждать. И когда ты будешь выходить из комнаты, твои братья и сёстры будут встречать тебя за дверью, в коридоре. Ты должна была воспитывать своих младших сестёр своим примером, а

теперь мне самому придётся их воспитывать – воспитывать на твоём примере. И смотри, если ты справишь нужду где-то тут, в комнате, то я заставлю убирать за тобой младшую твою сестру, Натаван (ей тогда было шесть лет – примечание автора). Вот так мы сделаем. Я ухожу, а ты думай и готовь нужные слова для своего армянского «жениха». Мы все ждём твоего решения».

Ахмед вышел и запер дверь. Он объяснил жёнам и детям, что произошло, чего он хочет добиться, запретил общаться с Зумруд и выполнять её мольбы.

Девушка почти не спала ночью. Она несколько раз стучала в дверь, кричала и умоляла выпустить её. Для кавказской, мусульманской девушки, более чистоплотной и стыдливой, чем средняя европейка или русская, была невыносима мысль – предстать перед людьми, пусть даже самыми близкими людьми, в неприглядном виде. Для застенчивой юной кавкаженки, блюдущей чистоту своего женского образа, наверное, это самая страшная мука. Она продержалась до полудня следующего дня – и сдалась. Но ей пришлось ещё около часа ждать возвращения отца, который выехал из дома по делам. А когда он приехал, то сначала спросил, что она собирается сказать своему армянскому ухажёру? Когда Ахмед удовлетворился словами, подобранными дочерью, он распахнул дверь комнаты и приказал принести мобильник Зумруд. Дверь теперь была открыта, и домашние собрались перед ней, дабы не пропустить последний акт драмы запретной любви. Зумруд взяла трубку и сбивчивым севшим голосом, под пристальным взглядом отца, сказала своему несостоявшемуся жениху, что супружество между ними невозможно, и другие отношения тоже

невозможны, потому что она мусульманка, она предназначена божественным законом только для мусульманина; сказала, что для неё семья и вера важнее, чем чувства к мужчине, и вообще, её чувства к нему, это всего лишь наваждения шайтана. Затем она попросила забыть о ней и никогда никому не говорить, что они общались, что между ними было что-то общее.

После этого девушка была освобождена и вышла в коридор. Младшие братья, хоть и пугливо, но отпускали колкие замечания, а старшие члены семьи их утихомиривали цыканьем и затрещинами.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, ВСЁ СЕРЬЁЗНО, КАК У ПЧЁЛ

«Ничего личного. Это лишь бизнес»
Из фильма «Крёстный отец».

И вот теперь у Хромого Салима старшая дочь сошла с пути истинной мусульманки. Вай-вай-вай, какой позор! Ахмед, как только узнал об этом ужасающем происшествии, сразу позвонил отцу падшей девушки. Звонок застиг Салима в пути к аэропорту.

– Салам, Салим, – приветствовал Ахмед своего родственника.

– Алейкум ассалам, – отвечал отец Ясмины.

– Я слышал, что произошло с твоей дочерью. Как же так? Ай-ай-ай, теперь нам всем придётся сильно постараться, чтобы люди поменьше знали об этом.

– Я в Москву сейчас лечу.

– Правильно. С кем летишь?

– Один. Я сам буду решать вопрос.

– Надо было взять сына, брата, ещё кого-то. Сказал бы мне, я тебе помог бы с людьми, с машиной, со всем, что надо.

– Ахмед, я сам. Спасибо тебе за предложение.

– Ты зря отказываешься, ай Салим. Мы родственники. Я никогда об этом не забываю.

– А я забываю, да? Моя семья забывает?

– Салим, не горячись. Для нас всех важно, что происходит с твоей семьёй. Всё, что касается тебя, касается нас. Люди же про всех нас будут говорить. Что они про тебя скажут, то и про меня, мою семью, всех наших родственников. Поэтому я могу помочь, могу участвовать.

– Ахмед, я сам справлюсь.

– Смотри, я тебе предлагал. Это Москва, там не так, как у нас. Ты же знал про это, когда отправлял дочь туда учиться. А я сразу сказал, что плохо, если девушка не дома. Да и зачем девушке учиться в институте? Все диплом покупают, если надо, а ты девушку заставляешь учиться, да ещё в Москве. Зачем?

– Ахмед, давай ты не будешь заводить старые свои песни… ладно? Я у тебя ничего не прошу, и в своей семье я сам решаю проблемы.

– Просто, я тебя предупреждал уже давно. Другие люди тебе тоже говорили. Вот видишь, так и получилось. Даже хуже, чем мы думали. Чтобы с русским!.. Теперь нам всем надо этот позор смывать. Поэтому, Салим, ты не отказывайся от помощи родственников. В этом случае надо пожёстче. Надо образцово наказать их. Чтобы другие уже на наших девушек даже смотреть боялись. И её надо наказать, для примера всем нашим дочерям. А ты слишком добрый, Салим. У тебя слишком доброе сердце.

– Ахмед, я что, убить должен его самого и его семью?

– Салим, ты в некоторых вещах очень хорошо разбираешься, лучше меня, а в таких вещах ты слишком прямо всё понимаешь.

– Нет, ты скажи прямо, если ты в этом разбираешься, я их всех убить должен? И сесть в тюрьму, как ты когда-то, лет на десять? А?

– В тюрьме можно жить лучше, чем у себя дома. Нет-нет, я не про тебя говорю. Так просто, слова… И зачем тебе сидеть в тюрьме? Вот, ты в таких делах не очень хорошо разбираешься, Салим.

– За то ты профессионал в этих делах.

– Салим, не надо ругаться. Я на твоей стороне. Мы все на одной стороне. И найдутся люди, которые

готовы даже в тюрьме сидеть. Хоть десять лет, хоть двадцать. Ты же знаешь. Мы не оставим семью такого человека без попечения. Это пусть русские боятся в тюрьму попасть. Они каждый только за себя. Мы же не как русские. Мы все вместе поддержим любого нашего человека. Жена, дети, родители, сёстры – никто не останется без попечения, без защиты. Главное, чтобы нас уважали свои и боялись чужие.

– Ахмед, зачем ты мне это говоришь? Я тебе что, мальчишка?

– Я тебе это говорю, чтобы ты знал, что ты не один. И пусть ты сейчас отказываешься от помощи родственников (и ты не правильно поступаешь), но ты не один. И твой позор, и твоя слава принадлежат и всему твоему роду. Так что, сам должен понимать, лучше решать проблемы всем вместе.

– Хорошо. Если мне будет нужна помощь, я обращусь к родственникам. Пока обойдусь. Всё, мне надо к самолёту.

Вот такой разговор получился. Будь другие обстоятельства и Салим, вероятно, не позволил бы так поучательно разговаривать с собой, но сейчас он не чувствовал себя настолько вольготно, чтобы ссориться со своим могущественным родственником, знамовесом своего рода. Кроме того, в словах двоюродного брата имелась правота, знакомая и привычная точка зрения.

В аэропорту Москвы Салима встретил Алиф. По пути домой он ещё раз рассказал о случившемся, об Иване, с которым ему довелось поговорить несколько месяцев назад, и всячески подчёркивал, что его семья сделала всё возможное, чтобы такого не случилось, но… на всё воля Всевышнего. Салим не предъявлял обвинений. Понимал, что такого поступка от его

дочери не мог ожидать никто. Наверное, она и сама не ожидала от себя столь странного поведения.

Алиф сказал, что обзвонил московских родственников и друзей, договорился собраться утром у него и поехать по адресу, который должен ему назвать знакомый опер. И здесь он в какой-то мере повторил мысль Ахмеда, что надо наказать этого русского наглеца показательно. И конечно надо что-то сделать с Ясминой. Нельзя прощать такие поступки.

Салим промолчал по этому поводу. Он не знал, как поступить с Ясминой. Теперь уже стало невозможным скрыть правду от посторонних. И возврат девушки в отцовский дом обрёк бы её, скорее всего, на прозябание, которое было бы в тягость не только ей самой, но и всей семье. О замужестве можно было бы запамятовать. Если только второй или третьей женой, лет через пять-десять, отдать какому-нибудь пожилому селянину, решившему в религиозном рвении облагородить своим вниманием и поучениями падшую девицу. И до конца жизни переносить ей и всей семье колкости, недобрый шёпот и замечания за спиной. Махачкала, Дагестан – это не Москва, где никто никого не знает и не хочет знать. Хотя и в Москве земляков хватает, чтобы иногда получить порцию желчи.

Он мог бы отказаться от неё. В общем-то, он склонялся именно к этой возможности. Это было меньшее зло. У некоторой части друзей и родни сей поступок восстановил бы его рушащуюся репутацию. С другой стороны, многие, такие как Ахмед, посчитают данное решение слабостью, позорной сдачей чужакам, кафирам, русским. Для него самого и для Халиды, это значило бы, поселить в своём сердце чёрный сгусток злобы, чтобы не беспокоиться больше

о дочери, не интересоваться её чаяниями, её судьбой. Иметь только злость к старшенькой своей, чтобы не сомневаться в правоте своего решения. Есть другие дети, и надо думать о них. Она ведь о них не очень-то думала.

О том, что будет значить его решение для Ясмины, Салим не задумывался. Её мнение сейчас не принималось в расчёт. Каждый решает на своём уровне, в зависимости от собственных интересов и приоритетов. Вот у Салима семья, и из четверых детей только один устроен. Всегда надо чем-то или кем-то жертвовать. В порядке вещей – жертвовать малым. Порою только угадать бы – что малое, а что великое.

Приехав к Алифу, Салим первым делом связался по скайпу с Халидой. Её лицо было заплакано, и, говоря с мужем, она продолжала вытирать накатывающиеся слёзы. Большинство родственников разошлись, оставались трое – мать, племянница и заловка. Сказать им друг другу было особо нечего: связь с родителями похитителя отсутствовала. Салим сказал жене, чтобы она уложила всех спать и сама ложилась. Но той было не до сна. Как и самому Салиму.

Потом Салим покушал немного, попил чаю. Некоторое время беседовал со своими московскими родичами, звонил старшему сыну, который был уже на подъезде к столице. Дети спали, а взрослые ожидали приезда Ибрагима. Вскоре он приехал, но спать так никто и не лёг.

Когда Ибрагим спросил у отца, что тот собирается делать? – Салим ответил: «Там видно будет». Но сын хотел узнать, как он намеревается поступить с Ясминой. «Что Ясмина? – вспылил отец. – Всё и-за неё. Хорошо хоть ты уже семейный, а ещё надо о других

думать». Через некоторое время, когда они вдвоём вышли на балкон, вдохнуть шумной прохлады городского утра, Ибрагим снова вернулся к своему вопросу, и сказал:

– Знаешь, если он парень нормальный, и, как мне говорили, обеспеченный, из культурной семьи, то мне винить сестру не в чем. Среди русских тоже есть приличные люди.

– А среди своих мы ей приличного не нашли бы что ли? – Салим с гневом и недоумением смотрел на сына. – Ты что там, у себя в Воронеже совсем русским стал? И дети у тебя русские будут? Надо было тебе на нашей жениться, может поумнее был бы. А может, был бы умнее, взял бы в жёны нашу девушку, а не русскую. Теперь вот и сестра твоя… наверное с тебя пример взяла.

– Ну вот… я виноватым стал. Зачем так говоришь? Ты же моих детей на руках носил, целовал их. И в чём моя жена провинилась перед вами?

– Ни в чём. Она не из наших. Я тебе об этом говорил, когда ты только жениться хотел. Мы разные. Но ты захотел сделать по своему. Я против невестки и твоих детей ничего не имею. Раз они твои, значит и мои. Только детей ты должен сделать даргинцами. Так положено. И он… этот… который с твоей сестрой, тоже захочет сделать их русскими. Если он мужчина, конечно. А похоже, он не слабак.

– Я у них забрал, он у нас. Ничья.

Салим развернулся и отвесил оплеуху сыну. Тот пригнулся. На его лице не было и намёка на улыбку. На отца он не взглянул.

– Тебе смешно? – подавляя голос, злобно вопрошал Салим. – Осёл! Ты у себя в Воронеже отсиживаешься, а нам весь позор на своих плечах

тащить. Совсем бесстыжим стал, как русские? Зачем приехал тогда? Сказал бы «мне всё равно» и весь салам! Я бы не рассчитывал на тебя.

– Что скажешь, я сделаю. Помочь надо? Помогу. Но я же знаю свою сестру. Она не глупая, не пустая, не развратная. Она всегда была умной, серьёзной. Поэтому я думаю, что не просто так она убежала к нему. Тем более, сам знаешь, она требует, чтобы он и его семья соблюдали наши законы. И не он же её украл. Если бы он её украл, и она не хотела бы, тогда я не стал бы тебя спрашивать «Что делать?».

Салим молчал. Он тёр ладонями кулаки, то опускал голову, то смотрел куда-то вперёд, вдаль. Его лицо в этот момент стало тёмным, как бы высеченным из камня. Он не отвечал долго. Уже хозяйка позвала завтракать. Потом сказал: «Там посмотрим».

Возвращаемся в салон серебристого доджика, к Ивану и Ясмине...

– Останусь. Дай мне сказать. Ты знаешь, про что я говорю. Я останусь одна. Разве это честно? Скажи, это честно?

– Я смотрю на это по-другому, – он замолчал, потом хотел продолжить. – Мои родственники станут твоими. И...

– Ты смотришь правильно, а я нет?

Иван усмехнулся:

– С тобой трудно спорить.

– Со мной спорить легко, если тебе всё равно, что у меня в сердце. Тебе тяжело спорить с правдой. Честно спорить тяжело.

– Хорошо! Я не буду спорить. Совсем не хочу этого. У тебя есть предложение? Говори. Я буду просто слушать. Говори, родненькая.

– Ты должен сказать всем, что принял ислам.

– Я думал, ты предложишь что-то новое.

– По-другому нельзя.

– Можно, Ясмина. Завтра поедем в ЗАГС, подадим заявление и никто нам не помешает.

– Ты получишь, что хотел. А я потеряю всё, что у меня было. Ты этого хочешь?

– Ласточка, мы снова возвратились к той же самой теме. Ты затрагиваешь её при каждом нашем общении.

– Давай так: почему ты не хочешь принять ислам? Честно скажи мне.

– А ты не понимаешь? Я тебе не говорил?

– Нет! Скажи мне.

– Я мужчина вообще-то. Почему я должен это делать?

– Потому что ты меня хочешь.

– А ты меня не хочешь?

– А ты не будешь мужчиной, если станешь мусульманином?

– Я не в том смысле. Просто, у нас так принято было, ещё со времён царя Гороха, что женщина принимает религию своего жениха. Вон, царицы… Екатерина Вторая, например. Или первая жена Ивана Грозного перешла из мусульманства в православие, перед свадьбой.

– Я могу потерять своих родственников. Если я стану христианкой, я точно их потеряю. От меня откажутся. Что ты потеряешь? Ты такой верующий? Твоя семья такая верующая? Все твои родственники ходят молиться в церковь? Что ты потеряешь?

– Лицо, Ясмина. Лицо.

– Что?

– Родственники от меня не откажутся. Да и друзья, думаю, не откажутся, но будут крутить пальцем у виска, когда обо мне заговорят. И, согласись, это попахивает предательством. Ведь отказываешься от веры своих предков, от своего Бога и начинаешь верить в другого.

– Ты не отказываешься от своего Бога, когда переходишь в Ислам.

– Вот это новость! Хотя, может я не так выразился? Но христиане молятся одному Богу, а мусульмане другому.

– Нет. Мусульмане и христиане молятся одному Богу. Только закон разный. Бог сначала дал один закон, через пророка Ису, так у нас зовут Иисуса, а потом дал людям другой закон через пророка Мухаммеда. Христос не Бог. Где в Библии написано, что он Бог? Там так не написано.

– Ну, формально… да, это так. Там написано, что Христос сын Божий.

– Да, но это он так говорил. Он так говорил про себя. А может даже не говорил. Может другие так называли его. Но нигде в Библии не говорят, что он Бог. Поэтому у нас разные законы, а Бог один. Христиане верят одному пророку, а мусульмане другому, а евреи верят своему Мусе, Моисею. Но их всех послал нам один Бог.

– Да-да, что-то знакомое… У евреев есть пророк, у арабов есть пророк… Что же у Бога для русского человека пророка не нашлось? Он нам до зарезу нужен. Сразу все вопросы отпали бы. Вон она какая, Расея-матушка, конца и края нет. И каждый по своему закону жить норовит.

– Так ты видишь? Ты не предашь Бога. Только будешь другой закон уважать.

– Хм. Как ловко ты вставила слово уважать.

– Ну что, Иван?

Ясмина смотрела на него с ожиданием. Иван улыбнулся, взглянул куда-то в темень за лобовым стеклом, затем молча развернулся в кресле, отворачиваясь и отодвигаясь от девушки. Она слегка щипнула его за плечо: «Мм?..». Он повернул к ней голову.

Как же она была красива! Как же она была желанна! Но сейчас у неё было строгое лицо, и всё естество выражало требовательность и ожидание. Иван сказал:

– Ласточка моя, ты мне очень нравишься, когда мы не обсуждаем наши религии. Ты невероятно прекрасна, но только поднимается эта чёртова тема, как ты становишься холодной и чужой.

– Ну, ты же не можешь решить. Реши, и я такой не буду. Я буду другая.

Она протянула к нему руку, легонько погладила его по волосам, сбоку, касаясь уха, потом нежно, но теперь несколько крепче, провела по плечу, до самого запястья, где её рука была поймана и сжата пятернёй Ивана. Он весь напрягся, потянулся к ней, но моментально был остановлен её выставленной ладонью.

– Нет! Ты должен решить. Скажи мне ответ.

Иван отпустил её руку, вновь стал глядеть в темноту. Потом промолвил:

– Ладно. Решать в самом деле надо. Я тебе скажу утром. Утро вечера мудренее. Слышала такую поговорку?

– Почему не сейчас?

– Да потому что вопрос сложный!

– Ну и что? Утром легче будет? Что ты новое узнаешь утром?

– Мне надо подумать.

– О чём думать? Если ты любишь меня, тогда что тебе ещё надо? Ты уже сделал мою жизнь такой, что я боюсь завтра. Если ты не примешь ислам, то я опозорюсь и от меня все откажутся. Зачем мне тогда жить? Неужели ради меня ты не можешь сказать, что ты веришь в Аллаха и хочешь жить по закону пророка Мухаммеда?

– Сказать могу, Ясмина. Ради тебя могу. Но к другой вере так не приходят. Ты же силком меня в неё втягиваешь. Я могу сказать, но жить по чужим законам я не буду.

– Ну, тогда скажи! – почти крикнула Ясмина. – Скажи моему отцу и дяде! Давай! Они приедут утром, и ты скажи.

– Ты не поняла? Я могу сказать...

– Я поняла! Скажи!

– Ну, ладно. Только ты должна понимать...

– Я понимаю.

– Так! Я тебе даю волю, но напрягать меня не надо, Ясминушка. Ага? Сейчас я скажу, а ты выслушай. И сделай вывод.

Он приосанился, выражение его лица указывало на решимость и твёрдость, а слова прозвучали весомо. Девушка опустила глаза, она слегка отвернула голову от Ивана, а ладони сцепила у низа живота.

– Так вот, слушай, – продолжил Иван, чуть погодя. – Я скажу твоей родне, что принимаю Ислам. Я это сделаю ради тебя. Если требуются какие-то обряды, то я их пройду. Но это всё будет формально. Ты схватываешь суть? Формально. Для твоей родни и прочих, сующих нос в чужие дела. Ещё я тебе обещаю,

что никогда не буду чинить тебе препятствий в твоей личной вере. Молись, в святые места езжай (со мной, конечно), но чтобы никакого фанатизма. Никакой паранджи, или как там называют это покрывало с амбразурой? В общем, чтобы было всё в меру. Как сейчас. Без крайностей. И дети наши пусть сами выбирают себе религию. Выберут мусульманство, хорошо. Их дело. Обрезание сделаем мальчикам, а вырастут, сами выберут себе вероисповедание. И я имя своё менять на арабское не буду. Я русский. И умру русским, так что нефиг суетиться. Вот. Всё? Теперь ты скажи, тебя устраивают мои условия?

Ясмина кивнула, соглашаясь, а затем молвила:

– Пусть это останется между нами. Хорошо? Всегда.

– Конечно.

– Ты найди в интернете шахаду, это свидетельство мусульманина, и выучи. Это надо.

– Ладно.

– Я тебе доверяю, Иван. Ты меня не обижай. Никогда, хорошо? Я тебе буду всегда верной и хорошей женой.

Ясмина протянула руку к Ивану. Его ладони охватили кисть её руки. Девушка, разворачиваясь телом и подаваясь к нему, произнесла низким бархатным голосом: «Иди сюда». Он в то же мгновение развернулся и наклонился к Ясмине. Девушка прикрыла глаза, одну руку положила на плечо парня. Их губы встретились. Никогда ещё Иван не целовал таких горячих, влажных и мягкоупругих от возбуждения губ. Нешуточная страсть моментально распалилась в нём. Как же сладок был этот поцелуй! Невероятная нега ласковыми электрическими бурунчиками забегала под кожей. Ещё чуть-чуть и…

Ясмина не грубо, но весьма решительно отстранила Ивана рукой.

– Хватит, – сказала она. – Сегодня аванс, а не получка.

Парень оторопело смотрел на неё. Ясмине его разочарованно-возбуждённый вид показался комичным и она коротко усмехнулась. Иван же в очередной раз пребывал в изумлении. Он не мог понять, как эта неискушённая в женском ремесле девушка, может так резко переключаться? Как она может управлять его настроем? Откуда в ней эти умения и сила? У юных славянок такого изощрённого самоконтроля ему видеть не приходилось.

А просто это была Ясмина. Автор так полагает. Она особенная. Повезло Ване. Наверное.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ, РАЗВЯЗОЧНАЯ

«Жизнь всегда даёт человеку меньше, чем он от неё требует...»
Дж. Лондон, «Люди бездны».

Оставив свою симпатию в доме брата, Иван возвратился обратно. Ясмина опять хотела позвонить матери, но Иван настоятельно советовал ей отложить разговор до того момента, когда всё решится окончательно. Не говоря об этом вслух, он опасался, что Ясмина, поддавшись уговорам или угрозам, откажется от него.

Иван вообще не спешил. Он не стал говорить родителям о договоре с Ясминой. Ему не хотелось подчиняться чужим порядкам. Надеясь договориться на своих условиях, он решил оставить затею со сменой религии как запасной вариант.

В отличие от других домочадцев, он уснул, лишь только лёг в постель. И за несколько часов до раннего пробуждения прилично выспался. Утром у него был боевой настрой. А что? Ведь невеста у него, она сама сбежала из дома. Что предъявят её родичи? Толпой заявятся? Так и за Ваню уже толпа собирается. Драться, ругаться? Ну и что? В драке и ругани решается больше проблем, чем в спокойной обстановке. И такое решение их честнее. В мирном страхе проблемы висят годами, плодя собой обманчивые ожидания, упущенные возможности и бесполезные траты нервной энергии. Так что, будь что будет.

Раньше всех проснулся Андрей Михайлович. Совершив трёхверстовую пробежку, он принял душ,

выпил чашку кофе, услужливо приготовленного супругой, и начал делать телефонные звонки. Позвонил родственникам, десятку друзей, начальнику службы безопасности своего предприятия. Всех он попросил отложить дела и работу, помочь ему своим присутствием и участием. Начальника службы безопасности он попросил нанять дюжину крепких ребят из охранной конторы и привезти к нему. Поговорил Андрей Михайлович и с одним своим приятелем из полиции, чтобы тот направил наряд ППС по данному адресу, дабы он был поблизости и на виду. Потом он созвонился с другим приятелем, который предоставлял машины с ведомственной окраской и с обученными людьми и попросил того, оказать ему услугу в виде предоставления «скорой помощи». Этот трюк со «скорой» Андреем Михайловичем уже был как-то апробирован при столкновении с одним из бывших партнёров, позже ставшим злостным конкурентом.

Закончив с организацией встречи родственников невестки, Андрей Михайлович поднялся в спальню сына и разбудил того. Вскоре и Иван сделал полтора десятка звонков, вызывая подмогу.

К девяти часам дня возле дома Андрея Михайловича было людно. Машины стояли вдоль узкого асфальтированного пути за сотню шагов до дома и чуть менее – после него. Возле самых ворот стояла машина «Скорой помощи». Соседи спрашивали: «Что случилось?». Понаехавшие им отвечали: «Ничего. К свадьбе готовимся».

Алифу в начале девятого часа позвонил приятель и сообщил адрес Ивана. Тот поблагодарил, но сказал, что отец Ивана сам связался с ним, назвал свой адрес и попросил приехать часов в девять, дабы решить

вопрос с Ясминой. Алиф обратился к своему приятелю с просьбой помочь ему в этом деле, и тот согласился. Алиф и Салим собрали около двадцати человек и приехали по адресу в половине одиннадцатого.

Они были несколько удивлены, когда на территории элитного посёлка, не доехав сотни метров до искомого дома, попали в автомобильный затор. Дорогу им преградил солидного вида чёрный американский минивэн. Потом минивэн проехал вперёд, и гости подались за ним, но через полсотни метров он остановился, а за пятью их машинами тут же вплотную пристроился ещё один большой автомобиль. Засигналили. А надо сказать, что у кавказских водителей нажатие на кнопку сигнала второе по популярности действие на дороге; первое – нажатие на педаль газа. Наименьшую популярность имеют включение поворотников и убавление громкости музыки. (Автор сего повествования, как урождённый кавказец, имеет схожие водительские симпатии.)

Пара гостей вышли из машины, чтобы разобраться с происходящим, но к ним уже спешил какой-то молодой мужчина. Он спросил Салима. Салим, сидевший в передней машине, откликнулся словами: «Ну, я Салим». Молодой мужчина назвался Володей, братом Ивана. Кто-то выразил желание побить Володю прямо тут же, и даже сделал вид, что немедленно готов воплотить острое желание, но был остановлен Салимом. Володя, не обращая внимание на гневные взгляды, сказал гостям, что их ждут, но предложил им оставить машины и дойти до дома пешком. Такой оборот не всем был по душе, но Салим и Алиф согласились и попросили остальных пока приберечь энергию возмущения. Они уже поняли, что их ожидают вовсе не простые люди.

Подошли Ибрагим и брат Алифа с остальными спутниками, после чего вся толпа направилась к зелёным воротам двора Андрея Михайловича. Они видели, как вокруг них другая толпа, превышающая их в численности раза в четыре, также направилась к дому. Возле ворот гости увидели машину «скорой помощи», а в ней милую дамочку и двух мужчин. Салим забеспокоился, не сделала ли с собой что-то Ясмина? Кто-то спросил, зачем тут «скорая», и Володя ответил, что на всякий случай. Один из гостей шутливо заметил, что правильно сделали хозяева, но не мешало бы ещё и пожарников вызвать.

Дойдя до ворот, Володя остановился у раскрытой калитки и сказал:

– Салим, я вас попрошу пока не заходить всем сразу. Мы не ожидали так много гостей. Вашей дочери в этом доме нет, так что... Вы, пожалуйста, заходите, и пусть ещё пара человек самых близких заходят, а остальным лучше подождать пока здесь.

В толпе гостей послышались недовольные голоса, некоторые стали подпирать сзади остальных, но Салим остановил их. Во двор вошёл он, со своим сыном Ибрагимом, Алиф, брат Алифа со старшим сыном и ещё три человека. Остальные остались снаружи. Калитку не заперли, но вход перекрыли пятеро крепких ребят.

Андрей Михайлович ожидал гостей на крыльце. Рядом стояли его супруга, мать,_брат, шурин и чуть позади Иван. Хозяин дома, спускаясь с крыльца к гостям, поприветствовал их и назвался. Представил он и свою супругу. Алиф же сказал, обращаясь к Ивану:

– А ты что там прячешься? Ну иди сюда.

– Дорогой, – сказал ему Андрей Михайлович. – Это я попросил сына стоять там, а то мало ли у кого

какие намерения. Правда? Это мой дом и будет хорошо, если вы со мной будете разговаривать. Извините, не знаю кто вы.

– Где моя дочь? – спросил Салим, приковывая внимания к себе.

– Салим, я узнал вас, – обратился к нему Андрей Михайлович. В этот раз он держал в памяти имя отца Ясмины. – Узнал. Где Ясмина? Она в безопасности. Ничего с нею не произошло. Но она была очень напугана вчера, когда попросила моего сына укрыть её. Кто её так сильно напугал?

Алиф начал что-то говорить, мол, сама виновата и это семейное дело, но Салим перебил его, обращаясь к отцу Ивана:

– Это моя дочь. Я её заберу, по-любому. Лучше приведите её сюда сами, чтобы не было у нас скандала.

– А скандала не будет, – сказал Андрей Михайлович. – Мои люди просто выкинут со двора лишних, а полиция, которая тут недалеко находится, заберёт к себе самых буйных.

Вперёд шагнул один из приятелей Алифа и сказал:

– Вы нам угрожаете? Я майор угрозыска. Моя фамилия Г…ов. Документы надо показывать?

– Ордер покажите, майор. И назовите основания, на которых вы тут находитесь. Или вы просто пользуетесь своими служебными полномочиями, чтобы решать личные вопросы?

– Я здесь, потому что было совершено похищение. Похитили девушку, дочь этого человека. Есть основания предполагать, что это совершил ваш сын. Вы хотите, чтобы мы сами, между собой, решили

вопрос? Или хотите, чтобы началось официальное расследование и на него завели дело?

– Я бы вообще не желал, чтобы имя такой хорошей девушки фигурировало бы в каких-то делах и о ней ходили бы всякие сплетни. Очень это не желательно. Зачем марать репутацию юной невинной девочки?

– Где она? – спросил Салим, не дожидаясь новой реплики майора.

– В моём доме её нет, уважаемый. Нет её здесь. И, честно сказать, я бы не хотел, чтобы она тут была в том неопределённом положение, в котором находится сейчас. Давайте поговорим. Поговорим в узком кругу. У нас на майора полковник найдётся, а если понадобится, то и генерала подключим. Но зачем нам звёздочками на чужих пагонах мериться? Салим, я прошу вас, зайдите в дом, там мы сядем и спокойно поговорим. Я и вся моя семья хочет выйти из этой ситуации. Я, как отец (у меня тоже есть дочь), понимаю вас и желаю, чтобы вы сохранили своего ребёнка и свою честь. Поверьте, это в моих интересах и в интересах моего сына. Пройдёмте, пожалуйста, в дом и поговорим в узком кругу. Решение-то принимать всё равно мне и вам.

Салим раздумывал не долго. Он уже понял, что численного перевеса тут не добиться. И подключать связи тоже нет особого смысла, так как это требует времени, а надежды на благоприятный исход мало.

– Алиф, – обратился он к своему родственнику по-русски, – ты пока отведи своих друзей к машине, успокой их, а сам потом возвращайся или там подожди. Сам смотри.

Алиф хотел было возразить, да не стал. Посмотрев на Салима и оглядев хозяев, он сказал

майору и остальным: «Пойдём пока на улицу». И лишние гости покинули двор. Алиф, конечно, не собирался возвращаться, так как ему была понятна вежливая форма, в которой Салим попросил его удалиться.

И вот Андрей Михайлович с Иваном и Салим с Ибрагимом прошли в гостиную, ту самую, что недавно произвела впечатление на Ясмину. Они сели за стол напротив друг друга. Светлана Николаевна принесла им чай и села поодаль от мужчин.

После нескольких малозначимых слов хозяина, и, не коснувшись чашки предложенного чая, Салим сказал:

– Слушайте, я только из вежливости зашёл сюда со своим старшим сыном. Я не знаю, что вы мне можете предложить, чтобы я отдал свою дочь за вашего сына. Нет ничего такого. Всё, что я вижу тут, это ничто. Это можно сломать, сжечь, украсть и продать другому человеку. У нас есть обычаи, вера, честь семьи, которые невозможно уничтожить или купить. Поэтому пусть моя дочь будет жить в бедности, где-то в горах, где нет электричества и воды, но она должна соблюдать наши обычаи, беречь свою веру и честь. Вот, что важно.

– Салим, – Андрей Михайлович отставив в сторону чашку чая, стоявшую перед ним, положил руки на стол и сцепил пальцы. – Правильно я вас называю? Примите вы такое обращение? Ну, хорошо. Салим, я тоже думаю, что всё это пшик. Я не горжусь этим и не выпячиваю. Но для многих эта обстановка важна. Я рад, что вы человек духовного плана. Это нас, надеюсь, сблизит.

Он замолчал, похоже, подыскивая слова для продолжения беседы. Потом спросил:

– А это ваш сын, да?

– Да, – отвечал Салим. – Ибрагим, старший брат Ясмины.

– Угу. Я рад знакомству. А вот мой второй сын и… как бы это выразиться?.. не виновник… зачинщик нашего знакомства.

– Я вижу. Что, для тебя в Москве невест мало? – обратился Салим к Ивану. – Не подходят они тебе?

Голос его в эти мгновения стал особенно резким, взгляд пристальным. Он явно сдерживал себя, чтобы не схватить юношу за грудки.

Иван пожал плечами:

– Для меня больше нет других.

– А ты знаешь, что у нас принято спрашивать разрешение у старших? – повысил голос Салим. Глаза его зло засверкали, ладони сжались в кулаки.

Андрей Михайлович, дабы пресечь ссору и драку, быстро сказал:

– Салим, дружище, вот для этого я вас и позвал. Давайте обсудим этот…

– Что обсудим? Мою дочь прячете от меня! Как заложника держите! Обсудим… Вы что, думаете, я только разговаривать умею?

Голос его был громким, он готов был вскочить со стула.

– Ну-ну, подождите, – Андрей Михайлович выставил ладони вперёд. – Салим, давайте успокоимся.

– Слушайте, – Салим поднялся, – я тут не хочу находиться. Где моя дочь? Или сюда её привезите, или везите меня к ней.

Андрей Михайлович откинулся на спинку стула. Он взглянул на Ибрагима: тот не очень добро смотрел

на него и, по всей видимости, собирался встать вслед за отцом. Перевёл взгляд на Салима и сказал:

– Скажите, какая самая главная причина того, что вы против свадьбы наших детей. Только откровенно. Чтобы у нас больше не было вопросов на эту тему. Что является главным препятствием? Национальность?

– При чём тут национальность? Это конечно важно…

Было видно, что он заколебался. Протянул руку к стулу. Андрей Михайлович видя это, спросил:

– Так что же? Что? Честно, что?

– Честно? – Салим подвинул стул и резко сел, налёг на стол. – Честно, да?

– Честно, – повторил Андрей Михайлович.

– Тогда слушай, Андрей. Вот, даже может при этом, – он указал на Ибрагима,– при моём старшем сыне не надо это говорить, но ты хочешь откровенно, и я скажу.

Он придвинулся к собеседнику, понизив голос чуть ли не до шёпота.

– Вы здесь в Москве живёте в безопасности. У нас не так. У нас другая жизнь. Вы здесь знаете, что будет завтра, а мы не знаем. Знаешь сколько у нас фанатиков? Знаешь, какая у нас религиозная обработка? У нас Турция рядом, Саудовская Аравия! Их агенты у нас везде. Половина ваших эфэсбешников на них работает. Я тебе как офицер говорю. Я эту кухню знаю. Может на вид спокойно, но там, где чужие не видят… там идёт война. Ты думаешь, если я отдам дочь за твоего сына, никто ничего не скажет? Хе!

Он поднял руку в жесте, как бы говорящем «оказывается, ты ничего не знаешь», и сел на стуле прямо. Продолжил:

– Андрей, поверь мне, завтра найдутся люди, которые назовут меня врагом Ислама, предателем собственной веры и своего народа. Эти люди сами внутри может и не очень верят в Аллаха, но они зарабатывают себе авторитет и деньги тем, что показывают другим, какие они святые. Это их бизнес. Таких людей много. Потому что у нас так: ты можешь убивать, делать рэкет, грабить, но тебе всё сойдёт с рук, если ты говоришь, что верующий и всё делаешь ради Аллаха. Они находят такие слова и так подают смысл, что получаются всегда правы. Даже если они ошибаются, они ошибаются ради пользы Всевышнему. Кто с ними не соглашается, того убивают. Убивают, и говорят, что очистили мир от того, кто ложно трактовал закон пророка. Но ты, наверное, сейчас думаешь, что я боюсь? За себя боюсь?

Андрей Михайлович неопределённо качнул головой.

– Нет, Андрей, я не за себя боюсь. Они убьют меня, и пусть. Но они уничтожат мою семью. У меня младший сын есть. Он станет моим врагом. Они будут его прессовать. Его будут обрабатывать. Скажут: «почему ты терпишь, что твою сестру-мусульманку отдали кафиру? Если ты мужчина, то не позорься и защити нашу веру». Если он откажется, то его не будут уважать и станут позорить. Если он будет делать, как они хотят, то он приведёт в дом друзей-бандитов, сделает в подвале оружейный склад, и тогда его убьёт спецназ, во время зачистки. Мою младшую дочь будут обзывать, унижать. Пойми, для этих людей ислам, это бизнес. Это серьёзный бизнес. Это кормушка, за которую они будут убивать. Это выгодный бизнес. Он даёт статус, хорошее положение. Понимаешь, да? Я сам верующий человек, но чтобы у нас получить

авторитет, надо всем говорить, какой ты верующий, всем показывать как сильно ты веришь, как готов защищать свою веру, должен прессовать христиан и тех мусульман, которые не показывают свою веру. Кто у нас просто верит в Аллаха, тот ничего не значит. Он как-будто не верующий. Он не в бизнесе. А если завтра будет мятеж, и эти «бизнесмены» устроят свой халифат, ты понимаешь, что может случиться с моей семьёй?

Салим замолчал на секунду, переводя дух, и продолжил:

– Ты думаешь, мне не хочется, чтобы Ясмина жила в Москве, в хорошем доме, чтобы она была обеспечена всем? Хочется, Андрей. Конечно, я этого хочу. Но ты сам подумай, какой ценой она получит свободу. Обратного ходу ей нет. И семья будет страдать. Так устроена наша жизнь! Понимаешь меня?

– Да, в какой-то мере понимаю. Но почему тогда те, кто живёт тут, в России, тоже не очень-то отдают девушек за русских парней? Что-то не много таких случаев.

– Ты мне что, не веришь?

– Я просто хочу разобраться до конца.

– Откуда я знаю? Я за себя отвечаю. Хотя могу сказать… не хотят терять связи с родственниками. Связь с малой Родиной. Там же у них родители, братья, сёстры. Кто поддерживает связь, те не отдают… Ну, и традиции. Вопрос национальности тоже есть, я обманывать не буду. Поэтому, Андрей, – Салим наклонился, чтобы быть ближе к собеседнику, – вы должны немедленно возвратить мою дочь.

– Мы её у вас не забирали, – ответил Андрей Михайлович.

В то же мгновение глаза Салима налились кровью.

– Ты что, хочешь чтобы я убил его, а?! – рявкнул он вскакивая со стула и указывая на Ивана. Тут же вскочил и Ибрагим. Вскрикнула Светлана Николаевна, сидевшая поодаль и до сих пор не проронившая ни звука. Салим потянул руку к Ивану, а Андрей Михайлович, тот час же встав на ноги, попытался ему помешать.

– Стойте! – резко произнёс Иван. – Теперь слушайте меня.

Все, с некоторым изумлением, уставились на него.

– Я не хотел сообщать об этом именно по той причине, что вы можете подумать, что я боюсь, или делаю это из-за Ясмины. В общем, я не хотел, чтобы вы думали, что в моём решении есть корыстные мотивы. Но теперь я вижу, мы не можем договориться. Я вынужден сообщить теперь, хотя хотел сделать это потом, позже, в спокойной ситуации…

– Что ты там мямлишь? – подал голос Ибрагим.

Иван предупредительно выставил в его сторону руку с поднятым указательным пальцем. И продолжил в более твёрдой интонации:

– Так вот… папа, мама, для вас это будет неожиданным, но вы, надеюсь, меня поймёте. И вы, – он обратился к Салиму и его сыну, – вы оба мусульмане. Вы будете моими свидетелями. Для этого надо два свидетеля. Итак! Я клянусь и верую, что нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед его посланник.

Это были слова шахады – вероисповедальной клятвы мусульманина.

Вот такой зигзаг. Андрей Михайлович присел. Улыбка на его лице могла бы насторожить даже

малоопытного психиатра. Светлана Николаевна причитала сквозь слёзы, и лейтмотивом в её причитаниях звучало: «Сына, ты хорошо подумал?». Салим вспотел, – вспотел от того, что он боролся с желанием, вскочить на этот шикарный лакированный стол и плясать лезгинку, – плясать, плясать… плясать… Композиция чувств на лице Ибрагима тоже претерпела существенные изменения – глаза его хитро посверкивали, сквозь маску серьёзности прорывалась улыбка. Лицо же Ивана, хотя и имело признаки сильного смущения, но улыбка его выражала… лукавство что ли?.. самодовольство?.. Непростая у него была улыбка.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ, ДОГОВОРНАЯ

Нельзя быть таким слишком практичным,
чтобы судить по результатам,
— человечнее судить по намерениям.
А. Солженицын, «Раковый корпус».

Автор не видит смысла подробно расписывать последовавшие события и пересуды, так как подноготная их почти полностью раскрыта. Но творческий зуд таки заставляет вашего верного рассказчика довести до сведения ненасытного читателя некоторые особо благодатные и примечательные моменты этой недавней истории. Только кратко… и не совсем кратко …

Заявление Ивана всем требовалось переварить. Андрей Михайлович, извинился перед гостями, и сказал, что хотел бы перейти в другую комнату, поговорить с сыном наедине. Гости сказали, что они хотят выйти на улицу к своим товарищам, и встали из-за стола. После общения родителей с сыном, лицо отца стало чуть веселее, а лицо матери, может, уже не было трагическим, но выражало озабоченность.

Салим на улице объявил, что основная проблема улажена: Иван мусульманин. Значит, препятствий для брака стало меньше, почти не осталось. Это вызвало вздох облегчения и радостные возгласы в стане кавказцев.

В кругу нашего героя было непонимание, удивление и сомнения. Однако все близкие родственники уже знали о решении Ивана, через них узнали находившиеся во дворе люди (в

интерпретации, отличающейся от исходника), а далее с серьёзными искажениями весть о духовном перерождении хорошего русского парня достигла и тех, кто находился за оградой особняка. Слышались реплики: «Принял ислам?!», «Кто умер?», «Скорая-то вот, стоит», «Любовь зла…».

Потом Володя попросил Салима возвратиться в дом, чтобы принять окончательное решение. Салим не спешил с решением. Он выразил желание увидеть дочь и поговорить с ней. С ним согласились, и Иван сам поехал за Ясминой. Когда он выходил со двора, то друзья говорили ему: «Вань, а нам сообщили, будто ты умер». «Не дождётесь» – отвечал тот, и в двух-трёх фразах пытался объяснить приятелям, то, на что автору сего повествования потребовалось семьдесят тысяч слов. Он уехал с двумя товарищами на их машине, чтобы возвратиться через полчаса со своей симпатией и семьёй брата. Во дворе в это время уже жарили на углях барана и индюшек.

Ясмина обо всём узнала от Ивана. Новый поворот обрадовал её так, что она, забыв о присутствии посторонних, крепко поцеловала своего Ваню. Опять слёзы. Такие же солёные, что недавно текли по её щёкам от горя и безысходности, но как же легко теперь в груди! Как легко в груди! Как истомно плачется! Её быстро успокоили. Однако она испытывала страх и сильнейшее волнение: ей предстояло встретиться сейчас с отцом, с другими родственниками, с множеством знакомых и незнакомых людей. Вот они – невестины страдания. Началось!..

Так как Ясмина бежала от родственников в домашней одежде, то Вера помогла ей нарядиться: часть одежды невестке она отдала из своего

гардероба, а другую часть дала её соседка, миниатюрная молодая женщина, с которой они крепко дружили. Смотрелась наша красавица очень даже ничего. Встречена она была хорошо. Правда, отец её ждал отдельно от остальных, в гостиной. Они оставались наедине минут двадцать. На люди оба вышли потом невесёлые – видимо, не простой разговор был у отца с дочерью. Да и как иначе, если такой форс-мажор?

При стечении народа и открытых воротах (эй! заходи, кто хочет), Андрей Михайлович сосватал своего сына. Салим, хотя и имел вид несколько грустный и измученный, не выразил возражений, и стороны отделились узким кругом, чтобы решить практические вопросы.

В это время Ясмина связалось со своей семьёй в Махачкале, по скайпу. Там уже знали, что происходило этим утром, но всем было, что сказать. Конечно, Ясмину пока не простили за те волнения, что пришлось всем пережить по её вине, за её самовольство, однако людям известно, что Аллах всегда на стороне победителей. И довольно скоро разговор почти сплошь состоял из восторгов, по поводу того, что Ясмина попала в обеспеченную и влиятельную семью. Родственники хотели увидеть жениха, но тот крутился с приятелями во дворе и на улице, делясь подробностями переживаний последних месяцев и дней. Не обошлось и без острых шуток, соответствующих теме, от старших женщин. Ясмина видела знакомые и близкие сердцу лица своих родных, и ей хотелось ответить каждому, сказать что-то ласковое. Со всей силой внутреннего осязания она чувствовала близость к ним. Теперь они снова с ней, они на её стороне, до конца жизни. Эти тётки, сёстры,

свояченицы, племянницы, дядьки, братья... какие-бы мелкие или серьёзные стычки не случались между ними – они семья. Самый близкий круг человека. И Ясмина сохранила его для себя и своих будущих детей.

Потом молодых позвали, чтобы обручить. Иван зашёл за Ясминой, и та незаметно вытащила из сумочки своё колечко и отдала ему. О том, что Иван и Ясмина помолвлены тайно, знали лишь в семье жениха, разумеется, не стремясь поведать об этом всему миру.

Салим взял на себя материальные затраты обеспечения свадьбы. Организационные вопросы решала семья жениха совместно с Алифом, которому было поручено замещать Салима в Москве и представлять в его отсутствие семью невесты. Отец невесты обязался устроить торжества в Махачкале. От семьи Ивана молодым доставалась, знакомая уже читателю, квартира в Москве и участок в пятьдесят соток в живописном месте под Коломной. Также Андреем Михайловичем были выделены сыну подъёмные. В приданом невесты числился участок в тридцать соток неподалёку от Каспийска, вблизи моря, и также некоторая денежная сумма, которая, согласно мусульманским традициям, может быть передана мужу, а может быть и оставлена супругой в собственном распоряжении. Кроме того, от семьи жениха Ясмине дарилась торговая лавка в том же районе, где находилась квартира молодых. Пока лавка формально принадлежала Светлане Николаевне, но Ясмина могла её переписать на себя вместе со всем содержимым (одежда, обувь) в любое время. А ещё кое-какие подарки были сделаны семье невесты, но довольно скромные.

Затем Андрей Михайлович и Салим вышли на крыльцо. Хозяин дома подозвал народ и объявил, что приглашает на свадьбу своего сына всех, кто был сегодня здесь, кто пришёл по первому зову. Всех! Народу это понравилось. Ну, ещё бы… Салим также пригласил всех, без исключения, на свадьбу своей дочери, и не только тут, в Москве, но и в Махачкале. Приглашение в Махачкалу вызвало прилив энтузиазма лишь у небольшой части присутствующих. Далековато, да?

Теперь, когда мы осветили практические вопросы устройства свадебного торжества Ивана и Ясмины, можно глотнуть немного лирики.

Свадьбу назначили провести через два месяца. Молодым надо было набраться терпения. Жить им пока надлежало врозь. Ясмина до окончания семестра возвращалась к тёте Розе. Потом она полетит в Махачкалу. Возвратится, и уже в Москве будет вести последние приготовления к своей свадьбе. С ней приедут несколько близких родственников. Иван и Ясминочка также должны нанять рабочих для ремонта квартиры и совместно обустроить её под свой вкус.

И время понеслось! Два месяца. Они были наполнены не только хлопотами, – и даже не столько хлопотами, – сколько предсвадебным счастьем, чистыми и открытыми отношениями двух молодых людей.

Наконец, Ясмина могла свободно прогуляться по городу с Иваном. И они гуляли. Они допоздна бродили по Кольцу бульваров (за что Ясмина получала выговор от тёти Розы, а затем и от матери), брызгались водой фонтанов ВДНХ и Парка Культуры; они осторожно ступали на прозрачный пол Останкинской телебашни и подставляли лицо ласковому воздушному потоку на

палубе речной «Ракеты»; они с друзьями играли в волейбол на лужайке дома Андрея Михайловича и ездили в деревню под Коломной, где на своём участке возле реки Оки, горячо спорили о том, где тут будет располагаться дом, где летняя беседка, где детская площадка; они сидели в «Шоколаднице», пили капучино с сердечками, нарисованными на пенке, или смотрели живописные полотна художника Шилова в его выставочном зале; в «Театре наций» они смотрели по европейски упрощённую псевдолубочную постановку «Рассказов Шукшина» латышского режиссёра, переигровку Евгения Миронова в ней и игру безупречной Чулпан Хаматовой; Иван хлопал Ясмине, когда она выступала на сцене и встречал её после репетиций, а она звонила ему на работу и говорила, что тоскует без него.

Это была свобода. Эта свобода досталась им в борьбе, в сложном внутреннем выборе. Победа была добыта ими в тонкой граничной полосе, что объединяет рассудок и чувства. И теперь они наслаждались. Они начали собирать плоды своих стремлений и усилий. Они начали воплощать собственный жизненный план.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Нужно читать и уважать только те книги,
которые учат понимать смысл жизни,
понимать желания людей и истинные мотивы
их поступков»
М. Горький.

Вот и конец нашей истории. А история жизни Ивана и Ясмины продолжается.

Я видел их несколько месяцев назад в Чехии. Иван открывал там филиал своей компании, налаживал работу отдела. В поездку он взял свою семью. У них с Ясминой уже два ребёнка. Два маленьких человечка. Первенец Руслан вовсю осваивает наш мир – и бегом, и ползком, и на четвереньках, и на вкус, и на запах, и на ощупь. А на руках Ясмины маленькая Соня, голубоглазая малютка.

С ними же в Чехии была младшая сестра Ясмины, чья личная жизнь, к сожалению, пока не очень удачно складывается. А сами молодые супруги представляют собой образец счастливой пары. Видно по ним, что они оба довольны друг другом и своей судьбой. Глядя на них, был счастлив и автор сего повествования.

Иван, Ясмина! Спасибо вам, ребята, за вашу открытость, за вашу доброту и понимание. Спасибо вам за подробности, без коих и не сложилось бы данная повесть. И простите, если я написал о чём-то слишком откровенно или пошутил скабрёзно.

Спасибо и Вам, читатель, – мой родной читатель. Спасибо, что составили мне компанию в путешествии по удивительной истории двух наших героев.

Будьте счастливы!

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА.....3

ГЛАВА ПЕРВАЯ, ПОЛУДРАМАТИЧЕСКАЯ.....5

ГЛАВА ВТОРАЯ, ЭКСКУРСИРУЮЩАЯ В ПРОШЛОЕ.....32

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, ЗАВЯЗЫВАЮЩАЯ.....56

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ, ПРОЯВЛЯЮЩАЯ.....84

ДОПОЛНИТЕЛЬНУЮ ИНТРИГУ.....84

ГЛАВА ПЯТАЯ, КОРОТКАЯ И ТРАГИЧЕСКАЯ.....123

ГЛАВА ШЕСТАЯ, ПРОСТИТЕЛЬНАЯ.....127

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, ПОСВЯЩЁННАЯ ДОМУ И СЕМЬЕ130

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, НУДНАЯ, ЗАУМНАЯ И НЕИНТЕРЕСНАЯ, МОЖНО ПРОПУСТИТЬ.....179

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, ОБРУЧАЮЩАЯ.....187

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, ЗАСТАВЛЯЮЩАЯ НАПРЯЧЬСЯ.....204

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ... КАЖИСЬ.....234

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, ТЬФУ-ТЬФУ-ТЬФУ.....259

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, ПОУЧИТЕЛЬНАЯ.....274

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, ВСЁ СЕРЬЁЗНО, КАК У ПЧЁЛ 283

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ, РАЗВЯЗОЧНАЯ.....296

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ, ДОГОВОРНАЯ.....309

ПОСЛЕСЛОВИЕ.....315

Литературно-художественное издание

18+

Игорь Азерин

ИВАН И ЯСМИНА

Издательство «Беркхаус» (ИП Колпак А.Е.)

Ответственный редактор Е.А.Рубец

Оформление обложки А.Е.Колпак.,Д.А. Плужников

Верстка В.А.Крюкова

Homepage: www.berkhouse.ru

e-mail: berkhouse@yandex.ru

Подписано в печать 22.04.2016 г.

Формат 60x84/16. Печать цифровая.

Тираж 1000 экз.